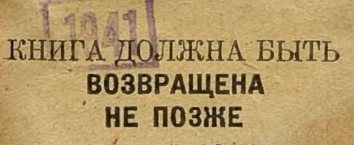
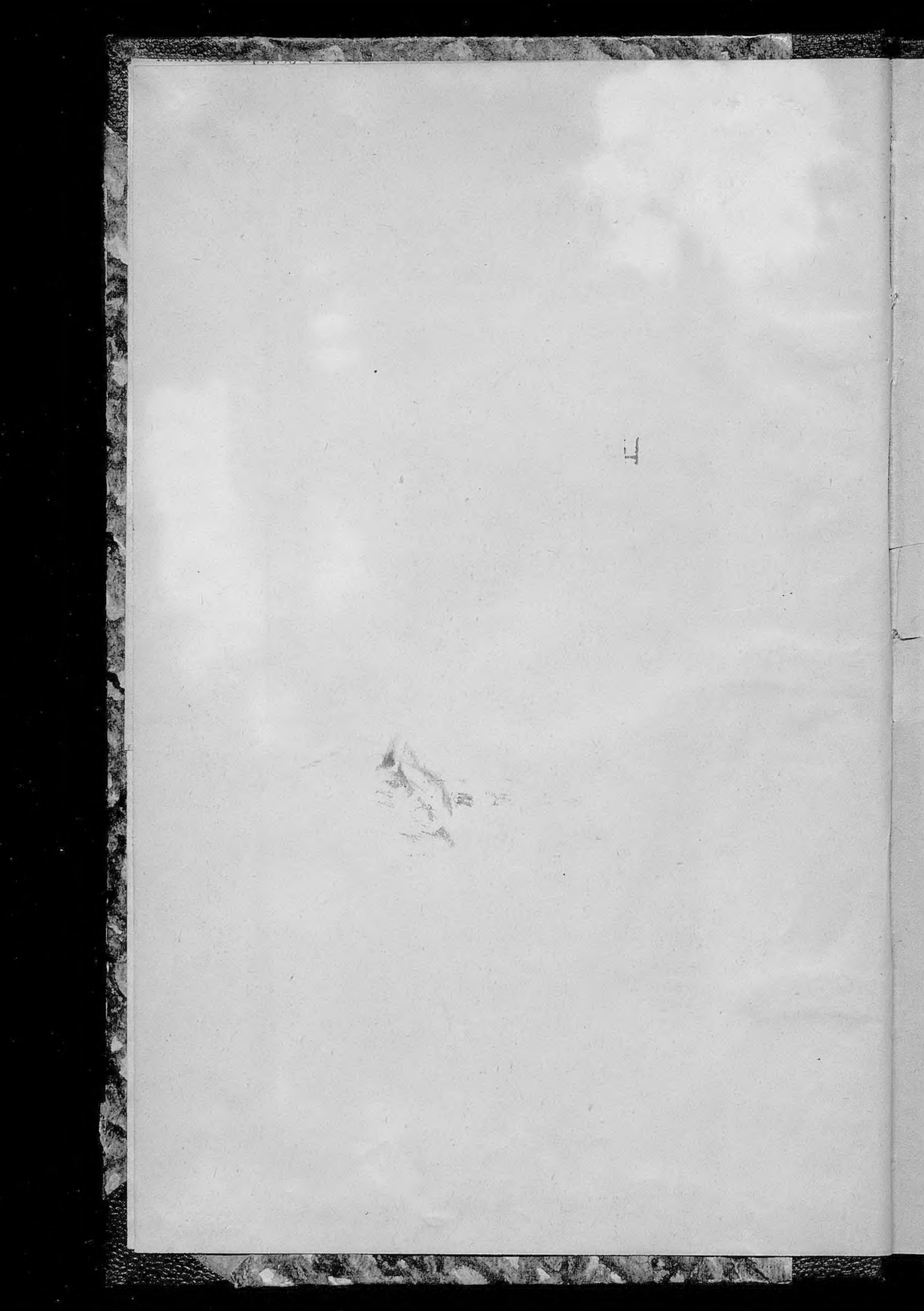
Р. М. КАНТОР

НЕЧАЕВЫМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД 1925 г.

Р. М. КАНТОР

В ПОГОНЕ ЗА НЕЧАЕВЫМ

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СЕКРЕТНОЙ АГЕНТУРЫ III ОТДЕЛЕНИЯ НА РУБЕЖЕ 70-Х ГОДОВ

ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД — МОСКВА
1925

Гиз. № 10606. Ленинградский Гублит. № 21509. 9¾ л. Отп. 4000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

При составлении настоящей книги я пользовался донесениями Карла-Арвида Романа — крупнейшего, на мой взгляд, агента III Отделения, «работавшего» в эмигрантской среде в течение второй половины 1869 и всего 1870 года. Часть донесений адресована заведывавшему в то время агентурой III Отделения Константину Федоровичу Филиппеусу, а остальные (незначительное меньшинство) представлялись их автором полковнику Антону Николаевичу Никифораки, руководившему розысками Нечаева заграницей и находившемуся большею частью, как и Роман, в Женеве. Все донесения, — вернее та пачка, которой я располагал при работе, — хранятся в Ленинградском Историко-Революционном архиве (I Отдел. Политическ. Секции).

С точки зрения истории русской эмиграции 60-х и 70-х г.г., донесения эти представляют чрезвычайный интерес, приоткрывая завесу над некоторыми, далеко не второстепенными, фактами из жизни тогдашней эмиграции, к которым III Отделение руку приложило. В равной степени они наглядно выясняют характер и способы секретной агентуры знаменитого «высокого учреждения», мало отличающиеся от тех, к которым, спустя много лет, прибегал и памятный всем Департамент полиции. . .

Работая над таким материалом, как «агентурные донесения», всегда приходится относиться к ним с особой осторожностью. В этом отношении донесения, использованные в настоящей книге, являются завидным исключением. С первого же знакомства с ними убеждаешься в том, что автор их — агент совершенно особого типа. В донесениях отсутствует всякий фантастический элемент, нет намека на грандиозные заговоры, — одним словом, они не затрагивают излюбленных тем подобного рода агентов. На протяжении многих страниц Карл-Арвид Роман спокойно рассказывает о таких вещах, которые навряд ли могут способствовать целям шантажа. Я полагаю и, думаю, безошибочно, что большею частью и в главных случаях донесения правдивы. Читатель, надеюсь, сам убедится в этом. Те

несколько случаев, когда совершенно ясно вырисовывается его действительная роль, заставляют одновременно относиться к его остальным показаниям с некоторым доверием.

Только после того, как полностью будет опубликована переписка Бакунина с Огаревым, о которых, главным образом, идет речь на страницах книги, представится возможность подвергнуть показания данного агента должной проверке. Пока же мы располагаем только незначительной частью этой переписки, — проверить донесения невозможно, за исключением, конечно, тех случаев, в отношении которых соответствующий материал был налицо. В последнем случае, как увидим, сообщения агента вполне совпадали с данными, существующими в литературе.

Прошу не предъявлять к книге тех требований, которых автор сам не предусматривал. Моей целью было на сыром материале показать, как «работало» III Отделение. Естественно, что я везде предпочитал предоставить слово самому агенту, а не передавать содержание его донесений. Излагать «агентурное донесение» — задача щекотливая: всегда рискуешь передать не точно то, что нужно, и что в действительности агент писал.

Деятельность Карла-Арвида Романа, несомненно, отразилась так или иначе, в большей или меньшей степени, на деятельности эмиграции. Обследовать степень такого влияния не было моей задачей — пока, по многим причинам, нет возможности произвести такую работу. Я старался только изложить фактическую историю его деятельности.

С сохранением старой орфографии приводятся только те несколько записок Н. П. Огарева, А. И. Герцена и М. А. Бакунина, которыми я располагал в подлинниках. Во всех же остальных случаях документы и письма, как и подлинные донесения Романа, приводятся по новой орфографии.

При разработке материалов техническую помощь оказывали мне Галина Иосифовна Кантор и Эсфирь Иосифовна Томсинская, за что им приношу глубокую благодарность. Равным образом, пользуясь случаем, считаю долгом своим выразить искреннюю признательность С. Н. Валку, Ш. М. Левину, Н. О. Лернеру, А. А. Шилову и П. Е. Щеголеву, ценными советами и указаниями которых я пользовался при своих работах неоднократно.

* * *

Первое издание настоящей книги вышло в свет осенью 1922 г. и к марту 1923 г. целиком было уже распродано.

Не только, однако, это обстоятельство послужило поводом к выпуску книги новым изданием. В последнее время удалось

обнаружить ту часть донесений К. Романа, которые непосредственно освещают историю покупки III Отделением архива князя П. В. Долгорукова (донесения эти до 1923 года, как оказалось, хранились в Пушкинском доме при Академии Наук). Для настоящего издания, таким образом, представилась возможность использовать эти материалы и соответственно дополнить книгу двумя новыми главами, подробно выясняющими историю покупки архива и рисующими отношение А. И. Герцена к агенту Роману.

И в этой части мы предоставляем слово преимущественно самому агенту. Излагать своими словами его донесения, рассказывать о его деятельности с его же слов — значило бы слепо довериться ему. Материалов, потребных для критической проверки его донесений, весьма мало. В нашем распоряжении нет не только писем, отправлявшихся Роману из Петербурга руководителями III Отделения, но нет главного: всех писем А. И. Герцена, Н. П. Огарева, М. А. Бакунина и др. за 1869—1870 г.г. Донесения Романа, обильно цитируемые нами, мы поэтому рассматривали только как сырой материал, над которым будущему историку придется не мало поработать.

В приложениях к настоящему изданию мы впервые публикуем доклад жандармского полковника Николича-Сербоградского об аресте Нечаева и воззвания русских эмигрантов по поводу выдачи его швейцарским правительством России.

Появлением нового издания мы обязаны Центрархиву, с разрешения которого мы книгу выпускаем.

Р. К.

ГЛАВА I.

Организация погони.

Революционное движение, пошедшее, как казалось, на убыль после каракозовского выстрела (4 апреля 1866 г.) под влиянием суровой репрессивной политики III Отделения и особой Следственной комиссии, снова взбудоражило русское общество и правительственные сферы в 1869 г., угрожая принять невиданные до того формы. Правительству, и больше всех, конечно, руководителям III Отделения собственной его величества канцелярии, вследствие полной неожиданности нагрянувших на их головы бед и чрезмерной внешней остроты, которой отличались разыгравшиеся тогда события от прежних, пришлось пережить короткий период непритворной тревоги, опасаясь, если не за судьбы абсолютизма, то, во всяком случае, за жизнь наиболее ревностных и выдающихся его слуг.

Воспользовавшись бурными беспорядками в высших учебных заведениях Москвы и Петербурга, на арену революционной деятельности с шумом выступил пылкий и неукротимый энтузиаст Сергей Геннадиевич Нечаев. Человек решительный, с железной волей, с закаленным характером, с диктаторскими замашками, фанатично верующий в революцию, преданный ей до самопожертвования, стремящийся явно претворить свои мечты в действительность, — такой человек, пусть с макиавеллиевскими принципами, но зато, в глазах своих врагов, серьезный и опасный противник, не мог не привлечь к себе в то время пристального внимания правительства и его главного охранительного органа — III Отделения.

Впервые правительство столкнулось с его именем и деятельностью в начале 1869 г. при производстве расследований студенческих беспорядков. Расследованием этим было обнаружено, что он «был одним из главных деятелей этих беспорядков, и притом таким, — читаем мы в одной справке, составленной в III Отделении, — который воспользовался недовольством

студентов за отказ учебного начальства в разрешении им иметь свою кассу для достижения личных своих целей, а именно — изменения существующего государственного строя посредством революции»... Начавшиеся розыски Нечаева оказались тщетными: 4 марта он по чужому паспорту выехал заграницу, где, выдавая себя, как известно, за беглеца из Петропавловской крепости и представителя большой несуществовавшей революционной организации, сошелся с Огаревым, Герценом, его, впрочем, недолюбливавшим, и, в особенности, с Бакуниным.

Эмигрантская его деятельность, продолжавшаяся приблизительно до начала сентября того же года (в сентябре он вернулся в Россию), в достаточной мере дразнила и возмущала петербургские сферы. Не потому, конечно, что последние были осведомлены о его ближайших намерениях, переговорах с Бакуниным и т. п.: все, что Нечаев в этот период конспиративно предпринимал заграницей, оставалось, по всей вероятности, тайной для них. Но правительство на каждом шагу сталкивалось с его энергичною агитационной деятельностью здесь же, в пределах России. За короткий промежуток времени, например, с марта по конец августа 1869 г., в одном только петербургском почтамте были задержаны 560 прокламаций на имена 387 лиц [1]). Цифра для того времени внушительная. А на большинстве из них красовалась подпись: «ваш Нечаев». Те же из прокламаций, на которых отсутствовала его подпись, трактовали приблизительно о тех же явлениях текущей русской жизни или затрагивали те же политические темы, что и «нечаевские», так что авторство и распространение их, естественно, приписывались тому же Нечаеву. По официальному определению, в прокламациях этих «всякая застенчивость, всякая скромность откинуты в сторону, и яркий революционизм, бесстыдное богохульство проповедуются с невообразимым цинизмом» [2]).

К концу 1869 г. взгляд правительства на Нечаева резко меняется, точнее говоря, отношение к нему обостряется. Он вырастает в глазах «петербургских медведей» в могучую и грозную революционную силу. В последних числах ноября следственные власти напали на след его беспримерной «разрушительной» работы в России, выразившейся, главным образом, в создании им из ряда более или менее революционно настроенных лиц внушительной на вид организации на началах, как оказалось после ее раскрытия, строжайшей конспирации и безусловного централизма. То был «Комитет Народной Расправы», программа

---

[1]) См. Дело архива III Отделения, III экспедиции, № 110 за 1869 г., л. 262.

[2]) Там же. Цитата, заметим, заимствована из доклада, представленного III Отделением Александру II в конце августа 1869 г.

которого, написанная в смелом и уверенном тоне, в свою очередь, порождала в соответственных правительственных кругах тревогу.

«Мы хотим народной, мужицкой революции, — говорилось в программе.— Не щадя живота и не останавливаясь ни перед какими угрозами, трудностями и опасностями, мы должны, рядом личных действий и жертв, следующих одни за другими, по общему, строго обдуманному и сговоренному плану, должны рядом смелых и дерзких попыток ворваться в народную жизнь и, возбудив в народе веру в нас и себя, веру в его собственную мощь, расшевелить, сплотить и подвинуть его к торжественному совершению его же собственного дела... Сосредоточивая все наши силы на разрушении, мы не имеем ни сомнений, ни разочарований; мы постоянно, одинаково хладнокровно преследуем нашу единственную жизненную цель... Мы убережем его (Александра II) для казни мучительной, торжественной, пред лицом всего освобожденного черного люда, на развалинах государства... Члены III Отделения и полиции вообще, отличающиеся особенной деятельностью и способностью ищеек, должны быть казнены самым мучительным образом и в числе самых первых» [1]).

После такого грозного предостережения «Комитет Народной Расправы» убивает колеблющегося студента Иванова. В факте расправы над Ивановым власть была склонна усмотреть доказательство упорства, энергии и диктаторских способностей Нечаева. Этот факт, выяснившийся при производстве следствия довольно быстро, увеличивает тревогу. Вспомним, что почти одновременно стал известен список лиц, намеченных Нечаевым к «изъятию», если можно так выразиться, в первую очередь. Среди них — имена Мезенцева, Трепова, Шувалова, Тимашева, Потапова и др.

Расправа над невинным Ивановым заставляла только всех этих лиц, вершивших судьбы государства, более опасаться Нечаева, приговорившего их к внеочередной казни и могущего, если только он не будет пойман, привести свое решение в исполнение. Смерть Иванова свидетельствовала, что Нечаев вполне способен выполнить такой акт.

Нечаев рассчитывал, и искренне верил в свои расчеты, — что в следующем 1870 г., в связи с истечением срока временнообязанных отношений крестьян к своим бывшим помещикам, по всей России стихийно вспыхнут народные бунты. Строго централизованной революционной организацией, направляемой единой сильной диктаторской рукой, он надеялся придать бунтам характер огромного организованного движения крестьян-

---

[1]) Программу см. В. Бурцев, «За сто лет», Лондон, 1897 г., ч. I, стр. 90 — 97.

ских масс, которое в конечном итоге, по его мнению, должно было привести страну к социальной революции. Эти рассчеты его не оставались тайной для правительства.

Далее. Это он, Нечаев, составил требовательный и суровый «катехизис революционера», отобранный при обыске у П. Г. Успенского [1]); это он написал вызывающую прокламацию «От сплотившихся к разрозненным» и другие; это он так заносчиво переписывался с соучастниками организации на особых бланках Комитета Народной Расправы, на которых красовалось зловещее изображение топора. Наконец, выяснилось, что, вернувшись в сентябре из-за границы, он привез мандат от самого Бакунина.

Сейчас мы знаем, что в действительности Нечаев далеко не представлял собою той революционной силы, за какую он выдавал себя и организацию. Все это не без умысла было им чрезмерно раздуто. Но нас здесь не интересует действительная роль его в революционном движении конца 60-х годов. Нам важно только, для уяснения последующего, определить отношение к нему III Отделения. А оно, инстинктивно склонное и в более спокойные времена преувеличивать силы своих подпольных противников, оценивало Нечаева, конечно, по-своему. Воздавая должное его таланту революционизировать массы, признавая в нем силы крупного революционного вождя, способного вступить в кровавый бой с правительством, и в должной мере, поэтому, опасаясь его, — оно, естественно, должно было стать на путь усиленных его розысков [2]).

---

[1]) Теперь известно, что катехизис составлен М. А. Бакуниным. Но тогда авторство его приписывалось С. Г. Нечаеву. — Текст «катехизиса революционера» в см. истор. журн. «Борьба классов» (1924), № 1 — 2.

[2]) Интересующихся личностью и деятельностью Нечаева отсылаем к соответствующей литературе, как то: С. Сватиков, «Студенческое движение 1869 г.» (Бакунин и Нечаев) — в сборнике «Наша Страна», изд. 1907 г.; С. Чудновский, «Из дальних лет» — «Былое», 1907, кн. IX; Дело С. Г. Нечаева в заграничном «Былом», № 6 (перепечатано в изд. «Русской Исторической Библиотеки») и I т. сбор. «Государственные преступления в России» под ред. В. Богучарского; Ст. К. Арсеньева, «Политический процесс 1869 — 1871 г.г.» в его кн. «За четверть века»; «С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине» — «Былое», 1906, кн. VII; З. Ралли, «С. Нечаев». Из воспоминаний, — «Былое», 1906, кн. VII, и «Минувшие годы», 1908 г., кн. X; воспоминания А. И. Успенской в 19-й кн. «Былого» за 1922 г.; Богучарский, В., «Активное народничество», гл. V; «Письма М. Бакунина к Герцену и Огареву», под ред. Драгоманова, женевское изд. 1896 г. или Врублевского, Петербург, 1907 г.; письма Герцена к Огареву в полном собрании сочинений его, под ред. М. К. Лемке, т. XXI; В. Полонский, «Бакунин» (гл. «Бакунин и Нечаев»), Москва, 1925 г.; Земляк; «Новое о Нечаеве» — «Былое», кн. XIV, Париж, 1912 г.; П. Е. Щеголев. «Нечаев, в Алексеевском равелине» — «Красный Архив»», кн. IV, V и VI; В. И. Засулич, «Нечаевское дело» — в сбор. «Группа Освобождение Труда», т. II. М. 1924 г. и др.

Нечаев, убедившись, что организованное им общество провалилось, и что ему небезопасно оставаться дольше в пределах России, в декабре 1869 г. (по официальным сведениям, 16-го или 17-го декабря) благополучно пробрался заграницу, несмотря на то, что еще 10 декабря III Отделением был разослан (№ 1429) начальникам жандармских управлений и губернаторам «совершенно секретный и весьма нужный» циркуляр, в котором сообщалось: «есть основание предполагать, что бежавший в марте сего года заграницу важный политический преступник Сергей Геннадиевич Нечаев, возвратившись тайно в пределы Империи, скрывается под чужим именем. Шеф приказал, чтобы со стороны всех начальников жандармских управлений были приняты самые энергические меры к розысканию и задержанию вышеозначенного преступника» [1]). Энергические меры не помогли: Нечаев, повторяем, 16 или 17 декабря переехал границу.

Едва до III Отделения донесся слух, что Нечаев находится вне пределов досягаемости российских жандармов, оно, учитывая значение его первой поездки заграницу и возможное, конечно, возвращение его на родину с новыми планами и готовыми силами, с большою горячностью и особенным рвением приступило к организации настоящей за ним погони. Целесообразным казалось следовать немедленно по горячим следам его, искать его упорно и беспрерывно именно там, заграницей, где и задержать его до обратного возвращения в Россию; ждать его приезда на родину было бы неосторожно: он мог бы осуществить свои коварные замыслы прежде, чем попадется в руки жандармов. А благо есть прекрасный повод арестовать его там— ведь он тяжкий «уголовный» преступник.

Никого из виднейших революционеров того времени не разыскивали так, как разыскивали таинственного Нечаева. Тут, несомненно, играл известную роль и исключительный внешний повод — убийство Иванова, умышленно квалифицировавшееся, как «уголовное» преступление. Поймав, например, где-нибудь в Западной Европе Бакунина, III Отделение все равно было бы бессильно требовать выдачи его России. За ним не числилось никаких «уголовных» преступлений. Нечаева же оно могло представить простым убийцей, хотя все западноевропейские правительства прекрасно знали, что он в действительности преступник политический.

Для его поимки правительство старалось использовать все средства, все пути. С одной стороны, правительство ухватилось за все, так сказать, легальные меры. Дипломатический корпус был к его услугам. В феврале 1870 г., например, шеф жандармов, граф

---

[1]) Дело архива III Отделения, III экспедиции, № 115, ч. I за 1869 г., л. 217. В циркуляре подробно сообщались и приметы Нечаева.

Петр Андреевич Шувалов обратился с особыми письмами к русским посланникам при правительствах главных европейских держав, в которых извещал их о том, что «государь император» повелеть соизволил принять все меры к поимке этого преступника, а затем в тех же письмах следовала просьба оказывать всяческое содействие отправленному в «чужие края» для руководства розысками Нечаева полковнику л.-гв. Семеновского полка А. Н. Никифораки и стараться влиять на европейские правительства, убеждая их содействовать с своей стороны розыскам и подготовляя почву для формальной выдачи Нечаева в случае его обнаружения [1]).

Впрочем, «дипломатические» переговоры велись еще задолго до этого официального послания Шувалова — и велись непосредственно представителями III Отделения. Особенно охотно пошла навстречу желаниям русского правительства Германия, с которою, по всей вероятности, сговорились в первую очередь. Дружественным отношением Германии к России русское правительство в данном случае было в некотором отношении обязано самому канцлеру, князю Бисмарку, способствовавшему немало розыскам Нечаева. Туда, в Германию, для налаживания слежки, уже в конце декабря 1869 г. отправился Александр Францевич Шульц. Последний был видным сотрудником III Отделения в течение продолжительного времени. Начав службу в этом учреждении, в июне 1842 г., с должности простого чиновника младшего разряда, он, добиваясь постепенного перевода на высшие должности за особо прилежное и точное исполнение обязанностей, покинул службу в конце 1878 г., когда занимал пост управляющего III Отделением и был в чине тайного советника. В описываемое время Шульц состоял чиновником особых поручений при Отделении и, надо заметить, удостоился уже получить несколько немецких орденов [2]). Командированный теперь в «благодарную» Германию, он 29 декабря (10 января 1870 г. нов. ст.) писал из Берлина в III Отделение:

«... Два дня моего здесь пребывания я почти исключительно посвятил хлопотам по получению требуемых от министерства внутренних дел предписаний насчет наблюдения вообще в прусских владениях за появлением Нечаева и Николаева [3]), их арестования и допущения г. Дунтена с бывшим служителем Нечаева для той же цели на ст. Кенигсберг. У графа Бисмарка я встретил со стороны его родственника и alter-ego, графа

---

[1]) См. Дело архива III Отделения, III экспедиции, № 115, ч. VII, л. 7—8.

[2]) См. Дело архива III Отделения, II экспедиции, № 211 за 1857 г.

[3]) Николаев, Ник., разыскивавшийся по одному с Нечаевым делу, был вскоре арестован в России и судился, в июле 1871 г., совместно с другими «нечаевцами».

Бисмарка-Болена, самый любезный прием, и он тотчас же распорядился известить о цели моего приезда министерство внутренних дел. Некоторые затруднения, встреченные мною у графа Эйленбурга, были немедленно устранены собственноручным письмом к нему графа Бисмарка, который поручил даже своему родственнику сделать мне визит и объяснить причину этих затруднений, заключавшихся в том, что тогда еще не была получена официальная нота князя Рейса о настоящей цели моего приезда.

«Сегодня вечером, несмотря на воскресный день, все требуемые предписания уже заготовлены, а завтра утром они будут отправлены по назначению. Распоряжения эти следующие:

«1) Г. Дунтен снабжается формальною рекомендациею к президенту кенигсбергской полиции на вышеизложенный предмет.

«2) Всем полицейским властям королевства предписано, в случае обнаружения Нечаева и Николаева, их арестовать и выдать нашему правительству.

«3) Президентам берлинской и кенигсбергской полиции даны специальные предписания.

«4) В издаваемой полицейской газете «Polizei-Anzeiger» помещена будет — собственно для полицейских чинов — статья о Нечаеве и Николаеве с приложением их портретов и описанием примет.

«5) Карточки Нечаева и Николаева будут налитографированы, и с них будут сняты копии для рассылки всем жандармам, которые в Пруссии составляют лучший полицейский элемент. Начальник всех жандармов, граф Бисмарк-Болен, получил уже по сему предмету надлежащее указание от своего родственника, союзного канцлера.

«... Так как я узнал, что его величеству королю стало известно о цели моего приезда в Берлин, то я счел обязанностью ознакомить, на всякий случай, с делом нашего посланника» [1]).

---

[1]) Дело архива III Отделения, III экспедиции, № 115 за 1869 г., ч. III, л. 89 — 90. Об упоминаемом в письме «бывшем служителе Нечаева» сохранилась следующая записка К. Ф. Филиппеуса: «В виду предстоящей командировки ст. сов. Шульца, мне казалось необходимым заручиться личностью, которая была бы формально аттестована знающею Нечаева, так как он, имея при себе паспорт на чужое имя, мог бы отрицать свою идентичность. Такою личностью представляется отправленный в Кенигсберг унтерофицер Беляков; а потому, по моей просьбе, от г. обер-полицеймейстера выдано свидетельство в том, что Беляков состоял сторожем в Сергиевском приходском училище в бытность там Нечаева преподавателем». (То же дело, ч. V, л. 71). Беляков этот осматривал Семена Серебренникова, когда последний в мае 1870 г. был принят за Нечаева и арестован в Женеве. (См. воспоминания С. Серебренникова об аресте его. «Народное Дело» №№ 4 и 5 за 1870 г.). Упоминаемый Дунтен — сотрудник III экспедиции III Отделения, в чине коллежского секретаря. В раскрытии Нечаевского заговора принимал участие с первых же шагов, о чем см. хотя бы дело III экспедиции, № 112, ч. I, за 1869 г.

Путем дипломатических переговоров удалось заручиться содействием Швейцарии, Франции и других правительств европейских государств, исключая Англии.

С другой стороны, III Отделение непосредственно организовало значительную сеть шпионажа. В Европу было командировано изрядное число тайных агентов. Не будет гиперболой, если скажем, что две трети Европы находилось под наблюдением агентов III Отделения. Всей работой, как было сказано, руководил полковник Никифораки, — тогда адъютант шефа жандармов, занимавший одно время должность начальника штаба корпуса жандармов. Резиденция его большею частью была в Швейцарии. В Германии, с разрешения местных высших властей, русские агенты наблюдали на главных железнодорожных станциях Берлина и Кенигсберга. Кроме того, в Берлине же находился старый агент III Отделения Штибер [1]), с которым фактический руководитель сыском при Отделении Константин Федорович Филиппеус находился в частой переписке в целях розысков Нечаева. «Лучший из всех употребленных Штибером» агентов находился в Лионе, изредка посещая и другие города. На Балканский полуостров был командирован полковник Николич. В Лондоне, Женеве, Париже, Цюрихе, Вене и т. д. находились особые агенты. Не удается установить приблизительного числа филеров, находившихся в распоряжении главных агентов; но, как можно заключить из целого ряда данных, оно значительно превышало цифру внутренних секретных сотрудников и филеров. По мере того как уходили первые недели и месяцы погони, а местопребывания Нечаева не удавалось нащупать, третьеотделенские круги начали, надо полагать, убеждаться в том, что и чрезвычайное старание не приведет к цели, если не обратиться к исключительным мерам. Вспомним, что только в феврале 1870 г. (а усиленно искали Нечаева в Европе уже в конце декабря—начале января) Шувалов обратился с цитированным письмом к русским послам. Дипломатическое послание это, вызвавшее о помощи зарубежной полиции, несомненно, было отправлено в то время, когда в III Отделении несколько разубедились в целесообразности применявшихся раньше средств. А спустя три месяца, когда в мае 1870 г. в Женеве, при дружном содействии швейцарской жандармерии, был якобы арестован Нечаев, оказавшийся в действительности Семеном Серебренниковым, шансы на успех погони значительно, должно было казаться, сократились. Работа кипела. Дипломаты и шпионы старательно помогали

---

[1]) О нем см. т. XV собр. соч. А. И. Герцена, стр. 387, и нашу статью «Лавров и Балашевич-Потоцкий» в сборнике «Памяти П. Л. Лаврова», изд. «Колос», 1922 г., с. 483.

друг другу [1]). Но в Петербурге на все это вместе взятое как будто определенно не полагались. Наблюдательная агентура, видимо, не вселяла полной уверенности в благополучном исходе предпринятой погони. Пристально наблюдать хотя бы за одной русской эмиграцией и лицами, соприкасающимися с ней, все же было трудно, почти невозможно, ибо количественно соотношение сторон было чересчур разительное.

При таком недоверии к собственно полицейским силам, само собою напрашивалось средство исключительное, из ряда вон выходящее. Надо было поимку Нечаева обставить возможно большими гарантиями. Путь был один: раз главные деятели эмиграции неподкупны, то тем или иным способом нужно добраться до главного эмигрантского ядра, надо строить провокационную ловушку; надо в среду, где должен был бы вращаться Нечаев, ввести своего человека, который, сблизившись с кем нужно, сумел бы выведать, выпытать настоящее местонахождение разыскиваемого. Шаг довольно рискованный, грозящий возможным крупным скандалом, но зато наиболее целесообразный. Нужен только ловкий и надежный человек, способный провести такого рода дело и могущий расположить к себе эмигрантские круги.

Такой человек нашелся. Он сам в нужную минуту явился с предложением своих ценных услуг. Он продолжительное время пользовался уже доверием III Отделения и вполне оправдал его. Больше того, незадолго до этого он сумел уже опутать таких эмигрантов, как Герцен, Огарев и др., обеспечив известным образом к себе доброе и доверчивое отношение. После недолгих колебаний III Отделение соглашается на его услуги, и отставной коллежский ассесор К.-А. Роман — так звали этого агента-провокатора — отправляется, с благословения Шувалова и Филиппеуса, в чужие края на поиски Нечаева...

ГЛАВА II.

Отставной коллежский ассесор К. А. Роман.

О поездке Романа заграницу с провокационной миссией распространился слух тогда же. Алексей Тверитинов, заподозренный в прикосновенности к «нечаевцам», рассказывает: «когда я присутствовал летом 1871 г. на нечаевском процессе (т.-е. на процессе 4-х сообщников Нечаева — Прыжова, Успенского,

---

[1]) См. негодующую по этому поводу брошюру М. А. Бакунина — «Бернские медведи и петербургский медведь». Напечатана в III т. его избранных сочинений, изд. «Голос Труда», 1920 г.

Николаева, Кузнецова — и еще 70 слишком лиц), я слышал, как один адвокат, кажется Герард, рассказывал такую историю: киевский генерал-губернатор, фамилию не помню, послал в Швейцарию чиновника особых поручений Романа для того, чтобы познакомиться с Бакуниным и на казенный счет издать бакунинские прокламации, что в точности Роман и исполнил. Генерал-губернатор, по привозе Романом прокламаций, разослал их по городской почте разным молодым людям, из которых никто не принес, по получении, прокламации в полицию. Полиция сама приходила, находила и забирала ее вместе с адресатом. Тогда председатель (Любимов) сказал Герарду, что это к делу не относится, но уже все существенное было сказано . . .» [1]). Роман, как увидим ниже, действительно, издавал произведения эмигрантов на казенный счет, но не бакунинские прокламации. Фактическая сторона рассказа Тверитинова-Герарда не соответствует действительности. Тут верно лишь то, что Роман отправился заграницу с провокационным поручением.

Биография нашего героя представляется в следующем виде.

Карл-Арвид Иоганов Роман, уроженец гор. Бауска, Курляндской губернии, лютеранин, окончил полный курс наук в Ришельевском лицее в 1850 — 1851 учебном году по физико-математическому отделению, удостоившись похвального аттестата с правом на чин XII класса [2]). По выходе из лицея он всецело отдается военной службе, поступив в июле 1852 г. унтер-офицером в Олонецкий пехотный (переименованный потом в Олонецкий пехотный его королевского высочества принца Карла Баварского) полк. На военной службе он быстро делает карьеру. Через год он производится в прапорщики, в начале 1855 г. — в подпоручики и в сентябре того же года назначается на должность адъютанта при и. о. начальника штаба 2-го пехотного армейского корпуса.

Крымская кампания дает ему возможность выдвинуться и помимо обычного чинопроизводства. Роман, как значится в его формулярном списке, участвует «в действительном сражении на р. Черной 4 августа 1855 г.; с 6 по 28 августа на южной стороне г. Севастополя для починки укреплений и устройства

[1]) А. Тверитинов, «Об объявлении приговора Н. Г. Чернышевскому и о многом другом». СПБ., 1906 г., стр. 65. Романа не следует смешивать, как то делает автор, с Балашевичем-Потоцким. Последний был тоже агентом III Отделения, но не был даже знаком с первым; и вообще оба «работали» в разных направлениях. О Балашевиче-Потоцком см. мою статью «Лавров и Балашевич-Потоцкий» в сборнике «Памяти П. Л. Лаврова», изд. «Колос», 1922 г.

[2]) См. «Исторический обзор сорокалетия Ришельевского лицея с 1817 по 1857 год», составленный И. Михневичем. Одесса, 1857 г., стр. 113 и 175.

баррикад под неприятельскими выстрелами; 27 августа при штурме Севастополя; с 28 августа по 13 ноября переходил по разным боевым позициям. Ранен». В ноябре 1855 г. «за отличие, оказанное при штурме Севастополя 27 августа 1855 г.» он награждается орденом св. Анны 4-й степени с надписью «за храбрость», а спустя полгода «за отлично-усердную службу» удостаивается получить «монаршее благоволение».

Нет пока возможности установить, с кем из влиятельных военных он близко сталкивался во время крымской кампании; но бесспорно, что среди них был известный военный писатель генерал-лейтенант П. К. Меньков и, по всей вероятности, сам руководитель обороны Севастополя князь М. Д. Горчаков. Во всяком случае, именно боевая обстановка сблизила Романа с теми лицами, которые в последующие годы могли способствовать и, несомненно, способствовали ему в устройстве его карьеры.

В июле 1858 г. он производится в поручики и в ноябре назначается старшим адъютантом в штаб 2-го армейского корпуса. Проходит еще год — и Роман занимает видный военный пост.

22 ноября 1859 г. он получает назначение состоять по военному министерству с зачислением по армейской пехоте, а через шесть дней неожиданно назначается помощником главного редактора «Военного Сборника». Тут определенно сказались его связи по крымской кампании.

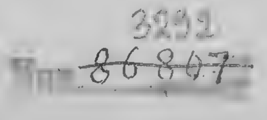
Редактором «Военного Сборника», основанного в 1858 г., с 1859 г. состоял П. К. Меньков, заменивший, по собственному признанию, чрезмерно «либерального» Н. Г. Чернышевского. По штатам в помощь главному редактору полагалось два помощника. (В течение 1858 г., когда журнал редактировался Н. Г. Чернышевским, одним из его помощников был В. А. Обручев.) Назначением на такую должность Роман обязан, надо полагать, исключительно Менькову, познакомившемуся с ним в Севастополе [1]).

На литературной ниве Роман ничем себя не проявил. Статей за его подписью или под его инициалами в «Военном Сборнике» тех лет нет, если только он не подписывался псевдонимом. Нам кажется, что он вообще не был способен к спокойной кабинетной работе. Его призвание лежало в другой сфере деятельности.

Меньше года пробыл он в должности помощника редактора «Военного Сборника». Причина, по которой он так скоро вынужден был оставить редакторство, неизвестна. Переведенный обратно после этого в Олонецкий пехотный полк, Роман решает

---

[1]) П. К. Меньков в своем так называемом «Дневнике» (изд. Березовского, Петербург, 1898 г.) не упоминает о Романе. Он вообще избегает упоминаний о лицах.

бросить военную службу. Судьба изменила ему. Добившись высокой и по-своему почетной должности, он, казалось, обеспечил себе видную карьеру в будущем. Он жаждал этой карьеры, готовый и теперь и позже решиться на какой угодно шаг, лишь бы только заслужить видное и влиятельное положение среди высшего чиновничества. А тут неожиданно сладкие мечты разбиваются вдребезги. Вынужденный вернуться в полк, квартировавший в далекой провинции, Роман потерял надежду снова выдвинуться и разрывает поэтому с военной средой. 7 марта 1862 г. он высочайшим приказом увольняется «по домашним обстоятельствам» от военной службы в чине штабс-капитана.

Недолго, однако, остается он без службы. В мае того же года он изъявляет желание поступить на службу в хозяйственный департамент министерства внутренних дел. Аттестованный «способным и достойным», он 1 июня 1862 г. назначается на скромную должность помощника столоначальника во 2-е городское отделение хозяйственного департамента. Проработав в этом скучном учреждении целый год, отставной штабс-капитан Роман пристает, наконец, после долгих странствий к нужным берегам. 28 мая 1862 г. он «просит милостивого ходатайства о переводе чиновником в III Отделение»; а 14 июня приказом шефа жандармов князя Долгорукова, как человек «испытанный и надежный», определяется в Отделение «для занятия письмоводством».

Официальная история прохождения им службы в III Отделении коротка. Как человек способный и не без нужной сноровки, Роман скоро зарекомендовал себя в глазах жандармов. В мае 1864 г. о нем докладывается по начальству: «чиновник для письмоводства коллежский секретарь Роман занимается не одною перепискою бумаг, но и самым составлением их, требующим опытности и знания иностранных языков». Тогда же он назначается исправляющим должность младшего чиновника. В благодарность за усердные труды он через год удостаивается звания титулярного советника, а в 1868 г. — коллежского ассесора. Ревностно прослужив в Отделении шесть лет, Роман в августе 1869 г., имея от роду 40 лет, подает заявление об отставке, так как «для поправления расстроенного здоровья ему необходимо отправиться заграницу для лечения минеральными водами и оставить на долгое время служебные занятия». Александр II против отставки не возражал. Отныне отставной коллежский ассесор Роман, получив за долголетнюю усердную службу престолу и отечеству награду в размере годового оклада содержания, официально якобы порывает с III Отделением [1]).

[1]) Дело хозяйственного департамента министерства внутренних дел, № 967/46 за 1862 г., «по прошению отставного штабс-капитана Романа» и дело архива III Отделения, II экспедиции, № 333 за 1863 г., «по проше-

К сказанному о его службе в III Отделении следует добавить, что Роман был незаурядный, как ныне выражаются, филер. В этой профессии коренилось его основное призвание. Филерский талант обнаружился у него скоро. Официальные дела о прохождении им службы в III Отделении умалчивают об этой стороне его деятельности. В цитированные выше слова из одного доклада, что «Роман занимается не одною перепискою бумаг», вложено, повидимому, известное содержание. Если сейчас у нас отсутствует документальное доказательство того, что в 1864 г., когда указанный доклад составлялся, Роман, кроме переписки и составления бумаг, требующих опытности и знания иностранных языков, исполнял обязанности филера, то бесспорно зато можно утверждать, что в следующем, 1865 г., он выполнял роль настоящего и ответственного филера. Сохранились несколько его писем того времени, отправленных им из Москвы и Нижнего Новгорода, в которых он подробно сообщает III Отделению о своих похождениях по выслеживанию тех или иных лиц. А в последующие годы, вплоть до 1869, сплошь да рядом наталкиваешься на его донесения, писанные его характерным почерком и подписывавшиеся им или инициалами «А. Р.», или одной буквой «Р». Все эти разнообразнейшие донесения свидетельствуют об исключительном доверии к нему руководителей III Отделения и об его удивительном филерском таланте.

Роман был ревностный и прилежный служака и сыщик. Недаром он часто за весьма усердную работу и точное выполнение поручений удостаивался, в бытность его на службе в III Отделении, различных наград — денежных и орденов. Он был, несомненно, человек ловкий, смелый, когда обстоятельства того требовали, сметливый.

Когда возник вопрос о необходимости спешной поимки Нечаева путем провокационной ловушки, взоры III Отделения, в частности Филиппеуса, устремились на Романа. Он был в то время самым ловким, осторожным и толковым агентом. Он умел разговаривать с кем нужно и как нужно, не вызывая никаких подозрений. Выражаясь словами одной справки, «агенту Роману, согласно приказания вашего сиятельства (графа П. А. Шувалова), вменено в обязанность приложить особенное старание к открытию настоящего местопребывания Нечаева».

Но если бы за Романом числились только отмеченные заслуги, способности и особенности натуры, то этого, конечно, было бы недостаточно для поручения ему такого рискованного и ответственного дела. Наличие таланта даже первоклассного филера

нию служащего в хозяйственном департаменте министерства внутренних дел губернского секретаря Романа о перемещении его на службу в III Отделение».

не гарантировало бы еще Роману возможность сблизиться с эмиграцией, заслужить хотя бы некоторое доверие ее главных представителей. Что же такое к тому времени, к весне 1870 г., было еще в неофициальном служебном формуляре отставного коллежского ассесора Романа, что открывало ему дорогу в обители тогдашних виднейших русских эмигрантов?

ГЛАВА III.

Архив князя П. В. Долгорукова.

В августе 1868 г. в Берне скончался видный в свое время эмигрант Петр Владимирович Долгоруков, автор нескольких книг, резко порицавших политику русского правительства, редактор-издатель нелегальных журналов(«Будущности», «Правдивого» и «Листка») и ярый противник бюрократической России [1]. Некоторые из изданных им книг, и в особенности книга «Правда о России», напечатанная в 1860—1861 г.г. в Париже, обличая закулисную жизнь русских придворных и чиновничьих сфер, в достаточной степени в свое время ущемили правительство.

М. К. Лемке приводит свидетельство современника, покойного сенатора Шамшина, что книга кн. Долгорукова «Правда о России» произвела в Петербурге, при дворе, ужасающее впечатление. Все чувствовали, что Долгоруков может порассказать такую правду, которая была бы вдесятеро опаснее всякой фантастической лжи [2]. После издания этой книги, Долгоруков еще несколько лет непрерывно печатно обличал действия правительства. Кроме того, в 1867 г. он издал огромный первый том своих «мемуаров», в котором предавал гласности целый ряд исторических материалов, приоткрывавших завесу над неизвестными до тех пор страницами правительственной истории. Правительство было, очевидно, осведомлено о намерении покойного продолжать издание своих мемуаров, как знало и то, что им был собран ряд сенсационных материалов, компрометирующих царственных особ дома Романовых. Помимо того, Долгоруков еще в 1860 г. письменно заявил русскому послу в Париже, графу П. Д. Киселеву, что предполагает в будущем издать, между прочим, свои «собственные записки, начатые в 1834 г. (они ускользнули от осмотра бумаг моих в III Отделе-

[1]) О нем см. статьи М. Лемке «Князь П. В. Долгоруков в России».— «Былое», 1907, кн. II, и «Князь П. В. Долгоруков — эмигрант. 1859—1868 г.», — «Былое», 1907, кн. III. Список его сочинений см. в I т. «Справочного словаря о русских писателях и ученых» Гр. Геннади, стр. 318—319.

[2]) «Былое», 1907 г., кн. III, стр. 164. Ср. X т. полного собрания соч. А. Герцена, стр. 287 — 288.

нии в 1843 г.). Эти записки не появятся в свет вполне раньше моей смерти» [1]).

И вот, Долгоруков умер. В его архиве хранятся ценные материалы, собиравшиеся в продолжение многих лет. Там лежат, дожидаясь опубликования, его собственные записки. Эти, пока мертвые, бумаги грозят причинить правительству много неприятностей. К разоблачениям князя Долгорукова — представителя сугубо-дворянской России — чутко прислушивалась аристократическая Европа, которой имя его было знакомо по борьбе с Наполеоном III. Правительство не может не опасаться поэтому оставшихся после его смерти бумаг. В интересах, правительства, разумеется, обезвредить эти материалы, свести их значение к нулю. Смерть их обладателя создала для этого удобный момент: Александр II выразил желание во что бы то ни стало раздобыть все долгоруковские бумаги. И, понятно, III Отделение не замедлило, приложив к тому все свои старания, выполнить царское задание.

Любопытен тот факт, что мысль воспользоваться смертью Долгорукова и изъять из обращения его литературное наследство возникла не только в придворных кругах. Отдельные агенты III Отделения считали своим долгом преподать подобного рода совет руководителям охраны. Так, например, лондонский агент Балашевич-Потоцкий писал в Петербург: «После смерти Долгорукова Станислав Тхоржевский получил по его завещанию 25.000 фр., серебро, мебель и пр. Но вместе с тем обещал Долгорукову издать его политические записки — «Мемуары об России», которые Герцен оценил в 50.000 фр. Говорят, что они заключают ядовитые вымыслы против нашего правительства. Герцен обещал содействовать изданию и ездил в Лондон для свидания с Трюбнером [2]) относительно публикации. Но Трюбнер потерял значительную сумму денег в истекшем году по случаю воровства в его магазине и навряд решится взять на свое иждивение громадное издание. Переселение Тхоржевского в Лондон еще не решено и только совершится, если Трюбнер примет участие в издании. Записки эти, по словам очевидца, весьма вредны, особенно для юношества. Зная вполне характер Тхоржевского и его жадность к деньгам, легко через опытного агента купить все бумаги Долгорукова» [3]).

Обстоятельства перехода наследства Долгорукова к Ст. Тхоржевскому довольно подробно освещены в литературе. Н. А. Ога-

[1]) «Былое», 1907, кн. III, стр. 161, или X т. полного собрания соч. Герцена, стр. 284.

[2]) Трюбнер — лондонский книгоиздатель и комиссионер всех герценовских изданий.

[3]) Донесение Балашевича-Потоцкого от 12 ноября 1869 г. нов. ст. Заметим, что в это время бумаги Долгорукова находились уже в Петербурге в III Отделении . . .

рева-Тучкова в своих воспоминаниях рассказывает, что летом 1868 г. «А. И. Герцена вызвали в Берн к Долгорукову, который, видимо, прощался с жизнью и желал видеть Герцена еще раз».

«При князе в то время находился его сын, выписанный им с год тому назад из России. Тяжелый нрав Долгорукова, — пишет она, — и тут сказался: больной был постоянно недоволен сыном. Чувствуя себя с каждым днем хуже, он хотел найти виновного в этом ухудшении, подозревая сына и желая, чтобы Герцен был посредником между ними. Роль эта была очень трудная, и Александр Иванович старался уклониться от нее. Самого Долгорукова он знал очень поверхностно, а сына вовсе не знал. Вдобавок, строптивый характер Долгорукова бросался в глаза; нельзя было безусловно верить его подозрениям; а с другой стороны — сын не внушал Александру Ивановичу ни малейшей симпатии...

«Кончилось тем, что Долгоруков потребовал от сына, чтобы он немедленно уехал, что Петр Владимирович только тогда будет покоен, когда между ним и сыном будет большое расстояние, и просил Герцена передать это молодому князю. Герцен колебался. Тогда Петр Владимирович сам высказался сыну — и очень резко и жестоко, и может быть, совсем незаслуженно. Долгоруков позвал Тхоржевского, который, по просьбе князя, находился тоже при нем, и сказал ему: «Пошлите за нотариусом, я хочу переменить свое завещание, не хочу ничего оставлять сыну, будет с него того, что он получит в России. Я оставил вам 50.000 фр. и все, что в доме ценного: серебро, часы и пр., теперь хочу вам оставить весь свой капитал, находящийся за границей». Вместо радости, князь увидел в лице Тхоржевского смущение: «зачем, Петр Владимирович, я очень вам благодарен. Зачем менять завещание, это будет несправедливо», — заговорил он робко.

«Князь рассердился не на шутку на Тхоржевского: «Я вам не обязан давать отчет в своих поступках, — вскричал он энергично, — пошлите за нотариусом, я так хочу». Тхоржевский тогда понял, что нельзя раздражать больного, или, верней, умирающего; а между тем он ни за что не хотел перемены в завещании, считая, что капитал должен принадлежать сыну, который лишался наследства только от подозрительности и вспышек отца. Поэтому он решился не входить с князем в споры, а когда Долгоруков вспоминал о нотариусе, Тхоржевский выходил поспешно из комнаты, будто бы для того, чтобы послать за нотариусом, и, разумеется, ничего не предпринимал. Когда Петр Владимирович вспоминал о завещании и спрашивал, почему нотариус так долго не является, Тхоржевский отвечал, что его дома не было, но что он обещал скоро прийти; больной успокаивался, а время и болезнь шли своим чередом. Другого завещания не было написано, благодаря деликатности совершенно бедного Тхоржевского.

«Вскоре князь Долгоруков умер . . . Впоследствии Тхоржевский мне говорил, что из серебра и прочих вещей ничего не взял, потому что заметил, что сыну Долгорукова было жаль расстаться с этими фамильными вещами» [1]).

Рассказ Огаревой-Тучковой несколько дополняют Т. П. Пассек и письма Герцена к Огареву. 7 июля 1868 г. Герцен писал своему другу из Люцерна:

«Получил письмо от сына Долгорукова, с просьбой от отца — приехать проститься. Тхоржевский пишет, что Петр Владимирович хотел телеграфировать и опять хотел меня назначить душеприказчиком или распорядителем. Он все боится за бумаги и думает, что у сына инструкция . . . Я написал ответ сыну, что, считая себя правым в нашей размолвке, я готов забыть ее перед торжественной минутой смерти и готов приехать, если и после его приезда Долгоруков считает это нужным. Письмо Тхоржевского сконфуженно—он как-то неясно выражается насчет юного принца. С одной стороны, жестоко отказать умирающему— и я готов ехать, но видеться с сыном мне бы не хотелось» [2]).

Герцен все же вскоре поехал в Берн, откуда 11 июля между прочим писал Огареву:

«Долгоруков очень плох . . . Мне он был рад без меры, но без шума, — он постоянно жмет мне руки и благодарит. Верит он во всем мире мне одному и моему наместнику Тхоржевскому» [3]).

Пережив у постели больного в высшей степени тяжелые дни, Герцен покинул Берн, оставив при князе своего «наместника» Тхоржевского. Вскоре князь умер, передав, действительно, как оговаривается и Т. Пассек, «всю свою движимость и бумаги Тхоржевскому, весьма заботливо оберегавшему больного в последний год его жизни»[4]). К этому Станиславу Тхоржевскому, главным образом, и предстояло III Отделению подпустить своего агента[5]).

---

[1]) Н. А. Огарева-Тучкова, «Воспоминания», стр. 242 — 245.

[2]) Воспоминания Т. П. Пассек, т. III, изд. Маркса, стр. 163, или собр. соч. Герцена, т. XXI, стр. 13.

[3]) Там же, стр. 164, или собр. соч., стр. 16.

[4]) Там же, стр. 252.

[5]) Ст. Тхоржевский — уроженец гор. Плоцка, воспитанник Московского университета, эмигрировавший в 1845 г. в Пруссию. В 1848 г. был комиссаром революционной пропаганды в Познани, за что и признан вечным изгнанником (XIV т. полного собр. соч. А. И. Герцена, стр. 551). Указание, что он был студентом Московского университета, заимствуем из краткой о нем справки, составленной в III Отделении в 1871 г. Тхоржевский был очень близок к Герцену и Огареву, впоследствии и к Бакунину и другим эмигрантам, группировавшимся около последних трех. Даже если верен отзыв Балашевича-Потоцкого о том, что он жаден к деньгам, то, во всяком случае, не к секретным суммам шефа жандармов, которого он ненавидел столько же, сколько и Герцен и др. О нем масса сведений разбросано в полном собрании сочинений Герцена, под ред. Лемке, в воспоминаниях Н. Огаревой-Тучковой и Т. Пассек, т. III, в письмах Бакунина к Герцену и Огареву под ред. Драгоманова и др.

Известно, что бумаги покойного князя Долгорукова С. Тхоржевский, с ведома и одобрения Герцена, продал в октябре 1869 г., т.-е. спустя год с лишним после кончины князя, некоему Постникову. О личности Постникова ничего неизвестно, не знали о нем ничего ни Тхоржевский, ни Герцен, ведшие с ним переговоры, ни Огарев, осведомленный о переговорах. Теперь ларчик открывается просто: Постников — никто другой, как наш отставной коллежский ассесор Карл-Арвид Роман.

Прежде, однако, чем перейти к подробному изложению истории покупки III Отделением долгоруковских бумаг, считаем необходимым ради цельности картины познакомить читателя с личностью главного руководителя секретной агентуры III Отделения — К. Ф. Филиппеуса, игравшего в этом деле первостепенную, руководящую роль, и ответить на вопрос, почему именно для осуществления такого рискованного предприятия выбрали Романа.

ГЛАВА IV.

К. Ф. Филиппеус.

И покупкой бумаг Долгорукова, и всеми остальными провокационными проделками, о которых речь будет ниже, мы в значительной мере обязаны Константину Федоровичу Филиппеусу. Биография его, как, впрочем, и биографии многих других «ненужных людей», совершенно не изучена. В течение пяти бурных, богатых историческими событиями лет, с апреля 1869 г. и по июнь 1874 г., он фактически заведывал секретной агентурой III отделения, т.-е. стоял во главе самой секретной экспедиции и руководил всем розыском. Его имя тесно связано с нечаевским делом, с ликвидацией первых пропагандистских кружков, с постановкой широкой заграничной агентуры и т. д. Естественно, говоря о деятельности его соподчиненных, привести некоторые сведения, знакомящие с его биографией и отчасти характеризующие его.

Филиппеус был и хороший сыщик и авантюрист. Он обучался в Горыгорецком земледельческом институте, из которого вышел до окончания курса. Поступив на службу в канцелярию петербургского генерал-губернатора, он одновременно начал слушать лекции в Петербургском университете. В 1854 г. Филиппеус сдал экзамен по филологическому, кажется, отделению и тотчас перевелся на службу в министерство иностранных дел, в департамент внутренних сношений, а оттуда через год был перечислен в канцелярию финляндского генерал-губернатора. В течение 1857 — 1858 учебного года будущий сыщик состоял лек-

тором немецкого языка в Александровском университете (в Гельсингфорсе). Педагогикой он занимался и позже. В 1861 г. он, совместно с И. И. Роте (очевидно, тем самым Роте, который состоял агентом III Отделения в Женеве в нечаевские времена и которого Филиппеус всячески поддерживал, несмотря на то, что Роман метал на него громы и молнии), устроил пансион для русских мальчиков в Бибрихе на Рейне, в герцогстве Нассауском. В печатном объявлении об открытии школы Филиппеус и Роте писали о себе: «оба учредителя люди семейные, в русских университетах приобрели ученые степени и несколько лет занимались воспитанием и образованием юношества. При содействии православного законоучителя и других наставников они надеются оправдать ожидания родителей, которые доверят им своих детей». А. Ф. Шульц, который через 10 лет рука об руку дружно работал с Филиппеусом в III Отделении, уже тогда, в 1861 г., очень сочувственно относился к намерению будущего сыщика просвещать юношество [1]).

В 1863—1864 г.г. Филиппеус участвует в усмирении восставшей Польши. Какое гармоничное сочетание — просвещение юношества и усмирение Польши! После восстания он получает назначение состоять при так называемом Учредительном Комитете Царства Польского. В III Отделение, как было сказано, он поступил на службу в апреле 1869 г. То обстоятельство, что он был приглашен прямо на должность заведывающего секретной агентурой, лучше всего аттестует его: очевидно, было нечто такое в его прошлой жизни и деятельности, что заметно выделяло его и рекомендовало на этот чрезвычайно ответственный пост.

В июне 1874 г., прося об отставке, он вручил графу Шувалову письмо-«исповедь», в котором о своем переходе на службу в III Отделение писал следующее:

«В декабре 1868 г., прибыв из Варшавы в Петербург на несколько дней, я удостоился двух продолжительных аудиенций у вашего сиятельства. Вам, граф, известно то обаятельное впечатление, которое производит ваша личность, и вы не примете за лесть, если я скажу, что я возвратился в Варшаву совершенно очарованный. Все сказанное мне вами тогда врезалось в моей памяти; между прочим, вы изволили коснуться того нерасположения, которое общественное мнение питает к III Отделению. Мне тогда в теории казалось возможным направить мнение общества на путь более правильных понятий, но теперь я сознаю, что увлекался . . . Я решился перейти на службу в III Отделение не из денежных расчетов. Меня побуждали к тому, напе-

[1]) См. дело архива III Отделения, III экспедиции, №39-а за 1861 г. «Об открытии Филиппеусом и Роте в Бибрихе на Рейне пансиона для русских мальчиков».

рекор просьбам жены и советам знакомых, причины иного, менее низменного, отчасти даже романтического, во всяком случае совершенно бескорыстного свойства (!). Но я пишу не рекламу, а исповедь, а потому умолчу об этих причинах» . . .

В этой «исповеди», в общем малоинтересной, находим еще два отрывка — его отзыв о III Отделении и о работе своей во время нечаевского дела. Оба эти отрывка считаем нелишним привести.

«III Отделение собственной его величества канцелярии, — пишет он,—есть особый мирок. Тогда как в других центральных ведомствах происходит беспрерывная флуктуация личного состава как вследствие назначений на подведомственные должности в губерниях, так и через переходы в другие ведомства, — подобной подвижности в III Отделении нет, или она бывала только в исключительных случаях, не опровергающих общего правила. Последствием же общего правила было то, что личный состав Отделения сложился своеобразно, что в среде его выработались особые взгляды и предания, что Отделение стало нечто в роде монастыря, и что, вступая в него, нужно навсегда отрешиться от внешнего мира».

«Я принял должность 13 апреля 1869 г. в день арестования Томиловой и Нечаевой. К текущим делам и к заботам о сколько-нибудь толковом устройстве агентуры сразу прибавились дознания, допросы, наблюдения, командировки агентов в разные губернии и проч. Исключительная важность этого дела приблизила меня к особе вашего сиятельства, тем более, что генерал Мезенцев был в отпуску, и вам угодно было лично руководить ходом дела. К пасхе 1870 г. я удостоился почетнейшей награды, ордена св. Владимира, не имея еще других орденов. Зато интриги, клеветы, ябеды, самые подлые вымыслы посыпались с удвоенной силой. Пришлось провести три месяца дневных и ночных работ, почти без сна, в течение коих, при отсутствии аппетита, я питался почти исключительно чаем и пивом, выкуривая по сотне папирос в сутки».

По оставлении им службы в 1874 г. Филиппеус «отличался образом жизни и поведением далеко не безупречным», как сказано в справке о нем, составленной в 1887 г. в департаменте полиции, когда он снова просился на службу в тайную полицию. Ему, конечно, в просьбе было отказано. Тот же упоминавшийся А. Ф. Шульц еще в 1877 г. располагал сведениями об аферах Филиппеуса: о каких-то принятых им на себя крупных подрядах на бумагу для издательских целей; о мечте его якобы издавать за границей листок объявлений, чтобы при помощи особых уполномоченных собирать у русских купцов авансы; о том, что с целью вымогательства крупных сумм он выдает себя за собственника целого острова; о его темных связях с агентами турецкого правительства и т. д., и т. д. Тогда встал вопрос о высылке его,

как авантюриста, из столицы. А. Ф. Шульцу пришлось объясняться с министром внутренних дел по поводу проектировавшейся высылки Филиппеуса и высказать при этом свои опасения «относительно возможности, в случае выезда за границу, обнаружения им там посредством печати сокровеннейших тайн III Отделения и отчасти министерства внутренних дел». Вопрос о высылке его поэтому остался неразрешенным. Заметим еще, что в 1864 г. Филиппеус состоял корреспондентом «Биржевых Ведомостей» (в Польше); он же в 1890-х годах одно время был соредактором князя Мещерского по «Гражданину» [1]).

В заключение этих данных из биографии К. Ф. Филиппеуса считаем уместным поставить один безответный пока вопрос. Роман, как видно из его писем к Филиппеусу, тоже был осведомлен о кое-каких сокровеннейших тайнах III Отделения. Во всяком случае, когда он изливал свою душу в бесконечных посланиях к Филиппеусу и мимоходом упоминал о тех или иных секретах Отделения, то всегда как будто писал правду, говорил о том, что в действительности и было. И вот Роман несколько раз то обещает написать корреспонденцию для газеты «Голос» Краевского, то просто-напросто пишет Филиппеусу: «Не напечатаете ли заметку в этом духе в «Голосе» Краевского?», «не напечатать ли опровержение в «Голосе»?» и т. п. Не инспирировал ли талантливый сыщик Филиппеус редакцию «Голоса» через кого-либо из своих агентов?

Вот этот-то Филиппеус и был непосредственным начальником Романа, его руководителем, как в осуществлении плана покупки архива князя Долгорукова, так и во время его последующих похождений.

Почему именно при покупке архива князя Долгорукова в качестве подставного лица выдвинули Романа?

Когда в начале августа 1869 г. последовало распоряжение Александра II о приобретении архива, то выбор как графа П. А. Шувалова, так и его ближайших помощников остановился на другом агенте, некоем Бартеле. Но уже через несколько дней пришлось изменить первоначальное решение и поручить дело Роману, о чем генерал Н. Мезенцев писал 13 августа 1869 г. графу П. А. Шувалову:

«Г. Бартель, который был предназначен к исполнению вышесказанного поручения, призванный для окончательных на тот

---

[1]) О нем см. дело архива III Отделения, II экспедиции, за 1869 г., № 172 «О перемещении на службу III Отделения состоящего при учредительной комиссии в царстве Польском коллежского ассесора Константина Филиппеуса». К делу приложен особый пакет, в котором среди разных других бумаг и находится цитированное нами письмо-исповедь его. См. также в воспоминаниях Л. Никифорова «Мои тюрьмы» («Голос Минувшего», 1914 г., кн. V) и Ф. Тернера (т. I, стр. 238 — 240).

предмет инструкций, хотя совершенно и безусловно подчинявшийся павшему на него выбору, показался мне совместно со старшим чиновником 3 экспедиции (т.-е. К. Ф. Филиппеусу) столь боязливо-нерешительным в предпринимаемом им деле, что он возбудил в нас весьма серьезные опасения в неудовлетворительном его результате, а потому я решился взамен г. Бартеля командировать г. Романа, который по характеру бывшей деятельности и по своей развитости представляет некоторые ручательства счастливого приведения к окончанию порученного ему предприятия. Смею думать, что вы одобрите это распоряжение, и что если Роману не удастся войти в какое-либо соглашение, то неудача эта не будет отнесена исключительно к его вине. Кроме сказанного поручения, Роману, предписано проследить в Женеве и Швейцарии все то, что нас интересует, и в этом отношении он нам будет небесполезен».

Мы говорили уже, что Роман был наиболее ловкий, осторожный агент. Это подтверждает и приведенная цитата из письма Н. Мезенцева к П. А. Шувалову. Можно еще добавить, что в тот 1869 г. он был почти единственным агентом, которым III Отделение могло располагать в минуты острой нужды. Вот компетентное свидетельство самого руководителя агентурой, К. Ф. Филиппеуса, о численном и качественном составе агентуры того времени, которое мы заимствуем из упоминавшейся «исповеди» его:

«Живо помню мое удивление, — пишет он,—когда 1 апреля 1869 г. мне впервые были вручены секретные суммы, и вслед затем представились мне господа агенты, а именно: один убогий писака, которого обязанность заключалась в ежедневном сообщении городских происшествий и сплетен. Первые он зауряд выписывал из газет, а последние сам выдумывал . . . Отметив тогда же эти вздорные записки, я дал автору их поручение съездить в село Иваново и составить подробное описание этого «русского Манчестера». Но вскоре после того я был вынужден уволить этого господина. Кроме того, ко мне явились: один граф, идиот и безграмотный; один сапожник с Выборгской стороны, — писать он не умел вовсе, а что говорил, того никто не понимал и с его слов записать не мог; двое пьяниц, из коих один обыкновенно пропадал первую половину каждого месяца, а другого я не видел без фонарей под глазами или царапин на физиономии; одна замужняя женщина, не столько агентша сама по себе, сколько любовница и сподручница одного из агентов; одна вдовствовавшая, хронически беременная полковница из Кронштадта и только два действительно юрких агента. Вот состав агентуры, которой я принял при вступлении в управление III экспедицией. Все исчисленные агенты получали в сложности до 500 рублей в месяц. Полагаю, что мне не были переданы те лица, которые сами не пожелали

сделаться известными новому начальнику агентуры. О покойном Романе я не упомянул, так как он в то время состоял еще в штатной службе».

В словах Филиппеуса чувствуется скрытое признание таланта А. Романа. И не трудно после такого свидетельства понять, почему именно за границу был отправлен Роман. Два юрких агента да Роман — вот и вся тогдашняя агентура. А последний, очевидно, превзошел первых своею образованностью, вообще интеллектуальным развитием, способностями и общительностью.

ГЛАВА V.

Покупка архива князя П. В. Долгорукова.

В десятых числах августа 1869 г. Роман отправился за границу. Его официальная отставка, о которой мы выше имели случай упомянуть, вызвана была, видимо, предстоявшей командировкой. Никто из чинов III Отделения, за исключением нескольких руководителей учреждения, не знал истинную цель поездки. Все были уверены, что Роман действительно, как сказано в его прошении об отставке, поданном в начале того же августа 1869 г., отправился за границу «для поправления расстроенного здоровья», требующего «лечения минеральными водами» . . .

На руки ему был выдан паспорт покойного штаб-ротмистра новомиргородского уланского полка Постникова, без вести пропавшего во время Крымской кампании в 1855 г.

15/27 августа мы застаем его уже в Женеве. Первым делом ему предстояло разузнать все о Ст. Тхоржевском — собственнике архива князя Долгорукова — и пытаться познакомиться с ним, не вызывая никаких подозрений.

«Адрес Тхоржевского, — писал он в тот день, — я уже знаю и узнал его весьма просто от разносчика писем: Route de Carouge, № 20. Да еще с прибавлением, что он скоро намеревается уехать, но куда — неизвестно. Даже рискуя выездом Тхоржевского из Женевы, я не предприму ничего решительного до получения от вас (К. Ф. Филиппеуса) окончательных инструкций. Несмотря на всю опытность мою, на все терпение, на всю любовь к моему делу, я вижу, что оно не так легко в своем исполнении, как казалось в Петербурге. Оно, если хотите, и легко, но становится трудным при мысли, что первый шаг будет и последним и должен решить вопрос утвердительно или отрицательно».

К моменту приезда Романа в Женеву там находились несколько агентов III Отделения: там был А. Бутковский, Роте, были некие «Владимир» и «О», чьи имена установить не удалось.

Эти агенты, очевидно, информировали раньше петербургское начальство, что в Женеве носится слух будто бы Ст. Тхоржевский предполагает продать бумаги покойного князя и ищет покупателя. Такие слухи, вероятно, и побудили Александра II и графа П. А. Шувалова теперь именно включить в порядок дня вопрос о приобретении архива. Если бы Тхоржевский действительно искал покупателя, то тем самым задача Романа была бы облегчена. Но в Женеве, к неудовольствию Романа, выяснилось, что слухи неосновательны: Тхоржевский не только не гонится за покупателем, но даже напечатал было объявление о предстоящем издании продолжения «мемуаров» князя. Роман, таким образом, лишался повода непосредственно заговорить об архиве. Надо было основательно продумать план. «Я полагаю, — писал он в том же письме, — что как медленность, так и торопливость могут быть вредны, а потому я полагал бы избрать середину, т. е. еще подождать около недели и затем уже отправиться к Тхоржевскому».

На следующий день, 16/28 августа, Роман зашел «на удачу» в книжную лавку Georg'a — комиссионера всех нелегальных изданий, печатавшихся в Женеве, бывшего в тесных связях с эмигрантскими кругами, — от которого Роман надеялся что-либо узнать.

«Ожидания мои не обманули меня. На окне магазина красовались «Полярная Звезда», «Народное Дело», умерший «Колокол». Не желая сразу броситься на весь этот сумбур, я купил сначала немецкую книгу, а потом уже спросил себе «Народное Дело». В магазине никого не было. Книгопродавец, словоохотливый рыжий немец, предложил моему вниманию целую запылившуюся полку разных Чернышевских, Бакуниных, Искандеров и т. д. Порывшись достаточно, я взял в руки «Les mémoires de Prince Pierre Dolgoroukoff», изд. 1867 г., с вопросом — новейшее ли это издание? На это Georg ответил отрицательно и, когда я положил книгу на место, то он пустился в следующие излияния: Новейшее издание мемуаров Долгорукова последует в скором времени. Предпринял его Тхоржевский, которому Долгоруков завещал все свои бумаги. Издание это будет крайне интересно, ибо в нем будут помещены самые любопытные секретные бумаги князя Долгорукова относительно русского правительства».

Упомянув далее о том, что, по словам Georg'a, Тхоржевский ныне работает над рукописями, подготовляя их к печати, Роман далее пишет Филиппеусу: «Полагаю, что теперь уже смело или самому, или через Georg'a, если это признается удобным, можно приступить с переговорами с Тхоржевским о покупке у него права издания (прямо покупать манускрипты рискованно в виду отказа и подозрения), объявив, что печатание будет производиться в Париже или Брюсселе; если же Тхор-

жевский пожелает оставить за собой право перевода манускриптов и их компиляцию, то и это можно за ним оставить для отвлечения подозрения. Тогда нечего делать, придется начать, для вида, печатание в Париже, конечно, не выпуская в продажу. Если же Тхоржевский связан с типографией какими-либо условиями, то можно заплатить за уничтожение этих условий. Словом, надобно сделать так, чтобы Тхоржевского лишить документов и права распоряжаться их копиями. Разумеется, покупая для издания, представляется удобным предлогом сделать все дело непременно нотариальным порядком».

Предстоящую ему роль Роман рассматривает, как роль «любителя издательской деятельности, с которою я хорошо знаком. С характером этих любителей я тоже хорошо знаком: они не останавливаются перед материальными затратами. Покойный штаб-ротмистр новомиргородского уланского полка Постников, без вести пропавший в 1855 г., был богатый человек. Пусть Тхоржевский справляется — не боюсь. Паспорт покажу в крайности» [1]).

Стараясь как можно удачнее разыгрывать роль «любителя» и богатого туриста, Роман отправляется в трехдневное путешествие по Швейцарии «для того, чтобы следовать обычаю всех путешественников и показаться не очень засидевшимся в Женеве в гостинице».

Во время путешествия он обдумывает план переговоров с Тхоржевским. Одна мысль сменяет другую. Его озадачивает вопрос о том, как быть в случае, если Тхоржевский не согласится предоставить ему бумаги для издания? Он находит выход из положения и в кратком письме от 23/4 августа 1869 г. спешит обменяться мнением с К. Ф. Филиппеусом:

«Хотя, быть может, и дикая, но тем не менее вот какая мысль пришла мне в голову: если бы не удалось купить, то нельзя ли нанять вора, который бы утащил у Тхоржевского бумаги и, конечно, передал бы их уже не на швейцарской земле? Где взять такого человека? Кроме того, в случае неудачи, не будет ли полезно подкупить французские и немецкие газеты и поместить в них дельную статью на основании I т. мемуаров Долгорукова и слухов о выходе II тома? Статью, по моему, можно бы повернуть в нашу пользу. Вообще же мне кажется, что то, что другие государства имеют в изобилии, того у нас недостает, а именно: оплаченных нами за границею журналов».

С книгопродавцем Georg'ом Роман в эти дни раздумья и ожидания инструкций из Петербурга поддерживает связь. Он «мне не мешает, а, напротив, я узнал от него много характерных черт о нашей и польской эмиграции», — пишет он в том же доне-

[1]) Донесение от 16/28 августа 1869 г.

сении. Благодаря Georg'у же, Роман вскоре, отбросив всякие проектировавшиеся им планы, имел возможность познакомиться с Тхоржевским и Н. П. Огаревым, о чем подробно сообщал Филиппеусу письмом от 29/10 августа 1869 г.:

«Вчера, еще до получения вашей телеграммы, я встретил случайно в «Café de Musée» Тхоржевского, где я был с книгопродавцем Georg'ом. Тхоржевский подошел к столу и Georg меня ему представил. Это лысый, небольшого роста, пожилой, лет 50, человек с длинной с проседью бородой. Случай этот несколько уклоняется от той инструкции, которая выражена в вашей первой и вчера в 3 часа полученной депеше, но, наткнувшись на него, нельзя было его избежать, и он на первый раз повел к хорошим результатам. После первого обмена обычных фраз, мы разговорились с Тхоржевским о разных посторонних предметах; когда же Georg со своей женой ушел, тогда я начал говорить уже об издании и приобретении бумаг. Поговорив немного, Тхоржевский просил меня зайти к нему в 6 час. вечера, объявив, что он должен теперь отправиться к Огареву, которому, конечно, он передал встречу со мной. Собрав всю силу своих способностей, я отправился в назначенное время к Тхоржевскому. Шел я, признаюсь, не без опасения, не за свою личность, но за успех моей роли, которая в этот момент должна была решить весь вопрос, всю задачу и всю мою компетентность, как в ваших, так и в моих собственных глазах. Невольный, малейший промах мог все и навсегда испортить. У Тхоржевского я застал Огарева; я его не сконфузился, ибо шел с твердым намерением выдержать роль. Тхоржевский, у которого была моя визитная карточка, представил меня Огареву. Он (Огарев) сухо поклонился, напустив на себя всю эмиграционную важность».

Здесь между Н. П. Огаревым и Романом произошел следующий диалог:

Огарев: Давно ли вы из России?

Роман: С октября прошлого года.

Огарев: Откуда едете и куда направляетесь?

Роман: Из Баден-Бадена через Швейцарию в Париж.

Огарев: Не знаете ли, где в настоящее время находится Погодин?

Роман: Не знаю.

Огарев: Не знаете ли, где теперь находится Кельсиев?

Роман: Не знаю, но знаю, что издание его сочинений купил М. И. Семевский и сделал хорошее коммерческое дело, нажив большие деньги.

Огарев: Скоро ли вернетесь в Россию?

Роман: Не думаю да и незачем.

«Выпив стакан поданного чаю, Огарев ушел и уже более ласково простился со мною и удостоил меня пожатием руки.

По уходе Огарева, Тхоржевский просил меня не удивляться расспросам первого, — встреча русского возбуждает, конечно некоторые вопросы . . .

«Затем уже мы перешли к делу, и вот что сам Тхоржевский рассказал в ответ на мое предложение. Исторические документы покойного князя Долгорукова он охотно бы передал, если бы нашел человека, не оставляющего за собою никакого сомнения в искренности желания действительно их издать и если на то будет согласие А. И. Герцена (в чем он не сомневается), у которого уже находится часть этих бумаг и который есть в этом деле главное руководящее лицо, ибо он-то занимается литературною отделкою бумаг для издания, и с которым он, Тхоржевский, связан нравственным словом и желает остаться в глазах его честным человеком, хотя, собственно говоря, Герцен не может воспрепятствовать ему, Тхоржевскому, продать документы, составляющие его неотъемлемую собственность, особенно когда продажа эта может несколько обеспечить его старость и не будет совершена в видах, противных чести. Раньше же конца октября (по здешнему стилю) он, Тхоржевский, не может дать ответа, ибо А. И. Герцен находится теперь в Брюсселе и то оттуда часто отлучается, а потом будет в Париже, откуда приедет сюда, и тогда, переговорив с ним, Тхоржевский напишет мне по тому адресу, который я ему пришлю. По приезде же моем в Париж, он просил меня тотчас выслать ему мой адрес, как равно написать, остаюсь ли я при своем намерении? Он сам намеревался ехать в Париж, но, получив письмо, что Герцен здесь сам будет, оставил это намерение. Адрес Герцена теперь в Брюсселе можно узнать у книгопродавца Лакруа; сам же Тхоржевский адресует теперь письма poste restante, вследствие частых отлучек Герцена из Брюсселя. Тхоржевский предложил мне сначала письмо к Герцену, но потом, как видно, одумался и сказал, что будет гораздо лучше, если он лично переговорит с А. И., ибо все равно до личного с ним свидания ничего не решится, а оно недалеко — недель через шесть. Наконец, — добавил он, — в эти полтора месяца он будет со мною переписываться и мы будем, говорил он, иметь возможность узнать друг друга ближе (т.-е. я разумею, что он будет за мною присматривать). Я, конечно, не настаивал на письме. Затем он меня спросил, сколько дней я еще останусь в Женеве. Имея в виду ожидаемое от вас письмо, я сказал, что останусь здесь еще до среды, так как не совсем чувствую себя здоровым после простуды. И тут проклятый лях не удержался от вопроса спросить, кто меня здесь пользовал. На счастье я мог назвать доктора Пишо, который действительно меня пользовал.

«Не желая покончить сразу с Тхоржевским и желая узнать его мнение вперед, я под предлогом позднего времени — $10^1/_2$ час.

вечера — раскланялся. Он взял мой адрес, обещая сегодня утром ко мне зайти, что и исполнил в 9 часов, застав меня еще в кровати. Когда я стал одеваться и извиняться перед ним, то он просил не стесняться и принять его, как старого знакомого. С первых же слов я смекнул, что Тхоржевский начинает все более иметь ко мне доверие. Мы говорили долго по-польски, к величайшему удовольствию Тхоржевского, и я нарочно делал ошибки, а он меня поправлял. К удовольствию же своему я видел, что он располагался в мою пользу, даже после посещения сегодня утром Огарева, у которого он был по какому-то делу до прихода ко мне. Велев подать завтрак, от которого Тхоржевский не отказался, мы продолжали обсуждать совершенно дружественно свое дело: я — покупку, он — продажу. В течение всего разговора я ясно видел, что он желает продать бумаги, но что без предварения и совещания о том с Герценом, а, главное, без уверенности в том, что во мне он не ошибается, он не решался окончательно высказаться. При этом он сказал мне, что недобросовестные его соотечественники, вероятно, фискалы, пустили по городу слух, что он торговался с князем Барятинским относительно продажи бумаг. А делалось это для того, чтобы поссорить его с Герценом».

Разговор дальше коснулся содержания архива. Тхоржевский указал ему, что часть бумаг относится к России, часть — к Франции. Печатать во Франции эти бумаги не представляется возможным, так как они направлены против империи и, в частности, против Наполеона III. Частная переписка Долгорукова изъята оттуда и отдана по принадлежности. Обсуждая форму предстоящей сделки между нами, Тхоржевский сам указал, что совершить ее надо будет нотариальным порядком, и что он у себя ничего не оставит.

«Когда я ему высказал некоторые свои опасения за переписку с ним, то он начал меня успокаивать так, как будто я уже принадлежу к лицам, враждебным русскому правительству. Под конец Тхоржевский, уходя, сказал мне на прощание: «может быть и хорошо в России, но поживете и с нами не худо». Словом, мы расстались, как будто бы покончив дело. Он обещал мне, на всякий случай, держать дело в секрете и меня просил о том же, заверяя, что никто, кроме меня, Герцена, Огарева и его, об этом знать не будет».

В заключение письма Роман выражает уверенность «в прекрасном исходе трудного дела». «То недоверие, в которое я было начал впадать напрасно в ваших глазах, заставляет меня вам (К. Ф. Филиппеусу) и Ник. Вл. (Мезенцеву), которые были ко мне христиански-гуманны, поклясться вам всем святым и дать вам мое простое честное слово, что все изложенное здесь—святая истина».

Через несколько дней настала пора сняться с якоря. Роман должен был соблюдать все то, что говорил Тхоржевскому и Огареву. Надо было покинуть Женеву, направляясь в Париж.

2/14 сентября 1869 г. он зашел к Тхоржевскому с прощальным визитом, о чем в тот же день сообщал в Петербург:

«С Тхоржевским мы сегодня простились, даже облобызались, при чем он мне сказал, что дело наше он считает решенным, — весь вопрос будет в цене, в которой, он не сомневается, мы сойдемся в октябре. В искренности моего намерения он также не сомневается, даже Огарев не сомневается. А это редкость на моей стороне, и это уже для него, Тхоржевского, большая гарантия.

«Вчера вечером он зашел ко мне, и мы отправились в Café du Musée, где застали Огарева. Сели, по его приглашению, за один стол. Из его слов видно было, что он работает тоже в предпринятом издании записок. Он вынул полученное им из Лондона письмо от Герцена и подал Тхоржевскому для прочтения. Когда Тхоржевский прочел его и возвратил Огареву, то сей последний сказал: «теперь надобно написать Александру Ивановичу (Герцену), чтобы он не заключал условия с книгопродавцем Трюбнером, а чтобы написал нам, когда будет в Париже. Тогда вы (Тхоржевский) сообщите сейчас г. Постникову, и часть дела может еще решиться в Париже, а, пожалуй, и вместе могут приехать сюда». После двух свиданий, — продолжает Роман, — уже не знаю, чему я обязан, Огарев высказывает мне свое расположение, что, говорят, не в его характере. Показанная ему мною скромная искренность суждений, видимо, на него производит хорошее впечатление. Одно, о чем нетрудно было догадаться, это то, что он меня испытывал и, слава богу, я выдержал экзамен с величайшим успехом. Прощаясь со мною и подавая мне руку, Огарев сказал: «до свидания, — в октябре увидимся». Из Café мы с Тхоржевским прошли к нему, и тут он мне подал в красном переплете тетрадь, на крышке которой золотыми буквами вырезано: «Список бумаг князя П. В. Долгорукова». Затем он вручил мне написанный при мне собственноручно на конверте свой адрес и сказал, что это достаточно показать А. И. (Герцену) для того, чтобы с ним говорить конфиденциально, когда бы я случайно раньше узнал, что Герцен в Париже. Меня же он еще раз просил непременно сообщить ему сейчас свой парижский адрес, как равно и о том, не переменил ли я своего намерения. Прощаясь со мною, он подарил мне в красном переплете «Колокол» за 1868 г. и две ненаходящиеся в продаже брошюры Огарева и Герцена. Когда я спросил Тхоржевского, чем он позволит себя отблагодарить, то он долго отказывался, пока, наконец, вынул из кармана подписной лист на погребение умершего в больнице сестер милосердия Цверциакевича, бывшего двигателя демократической

польской пропаганды в Лондоне. Его хоронят завтра. Я подписал 40 франков. Сегодня мы простились, как я сказал, поцеловавшись даже».

В Петербурге тем временем проявляли большой интерес к подробным сообщениям Романа, в правдивости которых не сомневались. Разговоры с Тхоржевским предвещали благополучный исход.

5 сентября 1869 г. Александру II был представлен подробный доклад о ходе переговоров. В докладе было подчеркнуто, что поручение возложено на агента, «опытность которого была на уровне данного ему поручения, представлявшего весьма значительные затруднения». Далее, основываясь на сообщениях Романа, шеф жандармов выражал уверенность, что, если только не непредвиденные какие-либо обстоятельства не помешают, — бумаги можно будет купить в конце октября. Дело только в цене.

Оптимизма графа П. А. Шувалова, Н. Мезенцева и К. Ф. Филиппеуса не разделял, однако, Александр II. «Признаюсь, что я еще далеко не убежден, чтобы покупка эта могла состояться», — так гласит царская резолюция на этом докладе.

Так как переговоры Романа с Тхоржевским подходили уже к той стадии, когда, по достижении принципиального соглашения, надо было вопросы ставить более конкретно, то Роман «для получения дальнейших инструкций» был вызван в Петербург. Надо сказать, что Роман был весьма ограничен в своих правах и действиях. В каждом отдельном случае он должен был испрашивать разрешение III Отделения на тот или иной шаг. Такая постановка дела связывала ему руки, создавала ему преграды, подчас и неприятности, но он все же всегда умело находил выход из трудного положения. Теперь же, когда предстояло дожидаться приезда Герцена в Париж, наступил удобный момент, чтобы вызвать его, Романа, на несколько дней в Петербург.

Простившись с Тхоржевским и Огаревым, Роман должен был уехать в Париж. Но . . . вместо Парижа уехал в Петербург, откуда уже отправился во Францию.

В Петербурге мы застаем его 6 — 8 сентября 1869 г. К чему сводились новые преподанные ему инструкции — неизвестно, как, вообще, не располагаем материалами, освещающими отношение III Отделения к его деятельности. 8 сентября 1869 г. он обратился с запиской к К. Ф. Филиппеусу о выдаче ему пожалованного «при отставке» годового оклада содержания. Он спешил приобрести себе на эти деньги новое платье, которое «удовлетворяло бы принятой мною на себя роли», и купить нужно было «еще сегодня, ибо завтра будет уже поздно». Любопытно, что ответа он поджидал во II экспедиции III Отделения, ведавшей делами личного состава служащих и о пенсиях. В III экспедицию, возглавляемую К. Ф. Филиппеусом, не желая «рисковать

встретить в вашей экспедиции кого-либо постороннего», он не заходил.

Просимую сумму он, вероятно, получил и, снабженный новыми инструкциями, отправился в Париж, чтобы встретиться там с А. И. Герценом.

ГЛАВА VI.

«Издатель Постников» и А. И. Герцен.

Первое донесение Романа из Парижа относится к 16/28 сентября 1869 г. Но, «за невозможностью сообщить вам (К. Ф. Филиппеусу) что-либо о нашем деле до получения какого-либо известия от Тхоржевского», он сообщает целый ряд парижских новостей и слухов, не относящихся к нашей теме. Спрашивает только в заключение, сколько можно будет предложить за архив? Очевидно, будучи в Петербурге, он насчет этого не получил решительного ответа. На письме — помета: «Никак не более 20 тысяч франков».

В следующем письме от 18/30 сентября он сообщает в копии только-что полученное им от Тхоржевского письмо:

«29 сентября 1869 г.
40 Route de Carouge, Genève.

Милостивый государь.

Письмо ваше получил. Пользуясь вашим адресом, имею приятность сообщить вам, что Александр Иванович (Герцен) в Париже — живет в Grand Hôtel du Louvre, ch. № 328. Если вам угодно поговорить *о деле* — адресуйтесь *от моего имени* во время, какое может вам назначить для свидания.

С. Тхоржевский» [1].

«Имея в виду ваше приказание, — пишет Роман, — я не пойду к Герцену, а терпеливо буду ждать хода обстоятельств».

«Я полагал бы, что ему можно разрешить свидание с Герценом», — написал на письме К. Ф. Филиппеус. Разрешение на свидание с Герценом Роману было послано телеграфно.

Роман продолжает умалчивать о деле в ряде писем, вплоть до 3 октября н. с., когда имел, наконец, возможность сообщить подробности разговора с Герценом.

В этот промежуток времени Тхоржевский списался с Герценом. «Получил письмо Тхоржевского, — писал Герцен Н. П. Ога-

[1]) Курсив, как оговаривается Роман, принадлежит Тхоржевскому.

реву 29 сентября н. с. — Передай ему, что я безусловно советую ему продавать бумаги Долгорукова, или даже уничтожить» [1]).

3 октября н. с. Роман, в ответ на свое, получил от Тхоржевского следующее письмо:

«2 октября 1869 г.
20 Route de Carouge, Genève.

Милостивый государь.

Только-что получил ваше письмо и спешу с ответом. Александр Иванович (Герцен) живет в Grand Hôtel du Louvre, № 328. Он предупрежден о вашем визите по поводу бумаг, — сделайте одолжение, обратитесь к нему и поговорите с ним и об цене; когда мы ближе будем знакомы, можно поговорить со мною в Женеве, или я могу тоже приехать в Париж, если будет нужно. Я вас предупреждаю, что имею и других, которые хотят купить, но предпочитаю людей более знакомых. Вы меня понимаете и во всяком случае нужно более познакомиться.

Ваш С. Тхоржевский».

«После этого письма, — пишет Роман, — не оставалось другого выхода, как итти к Герцену, ибо затянуть к нему визит значило бы избегать с ним свидания, и в этом отношении я не ошибся, ибо Герцен меня уже поджидал. Я постиг этих господ: с ними надобно быть как можно более простым и натуральным.

«Я не знаю, родился ли я под счастливой звездой в отношении эмиграции, но начинаю верить в особое мое счастие с этими господами. Признаюсь, я почти трусил за успех, но, очутившись лицом к лицу с Герценом, все мое колебание исчезло. Я послал гарсона сперва с моей карточкой спросить, может ли г. Герцен меня принять. Через минуту он сам, отворив двери номера, очень вежливо обратился ко мне со словами: «покорнейше прошу». Следовало взаимное рукопожатие и приветствия, после чего Герцен сказал мне: «Я еще предупрежден был в Лондоне о вас, но, приехав сюда, я начал терять надежду вас видеть» [2]). Я ответил на это, что виною тому был Тхоржевский, выразившийся весьма неопределенно относительно права моего говорить с ним, Герценом, относительно бумаг.

«Я был принят Герценом чрезвычайно хорошо и вежливо, и этот старик оставил на меня (sic) гораздо лучшее впечатление, чем Огарев. Хотя он, когда вы говорите с ним, и морщит лоб, стараясь как будто просмотреть вас насквозь, но этот взгляд не

---

[1]) Собр. соч. под ред. М. К. Лемке, т. XXI, стр. 491.

[2]) Думается, что в данном случае Роман несколько искажает истину. Нет никаких сведений, что Герцен в августе и сентябре 1869 г. был в Лондоне. Тхоржевский, вероятно, предупредил его о визите Романа, когда он был уже в Париже. *Р. К.*

есть диктаторский, судейский, а скорее есть дело привычки и имеет в себе что-то примирительное, прямое. К тому же он часто улыбается, а еще чаще смеется. Он не предлагал мне много вопросов, а спросил только, где я воспитывался и намерен ли остаться всегда за границей. На последний вопрос я отвечал осторожно, что надеюсь. Взамен скудости вопросов Герцен, видимо, старался узнать меня из беседы со мною. Он сам тотчас заговорил о деле. Я ему показал второе письмо Тхоржевского, на которое, улыбаясь, он сделал следующие замечания: 1) нельзя заключить, чтобы оно было писано бывшим студентом русского университета, 2) о других покупателях ему ничего неизвестно и 3) относительно того, чтобы ближе познакомиться, Герцен полагает достаточным нравственное убеждение, а не годы изучения человека. Есть нравственное убеждение, — как он говорил, — ну, и достаточно.

«Мы беседовали более двух часов и вот что постановили: 1) он, Герцен, на продажу мне бумаг совершенно согласен, о чем он Тхоржевскому и напишет и попросит у него решительного ответа в отношении условий, ибо он, Герцен, не хочет взять на себя быть судьею в цене. Он напишет Тхоржевскому на-днях весьма обстоятельно и подробно, чтобы избежать всякого дальнейшего недоразумения и предоставить ему, если он желает, самому приехать сюда и втроем решить дело. Во всяком случае, Герцен хотел или лично, или по городской почте дать мне ответ через неделю. При этом, когда я захотел ему написать свой адрес, то он проболтался и сказал, что его знает, назвав гостиницу. Адрес ему сообщил, конечно, Тхоржевский, и он уже справлялся.

«После часовой беседы, исключительно посвященной намерению моему купить бумаги для издания, Герцен пригласил меня завтракать с ним. Я отказывался, но он настоял. К завтраку вышла из другой комнаты жена и дочь — 11 лет. Первая из них женщина уже в летах, носит волосы с проседью, коротко остриженными. Она более серьезна, чем муж, и расспрашивала меня о развитии женщины в России, и не будет ли, наконец, основан женский университет. Дочь была одета очень опрятно и чисто, с гладко зачесанными и в косички заплетенными волосами, говорила с родителями по-французски. У Герцена лицо красноватое, губы черные, небольшая борода и назад зачесанные волосы, почти совершенно седые. Вообще я заметил, что как господин, так и госпожа Герцен в приемах своих люди совершенно обыкновенные смертные. За завтраком г-жа Герцен и дочь оставались недолго и ушли в свою комнату, при чем дочь поцеловала отца. Мы остались вдвоем и продолжали беседу, которую мне невозможно передать в мельчайших подробностях».

Герцен рассказывал много анекдотов из жизни покойного князя Долгорукова, с которым он, что соответствует действительности, «в последнее время не был в хороших отношениях», обещал составить набросок контракта с Тхоржевским, советовал Роману, в случае совершения сделки, печатать книгу в Женеве, подтвердил, что бумаги Долгорукова интересны в политическом и историческом отношениях, одобрил мысль Романа печатать бумаги отдельными выпусками небольшого размера и т. п., и т. п. Роман, в свою очередь, просил Герцена взять на себя роль оценщика бумаг, подчеркнув, что полагается на нравственный авторитет его.

«Вообще, — заканчивает он, — я крайне доволен первым свиданием с Герценом. Дал бы бог скорее покончить благополучно; надобно вооружиться крайним терпением».

На следующий день они снова встретились. «Ровно в 12 час. Александр Иванович зашел ко мне, якобы с визитом,— я был почти уверен в его деликатности, которую я, конечно, понимаю по-своему—очень хорошо, а потому его посещение меня нисколько не удивило. Он пробыл у меня до половины второго, и я его, в свою очередь, пригласил позавтракать, от чего он не отказался и даже сам попросил коньяку, которого за завтраком не было. Он выпил две рюмки и почти целую бутылку бургонского, которую сам выбрал.

«Главным предметом нашего разговора были бумаги. Заключение контракта, между прочим, по словам Александра Ивановича, возможно в какой бы то ни было стране, ибо, если условия принадлежности литературной собственности и пользование ею в различных странах разны, то в контракте следует только поставить условием, что сила его действительна для всех стран Европы, что Тхоржевскому не разрешается оставлять у себя копий и ни в чьих других руках, ни опубликование этих копий, и что Тхоржевский, ручаясь, что копии не находятся ни у кого, предоставляет мне право преследовать всякого за контрафакцию. Впрочем, где удобнее всего заключить контракт, об этом я еще справлюсь. В отношении ценности Герцен говорил мне, что подлинные акты пойдут, конечно, дороже, чем другие бумаги, но для полной их оценки надобно видеть хотя бы главнейшие из них. Так или иначе, в Женеву ехать надобно. Во всяком случае, Герцен дал мне слово писать завтра же Тхоржевскому и ответ сообщить не далее субботы» [1]).

Не полагаясь только на А. И. Герцена, который, видимо, в этом деле не проявлял такой активности, как то рисует Роман в своих письмах к Филиппеусу, — агент сам написал Тхоржевскому о своих беседах с Герценом. 9 октября н. с. получил от

[1]) Донесение от 4 октября н. с. 1869 г.

него следующий ответ (приводим письмо по копии, присланной Романом; подлинных писем Тхоржевского за этот период нет):

«7 октября 1869 г.
20 Route de Carouge, Genève.

Милостивый государь.

Письмо ваше получил и совершенно согласен с вами на посредство Александра Ивановича или кого он изберет. Срок окончания дела дать могу только самый последний до 1 ноября. Должен непременно выждать на некоторые известия. Может быть, буду в этом месяце в Париже или если нужно будет, буду вас просить приехать и даже показать вам каталог всего, что на продажу, и сделаем условие. Я бы хотел знать от вас, до какой суммы вы пойдете? Вот все, что сегодня могу вам сообщить.

Остаюсь с уважением

С. Тхоржевский».

Роман временно воздерживается назвать сумму, указывая, что это зависит от «степени важности» бумаг. По поводу письма он, кроме того, пишет Филиппеусу: «Тхоржевский не мастер на память — каталог видел» [1]).

При очередной встрече с А. И. Герценом 11 октября (н. с.) Роман рассказал ему о содержании письма Тхоржевского. «Вопрос Тхоржевского о том, чтобы я наперед назначил цену, Герцен нашел, как он сам выразился, нелепым, тем более, что в письме к нему, Герцену; Тхоржевский говорит, что сам будет в октябре в Париже и тогда скажет о цене. Тем не менее я успел заметить, что Герцен крайне интересуется этим делом, ибо без того, что я даже и не намекал ему, он сам вызвался тотчас же снова написать Тхоржевскому и добиться от него обстоятельного ответа. Я же, с своей стороны, в сегодняшнем письме моем к Тхоржевскому представил ему, что я не в состоянии определить цены, не видав подробно бумаг.

«В разговоре со мною о будущем мнимом издании мною бумаг Герцен проникнут всегда сильным желанием, чтобы я печатание продолжал у Чернецкого [2]) в Женеве (он, видимо, сам, того не замечая, считает дело как бы поконченным), на что я, конечно, не даю решительного ответа, ссылаясь на то, что для меня, быть может, русская типография в Лейпциге Брокгауза будет выгоднее. Чтобы тут не вышло недоразумения, в случае справок, я написал уже Брокгаузу в Лейпциг, прося его ответить

---

[1]) См. стр. 35.

[2]) Собственник типографии в Женеве, в которой печаталось большинство эмигрантских изданий; приятель Герцена, Огарева, Тхоржевского и др. *Р. К.*

мне о цене печатного листа своей типографии. Я успел здесь рационально (sic!) узнать о существовании русских типографий в Карлсруэ, Лейпциге, Дрездене и Берлине и ознакомиться с их положением. Конечно, об этом закидываю, при удобном случае, словцо Герцену, чтобы укрепить его веру в то, что имею намерение печатать бумаги. В этом случае мне много должно помочь некоторое знание тонкостей издательской деятельности, почерпнутое мною здесь в разговорах с книгопродавцами Франком и др. С Франком у Герцена вчера вышла сильная размолвка по поводу того, что Франк отказался от покупки у Герцена исправленного издания его сочинения «La Russie et la revolution», несмотря на то, что контракт был уже у нотариуса совершенно готов. Вероятно, размолвка с Франком и лопнувшая надежда получить с него 2.000 фр. были поводом тому, что Герцен был совершенно расстроен (что, видимо, старался предо мною скрыть). По словам же Герцена, он сам отказался от сделки с Франком, ибо находит выгоднее заключить таковую с Лакруа и вот почему он, Герцен, занят и не успел еще составить проект контракта. Пустяки! Барин лукавит: он с Тхоржевским в самой усердной переписке по поводу моего дела. Герцен говорил мне, что он поселяется на постоянное жительство в Париже и ждет только некоторых писем из Флоренции от родных, чтобы нанять квартиру. Жаловался на дороговизну квартир и вообще жизни в Париже [1]). Видно, у барина нет денег. Говорил также, что, несмотря на то, что обещал Тхоржевскому приехать в Женеву в октябре, он не может исполнить свое обещание ранее первых чисел ноября, вследствие каких-то дел. В Grand Hôtel de Louvre Герцен занимает большой и, по всей вероятности, недешевый номер в три комнаты. Когда вопрос обращался к бумагам, то Герцен говорил, что мне предстоит большой труд в отношении оценки их, ибо между ними есть много таких, которые для историографа имеют большое значение, а для него же, например, они ничего не стоют, ибо часто носят на себе характер сплетен, до чего покойный князь был большой охотник.

«Следующие слова Герцена убедили меня вполне, что он в переписке с Тхоржевским по поводу бумаг. Трудно удержать в памяти буквально все речи Герцена, но вот их смысл: Тхоржевский желает, чтобы в условии было помещено, что я обязан тотчас же опубликовать во французских и немецких газетах, что, приобретя право издания, я теперь же к нему приступаю. Я против этого не возражал, но заявил, что соглашусь не иначе, как с оговоркою, что обязательства, заключенные

---

[1]) «Трудно поверить дороговизне всего . . . да, ведь, всего — от дома и шляпы до мяса и башмаков. Начинается холод . . .» — писал Герцен Огареву 18 октября н. с. Ср. собр. соч. Герцена, т. XXI, стр. 504.

Тхоржевским до сего времени, для меня не обязательны. Публикация мне нисколько не повредит, попали бы только раз бумаги в мои руки, тогда пусть хотя вся эмиграция тянет меня к ответственности за неисполнение обязательств. Вся проволочка теперь со стороны Тхоржевского заключается, по-моему, в двух главных причинах: 1) в нерешительности, какую назначить цену, и 2) оправдать себя, в случае какого-либо казуса, в глазах эмиграции тем, что дело сделано не торопясь.

«Говорил он (Герцен) мне также, что ему положительно известно, что русская часть бумаг покойного князя находится в совершенном порядке; французская же часть страдает отсутствием этого порядка; что в них интересного весьма много (в обеих частях) из прошлого царствования, из настоящего же весьма мало.

«Затем Герцен весьма много говорил мне еще о старых своих мытарствах по разным странам и о намерении своем поселиться в Париже, если и не навсегда, то надолго. Вообще в его рассказах много интересного и правдивого, но в то же время проглядывает желчь и усталость от борьбы с жизнью. На этот раз я не берусь определить более верно Герцена, ибо, быть может, он находился под влиянием неудачи дела своего с Франком. Ругал он чрезвычайно Трубникова за распространение фальшивого слуха о сыне его, обращавшегося будто бы к священнику Раевскому с просьбою исходатайствовать ему дозволение приехать на время в Россию. А между тем дело было вот как: сын Герцен при свидании с молодым князем Горчаковым выразил ему свое желание побывать на время в России. Сей последний передал об этом своему отцу, а «либеральный канцлер» не замедлил написать Герцену официальную бумагу, что пребывание его в России признается невозможным. Эта официальная бумага либерального министра, как говорил Герцен, доказывает, как бюрократизм сильно вкоренился в России» [1]).

12 октября (н. с.) Роман опять виделся с Герценом. «Я встретил недалеко от моей квартиры Герцена, который говорил, что, будучи по какому-то делу на бульваре Sevastopol, он намеревался зайти ко мне, чтобы мне передать, что Тхоржевский просит меня приехать в Женеву для окончания дела. Когда я спросил, не пишет ли он что-либо о цене, то Герцен ответил мне, что на этот вопрос он не имеет еще ответа. Простившись со мною, он просил меня перед отъездом в Женеву зайти к нему. Между тем сегодня утром (письмо к Филиппеусу от 13 октября 1869 г. н. с.) я получил по городской почте следующее письмо (Роман приводит его в копии):

«М. Г. Я получил вчера письмо от Тхоржевского. Он пишет, что его знакомый археолог и книжник оценил рукописи

[1]) Донесение от 11 октября 1869 г. (н. с.).

русские и французские, оставшиеся после Долгорукова, в 7.000 р. серебром, говоря, что меньше он решительно не советует брать. Господин этот помог моему незнанию цены, — мне кажется, что скромнее оценить нельзя.

Не думаю, чтобы Тхоржевский прислал каталог. Самое лучшее ехать в Женеву. Тхоржевскому очень важно обязательство начать тотчас печатать, — надобно написать обоюдное compromis (sic! *Р. К.*).

Автографы входят в общую продажу, и Тхоржевский исключает только семейные письма, совершенно частного содержания.

Затем свидетельствую вам мое искреннее почтение

Ал. Герцен».

«По получении этого письма я отправился к Герцену и вот что он мне сказал: так как Тхоржевский просил его составить ему проект условия, который он и мне обещал, то Герцен просил меня подождать (поездкой в Женеву) до субботы, ибо раньше, имея много своих дел, он не составит проекта. Я, конечно, не настаивал и не спешил».

В обсуждении условий продажи бумаг, не проявляя особой активности, а являясь только советником Тхоржевского, Герцен, действительно, принимал непосредственное участие, о чем свидетельствует хотя бы записка его к Роману, опубликованная М. К. Лемке по подлиннику, хранящемуся в Румянцевском музее в Москве. Записка эта хронологически, несомненно, относится к 14 — 16 октября (подлинник не датирован) и подтверждает, при всей своей краткости, многое из того, что сообщал Роман Филиппеусу. Вот она:

«Я полагаю, что Тхоржевский продает не безусловно в вашу собственность бумаги, а с определенным условием в с е и х и з д а т ь (курсив подлинника. *Р. К.*) и в особенности издать все, относящееся к двум последним царствованиям. Вы, вероятно, ему дадите удостоверение в том, что начнете печатать через два месяца после покупки, и в обеспечение положите условленную сумму в какой-нибудь банк без права ее брать до окончания печати. Если из бумаг, относящихся к прошлому столетию, что-нибудь окажется негодным для печати или мало интересным, то вы можете не печатать их, по взаимному соглашению с Тхоржевским.

Все бумаги и письма, относящиеся к семейным делам Долгорукова, исключаются. § 3 принять можно, но деньги не после принятия, а тотчас» [1]).

[1]) См. Собр. соч. А. И. Герцена под ред. М. К. Лемке, т. XXI.

Дело близилось к концу. Пока Роман дождался от Герцена проекта контракта, он успел телеграфно снестись с III Отделением и добиться обещания потребной суммы. Уверенный, что скоро, наконец, достанет бумаги, Роман заранее просил Филиппеуса дать соответствующее приказание русскому посольству в Берлине, чтобы к его пакетам, буде он того потребует, приложить посольскую печать, предупредив таможню о беспрепятственном пропуске его и т. д.

16 октября н. с. Роман уехал в Женеву. Перед отъездом он из Парижа отправил следующее письмо Филиппеусу:

«Сегодня я видел в последний раз Герцена и у него завтракал снова. Беседовал, не выражая ни малейшего сомнения. Проект условия мне вручил: цена не проставлена, об ней мы должны решить в Женеве с Тхоржевским. В отношении печатания условия для меня очень строги. Сказал он мне также, что, вероятно, Тхоржевский будет считать рубль не по курсу, а по 4 франка, что составит 28.000 фр. — сумма далеко разнящаяся от той, которую вы назначили и которой я строго буду держаться. Дай бог успеть, а главное уйти ловчее с бумагами. Не забудьте при этом расходы нотариальные и мелочи, о которых потом было бы поздно думать. До какой цены я успею дойти, я вам сообщу по телеграфу и вас буду просить, в случае согласия, выслать деньги тоже по телеграфу. Я очень рад, что благополучно ухожу из Парижа; у Герцена часто бывают разные лица, но до сих пор такие, которых я никогда не встречал. Сегодня в 10 час. вечера выезжаю, помолясь богу».

В Женеве Роман быстро договорился с Тхоржевским, который ставил цену до 26.000 фр. Быстрому разрешению вопроса помог и Герцен. «Ну, что Тхоржевский с бумагами? — спрашивал он в письме к Огареву, отправлённом 17 октября (н. с.), — Постников меня мучил, как кошмар. Брал бы Тхоржевский деньги, благо дают и — баста» [1]).

Роману, однако, пришлось пережить здесь несколько неприятных дней: из Петербурга не приходили деньги. Кое-как под разными увертками он убедил Тхоржевского взять задаток в 500 фр. и допустить его к осмотру бумаг. Тхоржевский недоумевал. «Опять, — пишет Роман 23/13 октября 1869 г., — начались вопросы: отчего я не хочу ему дать денег тотчас по окончании просмотра бумаг, откуда я получу деньги, когда я начну печатание и т. д. Вообще следовал ряд вопросов самых подозрительных, ответы на которые пришлось выдумывать, ибо дело совершалось в присутствии Николая Платоновича Огарева. Дальше понедельника — письмо писалось в субботу — едва ли выдержу свою роль. Больше того, что я вытерпел в этом деле, требовать

[1]) Собр. соч. Герцена, т. XXI, стр. 504.

от человеческих сил и способностей нельзя. Я говорю это твердо, с сознанием того, что свято исполнил свой долг и до самого окончания блистательно оправдал ваше доверие. Остальное вне моей зависимости. После просмотра бумаг, продолжавшегося до 6 час. вечера, Огарев предложил итти ко мне обедать. Конечно, я предложение принял и Тхоржевского пригласил, хотя это посещение было для меня крайне неприятно, ибо опасался, что за обедом подадут мне вашу депешу, против чего, однако, я принял меры. За обедом Тхоржевский, касаясь разговора о бумагах, сказал, что у него были и другие гораздо выгоднейшие в материальном отношении покупатели, но которым он ни за что не отдал бы бумаги, ибо скоро узнал в них русских шпионов (приятно, — замечает Роман, — было это слышать!). Князь Долгоруков, оставляя ему бумаги, не имел в виду оставить ему материальное наследство, а нес убеждение, что они будут напечатаны. А так как он, Тхоржевский, ссылаясь на мнение Александра Ивановича (Герцена) и Николая Платоновича (Огарева), имеет нравственное убеждение, что в моих руках бумаги выйдут в свет, то он и постановил мне их уступить. Вечером мы были в театре. Сегодня же я окончил просмотр бумаг и насколько просмотр любителя-издателя, из роли которой я не должен был выходить, позволяет судить, бумаги заключают в себе много интересного. Еще вчера я был приглашен Огаревым обедать в Café du Nord, откуда только теперь вернулся. Денег у меня всего 45 фр.—да это еще не беда, а вот беда будет в понедельник, если не пришлете ответа. Бумаги остались у Тхоржевского. Чтобы несколько устранить его подозрение, я заказал большой сундук, в который их уложил и запер на замок. Отсюда я еду якобы в Брюссель, а оттуда в Париж. На самом же деле проеду через Париж. Бумаги же отправлю до Берлина».

В понедельник вечером, 25 октября н. с., он, наконец, получил телеграмму о посылке первых денег — 3.000 фр. Такая сумма его не устраивала . . . Чтобы пока отделаться от Тхоржевского, Роман убедил его, что ему необходимо по срочному делу съездить в Лион, откуда вернется только в конце недели. К моменту его возвращения из Лиона деньги прибыли, и он смог приступить к оформлению сделки.

«Наконец, вчера вечером, — писал Роман 3 ноября (н. с.), — я покончил дело, вручил деньги и получил продажную запись и самые документы, едва уложившиеся в большой сундук» [1]).

«Тяжелый сундук с бумагами я хотел прямо довезти до Берлина, что было бы дешевле, но, имея поручение от вас принять

[1]) А. И. Герцен 21 октября н. с. писал Н. П. Огареву: «Сейчас получил весть от Тхоржевского, что он бумаги Долгорукова продал, — очень рад за него». (См. т. XXI полного собр. соч. Герцена). Герцен, очевидно, принял задаток за окончательное совершение сделки. Последняя, как видно, состоялась лишь 2 ноября н. с.

во Франкфурте на Майне ваше письмо, я везу сундук с собою до сего города, ибо полагаю, что в письме будут какие-либо распоряжения ваши.

«Тхоржевский и Огарев в это последнее мое здесь пребывание просто замучили меня своим вниманием. Я ясно видел, что они все-таки хотели еще тверже убедиться во мне, особенно Огарев. То они у меня обедали, то я был зван к Огареву, у которого я сегодня в последний раз обедал, и от которого я только что возвратился. Он поднес мне в подарок свое стихотворение «Восточный вопрос в панораме». Я изучил своих господ очень хорошо, — быть может, в будущем и пригодится. Хорошо бы издать мемуары и завязать с ними непосредственные, так хорошо начатые, сношения. Тхоржевский обещал мне писать в Париж, куда я приеду из Брюсселя еще не скоро. Для Тхоржевского я везу бумаги в Брюссель через Германию, — он вполне в этом убежден.

«Дай бог только здоровья, и тогда скоро доберусь до Петербурга, а то тоска меня мучит очень. Родное детище свое — документы — я хоть полумертвый, а привезу».

В последних числах октября (старого стиля) Роман был уже в Петербурге. Здесь при нем подсчитали все расходы: покупка архива в общей сложности обошлась III Отделению в сумме свыше 10.000 рублей . . .

Среди бумаг Романа сохранился полный перечень купленным бумагам. Куда они девались — неизвестно. В политическом отношении они не представляли, судя по списку, никакого значения, и III Отделение должно было разочароваться в этой покупке. В следующем году, как увидим, оно само сочло возможным опубликовать часть рукописей.

Задание Роман, надо отдать ему справедливость, выполнил блестяще. Ни Герцен, ни Огарев, не говоря уже о Тхоржевском, не разгадали новоявленного незнакомца-издателя.

Любопытно, что и в этот раз, как и при поездке Романа для розысков Нечаева, за границей носились слухи о его проделке. Летом 1871 г. тот же Балашевич-Потоцкий писал из Лондона, что «Тургенев (И. С.), писатель, здесь и играет роль либерала. Он всем говорит, что известный книгопродавец и alter ego Герцена — Ст. Тхоржевский — состоял на жаловании III Отделения и продал все тайны Долгорукова». Но, несмотря на подобные слухи, Роман-Постников оставался до своей смерти (в январе 1872 г. его не было уже в живых) незаподозренным. В течение, по крайней мере, всего 1870 г. (за этот год сохранились его письма в III Отделении) он вращался, как свой человек, среди эмигрантов и оказывал, как увидим, всяческие немаловажные «услуги» Огареву, Бакунину и другим деятелям эмиграции.

Приобретение бумаг князя Долгорукова — факт выдающийся в летописях III Отделения. И лицо, совершившее удачно такой маневр, могло явиться тем именно человеком, в котором Шувалов, Филиппеус и К° нуждались для погони за Нечаевым. Все, — его характер, манеры, способности сыщика, известная образованность, общительность — говорили за то, что он сумеет снова выведать нужные сведения. III Отделение в критическую минуту не могло не воспользоваться неоценимой для него помощью Арвида-Карла Романа — «издателя Постникова».

ГЛАВА VII.

Издание II тома мемуаров князя Долгорукова.

Очутившись в Петербурге, Роман старается приложить все усилия к тому, чтобы склонить III Отделение к мысли начать издание долгоруковских бумаг. Он видит в этом предприятии лучшее средство для непосредственного наблюдения за деятельностью эмиграции. Согласись III Отделение на его предложение, оно имело бы возможность быть информированным постоянно и верно об эмиграции. Мысль Романа неустанно работает в таком направлении. Он проявляет в данном случае особую инициативность.

3 ноября 1869 г. он обращается к К. Ф. Филиппеусу с большим письмом, в котором развертывает перед начальством оригинальный план издания приобретенных бумаг покойного князя Долгорукова. Письмо это не находится еще ни в какой связи с его будущей командировкой для поимки Нечаева. План его исключительно сводится к тому, чтобы иметь «возможность — говоря его словами — черпать, так сказать, у главного источника эмиграции те сведения о ее намерениях и действиях, которые могут быть во вред правительству, при возможности их парализовать».

Вот это письмо:

«При исполнении возложенного вами на меня поручения приобретения за границею известных бумаг покойного князя Петра Долгорукова, главною побудительною причиною успеха этого дела был удачный выбор роли, которую я на себя принял. Результат дела доказал это. Роль эту я избрал потому, что издательская деятельность и ее приемы мне хорошо известны, и что только за этою ролью можно было скрыть истинные мои цели. В продолжение трех месяцев роль эта так удачно была выдержана мною, что Тхоржевский, Герцен и Огарев пришли к полному заключению в искренности моего намерения купить бумаги для издания, и на этом основании таковые были мне уступлены.

«Оставляя Женеву, я объявил, что уезжаю на время в Брюссель, где, оставив все бумаги, потом возвращусь в Париж, куда и буду перевозить документы по частям для их обработки. Так поступать советовал мне и Герцен. При прощании Тхоржевский еще раз повторил мне словесно данное им письменное обязательство выслать мне в Париж еще кое-что из частной переписки Долгорукова и для этого просил меня известить его о моем возвращении в Париж. Огарев с своей стороны обещал мне, — и я уверен, он сдержит свое слово, — прислать мне кое-что для биографии князя. Желанием моим издать биографию князя я объяснил в глазах Тхоржевского, Огарева и Герцена настойчивость свою иметь как можно более документов из частной жизни князя и его переписки.

«Во время бесед моих в Париже с Герценом по поводу будущего издания он далеко не высказывался в пользу направления, которому следовал Долгоруков в I томе мемуаров: по его мнению, многое было через меру резко, как продукт желчного характера князя, и часто историческая истина принесена в жертву мелкой сплетне, до чего, как известно, Долгоруков был страстный охотник. Поэтому Герцен советовал мне дать II тому иное направление.

«Не имея еще тогда бумаг в руках, я не придал этому совету особенного значения; но, закрепив свои сношения с Герценом [1]), Огаревым и Тхоржевским на совершенно доверчивых ко мне началах, приобретя и ознакомившись с бумагами, я начал обдумывать, как бы из этого дела исчерпать до последней капли всю пользу для правительства, — ту пользу, которая составляет предмет его постоянных, весьма часто напрасных, усилий. Совет Герцена пришел мне на помощь. Я заключил, и — смею думать, безошибочно, — что издание II тома мемуаров в ином направлении не только возможно, но и должно, ибо оно принесет правительству одну лишь пользу.

«Думаю, что правильное объяснение ошибок, в которые вовлекаемо было всякое правительство силою обстоятельств и духом времени, весьма важно для него не только в глазах своего народа, но и в глазах всей Европы, — таких ошибок, которые глава государства не имел возможности предвидеть. Ошибки эти без труда объяснятся правильно и даже в либеральном духе документами Долгорукова, например время Аракчеева. Нет надобности добавлять, что постановка вопросов будет сделана с крайнею осмотрительностью, так, чтобы он в одно и то же

[1]) В последнем своем письме из Флоренции, по поводу тяжкой болезни старшей дочери своей, Герцен писал Огареву: «Душевно благодарю г. Постникова за участие его в моем горе, поздравьте его с добрым начинанием дела и скажите, что если мой совет может быть ему пригоден, то никогда в нем не откажу». Прим. Романа.

время был либералом (по-своему) и не отставал от исторической истины. Доверие к нему как читающих, так и эмиграции будет полное. С Герценом буду советоваться.

«В отношении либерального направления я буду придерживаться, более или менее, того, которое допущено в сочинениях, дозволенных в России; например в историческом сборнике Бартенева, который отчасти мне удалось уже прочесть, есть следующие места: «политические реформы Екатерины тормозились значительно. Желала бы она в душе помочь народу, но между ею и народом создалась уже целая непроницаемая стена». Затем следуют нападки на Сумарокова. Или далее: «каждый начальник мыслит, что пользуется уделом власти беспредельной в частности. Мысль несчастная, тысячи любящих отечество граждан заключающая в темницу».

«Перенося это направление на новейшее время, надобно быть, конечно, более осторожным, особенно, если в виду будет вопрос о пропуске издания в Россию. Во всяком случае, я буду придерживаться более исторического интереса, и за этим интересом легко будет скрыть все то, что неудобно для правительства.

«Во II томе «мемуаров» никаким образом я не могу допустить слепого подражания I тому. Это значило бы показаться в глазах эмиграции человеком несамостоятельных убеждений. Своеобразный характер II тома должен меня еще более сблизить с Герценом и Огаревым, — о Тхоржевском я и не говорю, мы с ним совершенные друзья. В успехе еще более тесного сближения я могу вам поручиться. Это-то сближение должно принести вторую существенную пользу, а именно—дать мне возможность черпать, так сказать, у главного источника эмиграции сведения о ее намерениях и действиях, которые могут быть во вред правительству, и при возможности их парализовать.

«Та сравнительно незначительная материальная затрата, которую произведет теперь правительство на печатание, объявления о выходе издания, отправление и пребывание мое заграницею, возвратится с большим барышом при выходе II тома, что должно непременно последовать не позже, как в апреле месяце.

«В заключение обязываюсь сказать, что успех дела обусловливается немедленным отправлением моим в Париж, откуда я обещал писать Тхоржевскому, и куда он и Огарев в свою очередь хотели мне прислать еще кое-что из частной жизни Долгорукова. Тут же будет жить и Герцен.

«Во всяком случае, оставление документов без издания может повести к разным газетным статьям и темным слухам, между тем как издание их принесет правительству одну лишь чистую пользу.

«Пособием издания могут служить следующие документы: 1) Все интересные записки Карабанова, 2) Записки Штелина о Петре III, 3) Жизнь Потемкина, 4) Письма Суворова, 5) memorandum (осторожно), 6) Подлинные записки Ермолова, 7) Письма императора Александра I, 8) Записки Храповицкого, 9) Анекдоты разных времен, 10) Подлинные государственные акты и копии, 11) Переписка Аракчеева и др., как равно некоторые частные письма.

«Изложив вам в безыскусственной форме положение дела и ту пользу, которую неизбежно получит правительство от издания мемуаров, я смело заверяю вас, что приведу и это дело к успешному желаемому вами результату и посвящу также ему все мои способности, все мои старания. 3 ноября 1869 г. А. Роман».

Когда в III Отделении в начале ноября 1869 г. обсуждался приведенный проект печатания второго тома мемуаров князя Долгорукова (сомневаться в том, что проект обсуждался, не приходится: исправления, сделанные рукою Филиппеуса на докладной записке Романа, указывают на то, что Шувалову был представлен соответствующий доклад), — о предстоящей погоне за Нечаевым и речи не могло еще быть. Нечаевская организация не была еще раскрыта, студент Иванов, убийство которого явилось главным поводом к раскрытию организации, благополучно здравствовал, да и вообще вопрос о погоне за Нечаевым не мог еще возникнуть, ибо есть основания предполагать, что III Отделение, в частности Филиппеус, как он оговаривается в своей «исповеди», знало в то время о состоявшемся возвращении Нечаева в Россию, и, следовательно, искать его приходилось, главным образом, в пределах самой России. Не мог, таким образом, и проект Романа обсуждаться в плоскости использования его автора для поисков Нечаева заграницей. Но Шувалов, Филиппеус и К° в то же время все же не решались пренебречь столь ценными связями Романа. Довод последнего, что печатание и подготовительная к тому работа даст «возможность черпать, так сказать, у главного источника эмиграции те сведения о ее намерениях и действиях, которые могут быть во вред правительству, и при возможности их парализовать», видимо, убедило их, и «издатель Постников» был командирован снова заграницу для информирования о деятельности русской эмиграции».

В начале декабря нового стиля мы застаем его в Париже, откуда первое, отсутствующее у нас, письмо свое в Петербург он отправил 5 декабря. В следующем письме, от 6 декабря [1]), он определяет цель своего приезда в Париж в следующем мимо-

[1]) Единственное письмо Романа за время этой его поездки, которым мы располагаем.

ходом оброненном замечании: «начальство считает нужным иметь точные сведения о действиях и намерениях нашей эмиграции».

Впрочем, не имея возможности, по причинам, о которых сказано несколько ниже, «черпать сведения», он попутно занимался, по поручению свыше, другим делом: он «пока» не то разыскивал, не то следил за княгиней Оболенской. Допустимо, что он в этот раз отправился отчасти и специально для розысков Оболенской, но несомненно и то, что главное поручение было — пытаться обрабатывать эмиграцию, пользуясь своими «издательскими связями» [1]).

Как «издателю», Роману преимущественно на первых порах приходилось соприкасаться с Ст. Тхоржевским, находившимся в Женеве. Тхоржевский являлся для «издателя Постникова» центром, вокруг которого он должен был, главным образом, вертеться. Хотя его знал и Герцен, тогда еще здравствовавший, но и к нему, как и к Огареву, Бакунину и другим, путь для осторожного агента лежал через Тхоржевского. Почва, на которой Роман мог с ним сходиться, была чисто «деловая», а «делами» своими он больше всего был связан с Тхоржевским. Надо было с ним поговорить об издании очередного тома мемуаров и постараться, между прочим, дополучить кое-какие письма и бумаги покойного князя, а мимоходом, конечно, заговаривать о чем-либо ином.

---

[1]) Официальный источник сообщает следующие сведения об Оболенской. «Оболенская, княгиня, Зоя Сергеевна, супруга генерал-лейтенанта, бывшего московского губернатора, князя Алексея Васильевича Оболенского († 1884), дочь генерал-адъютанта, графа Сергея Павловича Сумарокова. С конца 1860-х годов стала открытою нигилисткою, а потом и эмигранткою в Швейцарии, жила постоянно в обществе русских и швейцарских анархистов, состоя в близких отношениях к Брониславу Жуковскому (своему секретарю) и польскому эмигранту Мрочковскому, за которого вышла замуж; была тоже близка к Бонгару и Бакунину (ездила к нему в Локарно, в 1869 г.); потом жила во Франции, Неаполе, Флоренции, часто меняя местожительство». (Н. Н. Голицын, «История социально-революционного движения в России 1861 — 1881 г.г.», гл. X, Петербург, 1887 г., стр. 127). Она разыскивалась агентами III Отделения по исключительному поводу. Вместе с нею находились заграницей ее дети, которых мать хотела воспитать в любви к свободе, в уважении к труду и человечеству. Сама Оболенская, по отзыву Бакунина, «принадлежит к редкому числу тех женщин в России, которые не только сердцем и умом, но также и волею, а, когда нужно, и делом сочувствуют нам». (Письма Бакунина к Герцену и Огареву, изд. Врублевского, стр. 276). «Развращающее» воспитание детей вызвало возмущение и негодование со стороны отца княгини Оболенской — графа Сумарокова, который обратился от себя с «верноподданической» просьбой к Александру II об оказании ему посильной помощи вернуть его молодых внуков на родину. Нечего говорить, что III Отделение и министерство иностранных дел с жаром принялись «спасать» внуков графа. Прежде всего надо было установить местожительство Оболенской. Для этой цели на средства графа Сумарокова и князя Оболенского были посланы специальные агенты в Швейцарию и Фран-

Будучи в Париже, Роман получил от Тхоржевского дружелюбное письмо, сообщенное в III Отделение в следующей копии:

«5 декабря 1869 г.
20 Route de Carouge, Genève.

Милостивый государь
Николай Васильевич [1]).

Пишу вам несколько слов, чтобы известить, что к новому году непременно буду в Париже и привезу вам обещанные вещи,— они послужат вам, как выяснение многого в отношении разных эпох, и не мешают вам приготовлять бумаги к печати. В работе помогает мне Н. П. [2]), — идет все медленно, по причинам домашних неприятностей.

Алекс. Иван. [3]) уехал из Флоренции, здоровье дочери улучшилось, и вместе путешествуют, к новому году тоже будут в Париже.

У нас холодно, как в России, держусь как могу,—но холод портит все исправленное.

К новому году непременно буду в Париже и лично вас увижу и даже пойдем вместе на бал лучше женевского.

цию. На официальные угрожающие вызовы русского правительства она отвечала презрительным молчанием. Дело кончилось беспримерным фактом — похищением детей в гор. Веве, при содействии местной полиции. Бакунин об этом рассказывает: «В одно прекрасное утро, извещенные накануне о приезде князя Оболенского, префект, мировой судья и жандармы с г. Серезоль (членом Швейцарского федерального совета) во главе ждали на вокзале прибытия августейшего поезда. Они простерли так далеко свою любезность, что приготовили даже необходимые экипажи для проектируемого похищения, и, как только князь приехал, все отправились в жилище княгини Оболенской, несчастной женщины, совершенно не подозревавшей о грозе, которая собиралась обрушиться на ее голову. Тут произошла сцена, которую мы отказываемся описывать. Швейцарские жандармы, очевидно желая отличиться перед русским князем, оттолкнули кулаками княгиню, которая хотела проститься со своими детьми. Князь Оболенский был в восторге, он видел себя в России. Г. Серезоль командовал. Дети, больные, были в отчаянии. Жандармы схватили их и бросили в экипажи, которые увезли их». Что Роман в декабре 1869 г. охотился за княгиней, определенно известно. Но каков был смысл этой охоты, — не знаем, ибо дети были увезены еще летом 1869 г., так что для этой цели устанавливать ее местонахождение не приходилось. (М. А. Бакунин, Избранные сочинения, изд. «Голоса Труда», т. III, стр. 10 — 12; Н. А. Огарева-Тучкова, «Воспоминания», стр. 239 и «Протест против русского правительства Зои Оболенской, урожденной графини Сумароковой», Женева, 1870 г.).

[1]) Имя и отчество, под которыми в эмигрантских кругах фигурировал «Постников».

[2]) Огарев. Прим. Романа.

[3]) Герцен. Прим. Романа.

До свидания, остаюсь с уважением и желаю хорошего здоровия

Ваш С. Т. (полная подпись)».

«P. S. Есть письма, я их приготовил, но боюсь посылать по почте».

«В этом письме, — комментирует его Роман, — я нарочно сам подчеркнул те места, которые укажут вам (Филиппеусу) еще более, что отношения мои к Тхоржевскому за это короткое 4-х месячное время совершенно интимны».

Бумаги оставались в Петербурге. «Не имея же никаких бумаг Долгорукова, — писал Роман, — я положительно не могу видеться с Тхоржевским». А «дружба с таким господином, как Тхоржевский, — уверяет он своих петербургских патронов, — пользующимся слепым доверием и уважением как польской, так и русской эмиграции, стоит в моих глазах очень высоко». Роман опять ставит ребром вопрос: «будут ли бумаги напечатаны или нет?», так как пребывание здесь и (возможное) свидание с Тхоржевским без бумаг «становится для меня затруднительным».

Неизвестно, встретился ли Роман в эту свою поездку с Тхоржевским. Есть только сведение, что он виделся с Герценом, съездив для этой цели в Лион. Стремясь сохранить связи со своими «приятелями», Роман поддерживал с ними переписку. Мы указывали уже, что донесения за время текущего пребывания его заграницей не сохранились. В его бумагах обнаружились лишь три отдельных подлинных письма к нему А. И. Герцена, С. Тхоржевского и Л. Чернецкого, относящихся к тому периоду. Из письма Тхоржевского видно, что Роман собирался в Лион к Герцену, куда, как он впоследствии писал, и съездил. Из письма Чернецкого видно, что он вел переговоры об издании второго тома Долгоруковских мемуаров. Вот письма А. И. Герцена и С. Тхоржевского.

I. От А. И. Герцена:

«Душевно благодарю васъ за ваши добрыя строки. Я ѣду завтра. Все время провелъ в страшной тревогѣ — отъ болѣзни моей дочери. Ей лучше. Какъ только устроюсь въ Парижѣ, поставлю за особое удовольствие васъ извѣстить.

Усердно кланяюсь

А. Герценъ [1]).

15 дек. 1869 г.
H. d. Europa».

---

[1]) Письмо послано Роману Герценом из Лиона. В полное собрание сочинений и писем Герцена оно не вошло.

II. От С. Тхоржевского:

«9-го октября [1]).

Милостивый государь

г-н Н. Постников.

Получивши от вас письмо, спешу с ответом. Завтра, вероятно, поеду на дня два тоже в Лион встретиться с А. И. (Герценом), который едет в Париж. Не знаю, когда вы будете, зайду в гостиницу в Лионе, в которой вы жили первый раз и которой адрес у меня. Кажется, в понедельник или вторник буду возвращаться в Женеву. Если вас в Лионе не увижу, а вы будете в Женеве во время моего отсутствия, то обратитесь прямо к Николаю Платоновичу (Огареву) № 43 Route de Carouge. Он будет знать, когда я возвращусь. На всякий случай, когда приеду, зайду в Женеве в Hôtel de la Poshe. Очень приятно будет с вами повидаться, и все обделаем. До свидания, остаюсь с глубоким уважением С. Т.».

3 января 1870 г. (н. с.) Роман покинул Париж и направился в Петербург. Причиной тому послужило какое-то недоразумение между ним и князем Оболенским, который обвинял агента в том, что он его «обобрал». В связи с этим инцидентом испортились отношения к Роману и графа П. А. Шувалова. По возвращении Романа в Петербург, ему много труда стоило оправдать себя и восстановить доверие к себе.

Здесь, в Петербурге, мысль Романа продолжает работать в одном и том же направлении. Мысль о печатании II тома его неотступно преследует. Логичные доводы его не убеждают, однако, начальство в целесообразности печатания некоторых бумаг. Оно не прочь использовать в должной мере его звание «издателя», но выдать бумаги и обратить Романа в фактического издателя оно пока не решается. Предупреждения его о том, что отказ от напечатания второго тома грозит ему скандалом и разоблачением его деятельности, остаются гласом вопиющего в пустыне.

Роман тщательно обдумывал создавшееся положение и, изыскивая доводы, способные склонить III Отделение к согласию издавать бумаги, выказывает при этом настойчивость и твердость характера. Предприятие, раз начатое, должно быть доведено до конца; энергии и силы достаточно у него для такого маневра. С одной стороны, он стремится чем-то большим, из

[1]) Описка. Должно быть «9 декабря». К октябрьской переписке их никакого отношения не имеет. Из текста письма видно, что на следующий день Тхоржевский предполагал выехать в Лион. Он приехал туда навестить Герцена 11 декабря 1869 г. н. с. Ср. собр. соч. Герцена, т. XXI, стр. 533—535.

ряда вон выходящим, обеспечивающим ему, быть может, блестящую карьеру в будущем, услужить отечеству и престолу, а с другой—ему в равной степени хочется, пока он не уверен еще в своем будущем, остаться незапятнанным в глазах эмиграции. Он очень остерегается возможного разоблачения: оно ведь не только отрезало бы его от эмигрантских и революционных сфер в частности, но и преградило бы ему свободный доступ в ту литературную и военную среду, среди которой он когда-то вращался и продолжал, по всей вероятности, вращаться. Как наиболее интеллектуально развитой агент, Роман прекрасно сознавал печальные для себя результаты такого разоблачения, если оно нагрянет сейчас, когда его положение не определилось еще. В своих письмах он неоднократно оговаривался, что идет с открытым забралом на такое рискованное дело, лишь бы угодить III Отделению, своему отечеству и обожаемому монарху, но тут же подчеркивал, словно заранее умоляя не забывать его в несчастьи, что разоблачение его похождений оказалось бы для него плачевным финалом, равносильным почти гибели. Ему чудилось, что такой конец явился бы для его «изуродованного духа» смертью. Совокупность всех этих обстоятельств толкала Романа на путь энергичных домогательств издания хранившихся в Петербурге бумаг покойного князя Долгорукова.

Тем временем он получил в Петербурге («пересланное мне из Парижа») письмо от Тхоржевского, которое он представил в подлиннике Филиппеусу. Вот оно:

«12 января 1870.
20 Route de Carouge — Genève.

Добрейший г-н Н. Постников.

Поздравляю вас с новым годом и желаю вам очень хорошего здоровья — больше вам нечего хотеть. Опоздал с ответом на ваше милое письмо единственно потому, чтоб взаимно поздравить вас с новым годом вашим. Я, кажется, скоро приеду в Париж, — мог бы и теперь, но боюсь холоду, а потом жду квартирного устройства А. И.[1]), которое должно быть к 1 февраля. На этом-то основании не присылаю вам его адрес — потому что теперь никого не принимает. Николай Платонович[2]) довольно здоров. Кланяется вам и говорит по поводу вашей статьи о финансах, что она достойна публикации — у них теперь нет никакого органа, а поэтому нужно бы печатать отдельной брошюрой — он хочет даже больше прибавить, но не хочет быть издателем же: печатать на свой счет. Если не решитесь тоже

[1]) Герцена, умершего через 8 дней. *Р. К.*
[2]) Огарев. *Р. К.*

на издание, то вам возвращу при первом свиданьи вместе с пачкой других бумаг, приготовленных мной.

Чернецкий с нетерпением ждет вашего ответа [1]).

Как у вас в Париже? — В Женеве несколько недель ужасные туманы, лучше чем в Лионе, — но несколько дней погода получше.

Жму вам руку и остаюсь с истинным уважением

С. Тхоржевский».

Письмо это подало Роману повод обратиться в пятницу, 30 января 1870 г., с краткой записочкой к Филиппеусу: «Не изволите ли,—писал он,—возобновить в памяти графа Петра Андреевича (Шувалова) доклад по поводу издания бумаг Долгорукова и всю пользу, которая от этого может произойти. В воскресенье я позволю себе представить вам написанный мною снова проект по поводу бумаг. Черновая у меня написана уже около двух недель, но я все поджидал известий из Парижа». К. Ф. Филиппеус исполнил просьбу Романа и представил его записку Шувалову, удостоившему ее 31 января немотивированной (очевидно, в связи с инцидентом с князем Оболенским, сведениями о котором мы не располагаем) резолюции: «признаю неудобным поручить Роману какие-либо новые дела». Об этом и было объявлено автору.

Резолюция шефа жандармов нисколько не смутила Романа. В воскресенье, 1 февраля 1870 г., он представил К. Ф. Филиппеусу свой новый проект, исходивший из совершенно иных предпосылок и в конечном счете предусматривавший такие результаты, которые в те дни, несомненно, ближе интересовали III Отделение, чем информация о деятельности эмиграции.

В промежуток времени, отделяющий момент представления Романом своего нового проекта от последней его поездки заграницу, в III Отделении настроения его руководителей резко изменились. В порядке дня стоял один боевой вопрос — ценой каких бы то ни было усилий поймать Нечаева. Погоня, об организации которой мы подробнее говорили в первой главе, была в разгаре, но не предвещала никаких надежных результатов: Нечаев никак не попадал в поле зрения кого-либо из агентов. Этим моментом не мог не воспользоваться Роман, который стержнем своего нового проекта, дипломатично изложенного, выбрал именно Нечаева.

«В деле поимки Нечаева, — докладывал, он — предстоит удачное разрешение вопроса: успел ли он бежать заграницу или скрывается в России? Удачное разрешение сего вопроса

---

[1]) Ответ на письмо от 20 декабря 1869 г., которое Роман получил в декабре 1869 г. в Париже (см. стр. 54). Речь в письме идет о наборе II тома.

и самая поимка Нечаева составляет, по-моему, важную задачу не только в настоящем, но и для будущего спокойствия правительства. Я вполне убежден, что ярые и за ум зашедшие нелепые прокламации Нечаева и К⁰ не могут произвести в России переворота, но в то же время правительство не в праве оставлять без преследования лиц, старающихся, хотя бы и напрасно, возбудить в стране беспокойство. Обращаясь ко второй половине вопроса, я со времени возвращения своего из-за границы, занялся в тесном кругу моей деятельности разыскиванием здесь Нечаева: большую часть дня я провожу в тех улицах и закоулках Вас. Острова, Садовой, Коломны, Измайловского и Семеновского полков, вечер до полуночи в трактирах и даже у развратниц, в надежде, не увижу ли или узнаю что-либо, наводящее на след. Я предоставляю себя так называемому полицейскому случаю, употреблявшемуся часто с успехом Кандером, Видоком и Лекоком, когда они были простыми агентами. Случай этот, конечно, никогда не подвернется, если его не искать, а потому неудачные попытки не должны ослабить мои поиски.

«Одновременно с сим, я думаю, что, по совершении убийства, Нечаев снова бежал заграницу, что для него было нетрудно, ибо надобно предположить, что у него был, хотя и не на свое имя, но совершенно легальный в глазах таможенных властей паспорт [1]).

«Обращусь к допущению мысли, что Нечаев заграницей, и строго позволю себе анализировать те средства, которые, для открытия его, как я выше сказал, имеются в моих руках, при счастливо сложившихся для меня обстоятельствах. Приобретением у Тхоржевского бумаг Долгорукова я воспользовался, чтобы стать твердою ногою в кругу эмиграционных предводителей: Герцена [2]), Огарева, Чернецкого, Тхоржевского, и если бы я предвидел тогда надобность и не боялся бы упрека за через меру смелое вдруг расширение знакомства, то мог бы быть теперь уже в сношениях с Бакуниным, Мечниковым и Касаткиной, к которой меня Тхоржевский постоянно звал. Но я тогда нарочно не накидывался на эти знакомства, боясь упрека.

«Изучив хорошо характер и слабые стороны помянутых лиц, я, при терпении и некотором такте, убедился при последней своей поездке заграницу, что отношения мои к ним остались не только те же, но улучшились. Герцен, никого почти не при-

---

[1]) Роман без сомнения знал, что Нечаев уже находился заграницей. Он дипломатично разыгрывал роль якобы неосведомленного на сей счет человека, чтобы «логическими» предположениями, соответствующими истине, оказывать большее влияние на начальство. *Р. К.*

[2]) 9-го января умер. См. письма его ко мне. Прим. Романа. Все письма Герцена, до сих пор известные, приводились выше. *Р. К.*

нимавший в гостинице «Rohan», всегда встречал меня радушно, при чем я познакомился с старшею его дочерью и от него же узнал, что Нечаев разыскивается (30 декабря). Несмотря на отсутствие мое из Парижа, та польза, которую я мог бы извлечь у самого источника эмиграции, еще не потеряна. Я мог бы снова вернуться и не только поселиться в их кругу, но еще его расширить. Таким образом, если у вас нет в виду более верных средств, то не могу ли я быть вам полезным следующим образом.

«Я взял бы теперь же с собою все приобретенные мною у Долгорукова бумаги и оставил бы массу их в Брюсселе, ибо вдруг их ввозить во Францию опасно: я ввозил бы по частям и с особенною осторожностью те бумаги, которые касаются французского правительства: на станции Северной железной дороги я не подвергаюсь почти никакому досмотру вследствие приязни с служащим на той станции, старым польским эмигрантом, компаньоном той гостиницы, в которой я останавливался. Поселясь таким образом вместе с Тхоржевским и Огаревым в Париже или Женеве, смотря по тому, где будет удобнее, я занялся бы обрабатыванием бумаг к изданию и вошел бы по сему поводу в личные сношения с новым лицом, Мечниковым, предлагавшим уже свое сотрудничество. При посредстве: Огарева, Мечникова, Тхоржевского, Касаткиной можно бы, конечно, расширить круг знакомства, что крайне было бы полезно, ибо трудно предположить, чтобы люди, подобные Бакунину, остановились бы на попытке Нечаева, — они должны итти дальше; это — цель их существования.

«Жить постоянно в их среде едва ли может быть признано средством, удобным для достижения наших целей; такое средство возбуждает всегда большое подозрение. Впрочем, применение того или другого средства может ясно обозначиться только ходом обстоятельств на самом месте.

«Печатание же и издание бумаг сам граф Петр Андреевич изволили одабривать в том духе и направлении, как прежде было уже доложено. Второму тому мемуаров целиком или в отдельных эпизодах можно дать либерально-выгодное для правительства направление. Материальной потери правительство при этом не понесет, ибо уступка книгопродавцам 50% составит на 5 тыс. экземпляров — 20 тыс. фр. дохода, что далеко покрыло бы (sic!) издержки на печатание, поездку, проживание заграницею в течение известного времени, пересылку книг и т. д. Издание бумаг, с пользою для правительства, представляется уже потому делом полезным, что избавит от риска, что эмиграция через год может напечатать всю процедуру покупки бумаг и их исчезновения. Между тем некоторые бумаги могли бы быть пущены, в напечатанном, конечно, виде, в продажу в России, что дало бы уже материальную выгоду.

«Таким образом, не теряя ровно ничего, правительство, при посредстве издания бумаг, могло бы компетентно усилить свои средства в наблюдении за происками эмиграции, как русской, так и польской, и рассчитывать на то, что попытки, в роде нечаевской, будут предупреждены. Девизом этого моего доклада служит: потери никакой, а польза—более чем вероятная.

«Знакомый с содержанием бумаг Долгорукова, я мог составить из них в течение одной недели подробную выписку и доклад.

«Не соизволите ли признать возможным обстоятельства настоящего дела предложить вниманию графа Петра Андреевича [Шувалова] и его превосходительства Николая Владимировича [Мезенцева].

«Ведь польза этого дела говорит сама за себя».

Такой программой Роман попал в нужную точку. «Более верных средств» в распоряжении Шувалова и Филиппеуса не оказывалось. А необходимость решиться на исключительное средство, как мы уже выше указали, сама собою напрашивалась. Делегирование такого человека с крупными связями, как «издатель Постников», обещало многое; его звание и предшествующая деятельность обеспечивали ему доступ в эмигрантские круги.

Роман был отправлен снова в центр тогдашней эмиграции, в Женеву, для издания якобы бумаг князя Долгорукова, которые он на сей раз захватил с собою. Но, как мы узнаем из последующих его донесений, ему было определенно вменено в обязанность не приступать фактически к их печатанию, а ограничиваться видимой подготовкой их к печати, приготовлением переводов и т. п.

27 марта 1870 г. (н. с.) он сообщал из Женевы [1]) о таком инциденте: «вчера был уже у Огарева, по его собственному желанию, переданному мне Тхоржевским. Я побыл у него недолго, ибо он все еще болен. Он принял меня очень хорошо, несмотря на мое опасение, ибо Тхоржевский сказал мне вчера же, что какой-то мерзавец распустил по Женеве слух, что будто бы он, Тхоржевский, продал бумаги в руки графа П. А. (Шувалова). Каково мне было слушать это и выдержать роль! Когда я пришел к Огареву, то у него уже лежали на столе номера «Marseillaise» и «Peuple français», в которых напечатано мое объявление об издании. Вероятно, это рассеяло всякое подозрение, если таковое существовало. По крайней мере, я думаю, что не оши-

[1]) Цитируем первое из донесений Романа за время описываемой командировки его, которыми мы располагаем. В Женеву он приехал раньше 27-го марта н. с. Должны были быть его предыдущие донесения.

бался, приняв предосторожность напечатанием объявления, а главное дело — Тхоржевский видел у меня бумаги».

Такого рода сообщением Роман, вероятно, намеревался оправдать факт увоза в Женеву бумаг, чему ранее в Петербурге сопротивлялись. Как бы там ни было, но, добившись передачи ему бумаг и увезши их заграницу, Роман приступает к дальнейшей атаке руководителей III Отделения, все больше и больше убеждая их согласиться на фактическое издание второго тома мемуаров Долгорукова. Мотив, конечно, один, — Нечаев. Нечаева не удастся выследить, если он, Роман, не свяжется прочными узами с эмиграцией посредством осуществления обещанного Тхоржевскому, Огареву и др. печатания второго тома. Своим чередом, книга фиктивно «подготовляется» к печати.

Договорившись с типографщиком Чернецким, Роман приступает к переговорам с переводчиком Мечниковым [1]).

«Сегодня же в 5 часов явился ко мне с запиской от Чернецкого Мечников для переговоров о переводе и редактировании французской части моего издания [2]). Это молодой еще человек, лет 32-х, с выразительным и умным лицом, черною бородою, в очках и ходит при помощи костылей, вследствие раны, как он

[1]) О Мечникове — брате известного ученого — в цитировавшейся выше X главе «Истории социально-революционного движения в России 1861 — 1881 г.г.». Н. Н. Голицына находим следующие сведения:

«Мечников, Лев Ильич, поступил в 1850 г. в училище правоведения, по болезни затем он отправился в Харьков и окончил воспитание в тамошнем университете. Позднее уехал с матерью заграницу, в Италию, где сблизился с Гарибальди, был его адъютантом и участвовал в войне за объединение Италии. По окончании войны поехал в Швейцарию, где завел близкое сношение с Герценом, Бакуниным, Нечаевым и др. В 1868 г. он проживал в Женеве, где был в близких сношениях с Эльпидиным, по печатанию на русском языке разных пасквилей и изданию листков революционного направления: «Подпольное Слово», «Современность» и «L'Actualité». В конце того же года он ездил в Мадрид с поздравлением испанской хунте от «Молодой России», и затем переехал в Барселону, откуда посылал корреспонденции в «С.-Петербургские Ведомости». В 1871 г. ему было разрешено прибыть в Россию, с отдачей его на поруки брату, Ивану Мечникову, бывшему в то время старшим председателем киевской судебной палаты. В 1872 г. он опять был в Швейцарии, где вращался среди русских студентов и одно время читал там лекции. В 1873 г. он читал в Женеве публичные лекции о социальных науках. В 1874 г. был в Париже, где сошелся с кавказцем Николадзе и другими анархистами». Отрывок из его воспоминаний «М. А. Бакунин в Италии в 1864 г.»—напечатан в «Историческом Вестнике», за 1897 г., кн. III. Во вступительной к ним заметке Н. Викторова (В. Бурцева) приведены краткие биографические данные о нем, заимствованные из биографического очерка о Мечникове, написанного Элизэ Реклю. Те сведения резко расходятся с приведенными у Голицына, но не в отношении его революционной деятельности.

[2]) Донесение от 30 марта 1870 г. н. с.

говорит, полученной им, когда он служил в войсках Гарибальди [1]).

«Разговора, конечно, другого и быть не могло, как об условиях перевода. Он принял на себя как перевод того, что составлено мною о Петре III, так равно и свои вставки и биографию Штеллина и Долгорукова, по небольшим материалам, за которыми пойду завтра к Огареву. За 30.000 букв условлено по 75 фр. За 60.000 букв теперь же плата вперед, по обыкновению здесь. Перевод Мечников тут же взял с собой. Следовательно, теперь уже надобно решить положительно вопрос — печатать или нет, ибо до печатания я на этой неделе еще не дойду, но на будущей, вероятно, уже вынужден буду к тому, а потому и дать Чернецкому 600 фр. на выписку бумаги, которой здесь нет. Какая польза может быть от сношений с Мечниковым и типографиею Чернецкого, я вперед определить не могу, знаю только то, что печатать нужно будет, а потому и пустить на неверное 750 фр. Решится ли правительство на это? Все отпечатанное издание я получаю полностью из типографии с распискою, что там не осталось ни одного экземпляра, и что шрифт разобран. Все издание я могу сжечь на первой станции или, что еще лучше, дать отобрать от себя на французской границе, так что в свет не попадет ни одной строчки. Весь вопрос для нашего правительства будет только состоять в деньгах на издание, которое все обойдется не менее 4.000 фр., да для жизни моей в течение 6-ти недель минимум 3.000 фр.

«Во избежание всякого неудовольствия на меня, я долгом почитаю доложить вам теперь же об этом, покорнейше прося разрешить мне этот вопрос. Во всяком случае, если в течение печатания я узнаю об Нечаеве что-либо обстоятельное, и он будет взят, а я печатание прекращу, то затраченные деньги пропали, и для меня без скандала не обойдется, если же я ничего не узнаю и тоже прекращу печатание, то тот же скандал. Следовательно, положение мое крайне рискованное. Вообще же все дело своею неприятною тяжестью ложится на меня, ибо я должен просить о таких средствах, на которые правительство, быть может, не согласится. А между тем другого средства д л я с е б я я не вижу. Не займись я печатанием, инкогнито пропало безвозвратно. Благоволите разрешить теперь, что мне делать. Всю тяжесть моего положения вы легко усмотрите».

---

[1]) В другом месте (донесение от 31 марта 1870 г.) Роман отзывался о Мечникове: он — «бывший офицер войск Гарибальди, чрезвычайно умный господин, но любит деньгу — это может быть и хорошо и худо для нас. Он живет с женою редактора «Вести» Скарятина, который теперь здесь, и которого считают русским шпионом».

В разговорах с Мечниковым, Чернецким и др. Роман, как на источник своих капиталов, ссылался на «банкира», живущего не то во Франции, не то в России, и финансирующего его. Приводим, как образец его «издательской» дипломатии, копию с письма его к Мечникову от 6 апреля 1870 г.

«М. Г. Я получил от своего банкира ответ. Он раньше конца будущей недели мне не может выслать денег, а потому я и не могу удовлетворить теперь вашу вторичную просьбу дать вам вперед в счет работ 300 фр. Что же касается до сделанного вами уже перевода, то он составляет maximum 37.672 буквы, что по условию составит 94 фр., которые, если угодно вам получить, то могу тотчас вам прислать. За это же время я успею, вероятно, несколько пополнить пробел о Бироне, что, по-моему, все-таки необходимо, и порешить записки Штеллина, чего до сих пор не успел, будучи занят с г. Тхоржевским другим делом и не чувствуя себя совершенно здоровым. Ваш покорный слуга Н. Постников».

Посылая копию этого письма «банкиру» — через А. Н. Никифораки К. Ф. Филиппеусу, Роман писал ему [1]): «Мне кажется, что письмо написано довольно деликатно и, не лишая Мечникова надежд, не может его вооружить против меня. Мне это, пока, тем более необходимо, что он в хороших отношениях с Чернецким, а с этим последним мне портить не нужно . . . Как прикажете: отдать Мечникову оставшиеся у меня 272 р., или вы изволите мне прислать особо, согласно вашему обещанию?». «Банкир», надо полагать, в средствах тогда не отказывал . . .

Насколько Роман вполне ясно представлял себе схему своей провокационной работы, настолько же неясным оставалось для него его нынешнее положение. Права его были чрезмерно урезаны. В своей тактике он был почти абсолютно зависим даже не от Никифораки, проживавшего также в Женеве и инструктировавшего Романа, а непосредственно от III Отделения. Филиппеус и он разговаривали на разных языках, понимая и в то же время не понимая друг друга. В Петербурге нетерпеливо ожидали от Романа конкретных и достоверных указаний относительно Нечаева. Здесь меньше всего интересовались «переводами» долгоруковских бумаг. Основная цель — Нечаев, а издание мемуаров покойного князя вопрос совершенно второстепенный, нисколько не интересующий сам по себе ни Филиппеуса, ни Шувалова.

Иной точки зрения держался Роман. Он, может быть, и искренно верил, что Нечаева рано или поздно настигнет;

---

[1]) Донесение от 7 апреля 1870 г. н. с.

у него на то было много шансов. Но он понимал, что Нечаева немыслимо обнаружить врасплох, если только неожиданно не подвернется счастливый случай. Он жаждал его поймать, помня о наградах и чине, но логика подсказывала ему, что действовать надо медленно и осторожно. План свой он начертил правильно. Надо было, по его мнению, осесть прочно в среде Тхоржевского, Огарева, Мечникова и других эмигрантов и «вкрадываться медленно в теплую дружбу» к ним. А как этого достичь, не печатая второго тома? Он продолжает непрестанно настаивать на печатании, доказывая разнообразнейшими доводами всю пользу такого предприятия. Роман обнадеживал их завтрашним днем. «Вы изволите, быть может, соблаговолить судить, в какой степени я мог бы быть полезен в будущем, вкрадываясь медленно в теплую дружбу к Тхоржевскому», — замечает он в одном из своих донесений [1]). «Я Тхоржевского успел совершенно подобрать к рукам», — пишет он в другом месте [2]).

III Отделение, конечно, этим не удовлетворялось. Для Филиппеуса Тхоржевский представлял собою, видимо, сомнительный источник обещанных Романом будущих благ; он должен был казаться малоценным средством в деле поимки Нечаева. В донесении от 4 апреля (н. с.) Роман, рассказывая, как он 3 апреля в компании с Тхоржевским провел вечер в одном из женевских кафе, — разумеется, на казенный счет,—сообщает следующее об уводе пьяного собутыльника на квартиру: «с трудом найдя извозчика, я его отвез в полубессознательном состоянии домой и воспользовался этим, чтобы пошарить у него в письмах и бумагах, но труд мой был напрасен — ничего заслуживающего внимания не нашел». Пусть такое сообщение не соответствует действительности — оно могло быть придумано с целью добиться возмещения расходов по соответственному счету кафе, — но во всяком случае и такие мелочи должны были учитываться в III Отделении. Это лишний раз подчеркивало, что от Тхоржевского искомых сведений о Нечаеве не добиться.

А Огарев? На него сам Роман в этот период не особенно рассчитывал: «Огарев же едва ли хорошо знает о пребывании Нечаева, да и можно ли надеяться на человека, запившего и забывающегося» — писал он [3]).

Обстоятельства, таким образом, складывались для Романа неблагоприятно. Через А. Н. Никифораки, находившегося, как было сказано, также в Женеве, о чем, между прочим, эмиграция была осведомлена, и часто встречавшегося там,

---

[1]) Донесение от 27 марта 1870 г. н. с.
[2]) Донесение от 7 апреля 1870 г. н. с.
[3]) Там же.

с Романом [1]), последнему стало известно о настроениях в третье-отделенских кругах. Предчувствуя предполагавшееся анулирование его командировки из-за ее безрезультатности, Роман, под влиянием переговоров с Никифораки, отправляет 8 апреля пространное защитительное письмо Филиппеусу, в котором, между прочим, пишет:

«О, как жаль, что я не могу печатать бумаг и остаться заграницею на более продолжительное время. Мне бы наверно среди их посчастливилось. А я ведь, еще будучи в Петербурге, писал мое мнение, что на Нечаевской истории они не остановятся, и, к несчастью, я должен в этом еще более убедиться здесь на месте. Примеры Блюммера и Хотинского [2]) меня не пугают, ибо приемы, которым они следовали, были преждевременно крайние; они в то время, когда эмиграция их еще изучала, вздумали итти на-ряду с нею — один, имея перед собой человека честных правил, вздумал рассказать ему, как он откроет подписку на свой журнал и надует подписчиков, а другой обратился к самому скрытному и осторожному человеку с нескромными вопросами. Конечно, оба потерпели fiasco! Простите, что я вас занял взглядом на карьеру, которая не будет моим уделом (sic!), ибо если я через неделю, несмотря на все принятые мною меры, не докажу фактически намерения издать мемуары, то и я буду заподозрен, следовательно, уже навсегда скомпрометирован и бесполезен не только здесь, но и вообще заграницею. А между тем, я стою еще раз твердо на том, что издание мемуаров не повредило бы правительству, а принесло бы пользу. Еще есть время. Константин Федорович, быть может, вы, по соглашению с Александром Францевичем Шульцем, признаете возможным и полезным не только для настоящего, но и для будущего одобрить мою мысль;

---

[1]) В цитировавшемся донесении А. Никифораки от 7 апреля 1870 г., в котором Роман останавливается на своих переговорах с Мечниковым и на том, что успел Тхоржевского подобрать к своим рукам, находится и такая фраза: «на случай, если бы вам угодно было переговорить со мною лично, я буду сегодня, т.-е. в четверг, в час дня прогуливаться по набережной озера, где стоят извозчики, против вашего балкона. Итти в гостиницу я боюсь. Я буду вас ждать, если вы признаете это нужным».

[2]) Блюммер, Леонид, издатель нелегального журнала «Свободное Слово» и «Европеец» и сотрудник первых номеров «Листка, изд. Петром Долгоруковым», был в 1864 г. заподозрен в сношениях с III Отделением. Его разоблачал сам князь Долгоруков в своем «Листке», но вопрос о том, действительно ли Блюммер был агентом III Отделения, остался открытым. О нем см. «Листок, изд. князем Петром Долгоруковым», за 1864 г., № 19 и XVI т. полного собр. соч. А. Герцена, под ред. М. К. Лемке, стр. 115—121.

Хотинский, Матвей — изобличенный А. Герценом агент III Отделения. О его визите А. Герцену см. воспоминания Н. А. Огаревой-Тучковой, стр. 180 — 181 и XVI т. соч. Герцена, стр. 279 и 305 — 306. То обстоятельство, что Роман знал тайны III Отделения и не стал бы выдумывать исторических фактов в письмах к Филиппеусу, убеждают в том, что Блюммер, как и Хотинский, были прикосновенны к агентуре Отделения.

но в таком случае дайте знать по телеграфу, начинать ли печатание в ожидании письменных инструкций. Долее мне уворачиваться от печатания невозможно. Я обещал вертеться две недели, а сделаю больше—я извернусь еще лишнюю неделю. Даже еще долее, я сделался бы сотрудником «Колокола». Меня Огарев просил написать что-либо о состоянии армии.

«Если все мои усилия и были до сих пор напрасны, то тем не менее А. Н. Никифораки видел мое старание и усердие и сам изволил мне сегодня сказать, что он мною очень доволен».

Вряд ли последнее послание Романа возымело бы действие. Оно, в сущности, ничего не прибавило к его прежним сообщениям. Во всяком случае, телеграфного ответа в желательном ему смысле он не дождался.

Приближалась роковая для него минута. Все надежды, казалось, будут разбиты. Миссия его близилась к концу. Целей он не достиг: Нечаева не поймал, и, следовательно, для него лично грядет беспросветное будущее. Удрученный печальным исходом своего начинания, Роман просится в отпуск на отдых и для лечения. Просьба удовлетворяется. После трудов праведных он собирается поехать во Францию, в Рубе.

Но на ловца и зверь бежит. Роман гнался за счастьем, и счастье поджидало его. В начале апреля в Женеву приехал Бакунин, тогда еще не порвавший с Нечаевым. Почти накануне своего вынужденного отъезда Роман знакомится с ним у Огарева. И уже на следующий день, «для разъяснения представленных женевской полицией обстоятельств относительно пребывания Нечаева на одной с Бакуниным квартире», он отправился к последнему «засвидетельствовать свое почтение». Не приходится сомневаться в том, что Роман познакомился в этот день с Бакуниным. Он находился в данном случае под контролем и женевской полиции, и А. Н. Никифораки. Бакунин, действительно, находился тогда в Женеве и, как убедимся несколько ниже (в главе «Издатель Постников и М. А. Бакунин»), в это приблизительно время был уже знаком с Романом. О состоявшемся знакомстве и визите к Бакунину он торжественно, на сей раз в официальном тоне, рапортовал А. Н. Никифораки 12 апреля.

Это чрезвычайное обстоятельство, с одной стороны, подбодрило Романа и, с другой, по получении о том известия в Петербурге, должно было, понятно, способствовать тому, чтобы отношение к нему со стороны шефа жандармов П. А. Шувалова и К. Ф. Филиппеуса приняло благоприятный оборот. Тхоржев-

скому был противоставлен Бакунин. Отныне в деятельности Романа наступает новый период.

Через несколько дней после встречи с Бакуниным Роман уезжает в Рубе. Сознавая, что знакомство с таким эмигрантом, который сам по себе представляет для III Отделения огромную революционную единицу, должно резко повлиять на Шувалова и Филиппеуса, приободрившийся Роман не медлит напомнить им о своих планах и перед отъездом посылает в Петербург новый проект предстоящей ему работы. Вот что он, между прочим, писал:

«Как бы практично ни было слово, но оно иногда может вызвать личное неудовольствие против того, кто решился им говорить. Перед подобною аксиомою агенту, искренне любящему свое дело, отступать не следует. Для меня настала серьезная минута говорить этим словом — быть может, пройдут года, и вы тогда лишь скажете, что я смотрел на дело верно; но, тем не менее, все, здесь сказанное, я смело могу повторить графу Петру Андреевичу Шувалову или нашему генералу [Н. В. Мезенцеву].

«Вдаваться в теории по всему пройденному пути розысков Нечаева совершенно бесполезно. Я буду говорить с настоящей минуты, когда вы очутились лицом к лицу с администрациею правительства, не только не выдающего убийц, но, напротив, как надо заключать, их ограждающей.

«Официальному заявлению женевской полиции я мог противоставить лишь те заключения, до которых дошел путем разговоров с Бакуниным и Огаревым, личным моим убеждением и нахождением в квартире Бакунина. Заключения эти были не в пользу того, что говорила полиция, и с той минуты мысль эта не давала мне покоя, несмотря на повторенные заверения администрации, которым следовало верить, иначе само дело было бы немыслимо. Полиция, желая раз навсегда отделаться, решилась на наглый обман. Прошу вспомнить ту свободу, с которою Огарев давал мне адрес Бакунина и, имея благовидный предлог отклонить меня от посещения Бакунина, не сделал этого. Следовательно, если бы Огарев опасался, что я могу там встретить Нечаева, то не поступил бы так, ибо он все-таки не должен был еще до такой степени довериться человеку, только что вошедшему в круг эмиграции, особенно теперь. По заверению полиции, Нечаев жил на одной с Бакуниным квартире. В одной с Бакуниным комнате он жить не мог — обстановка меня в том убедила; следовательно, он должен был жить в другой комнате. Бакунин же платит за комнату без обеда, с завтраком, 4 фр. в день, понедельно вперед. Такую цену едва ли Нечаев дать может [1]). Поли-

[1]) Есть пансионы по 80 фр. с обедом. Прим. Романа.

ция заверяла, что окна выходят на улицу — это неправда: они выходят во двор.

«На основании уже теперь видимо сказавшегося противодействия здесь администрации, я продолжаю пребывать в убеждении, что все ваши энергические меры были напрасны, не оспаривая, что теперь дело еще не потеряно, но уже другим путем. Я с любовью к делу дозволил себе изучать все ваши распоряжения и если бы мог к ним что-либо добавить из того, чему 8-летняя практика меня научила, то, не умаляя моего дисциплинарного отношения, я обязан был, я должен был это сделать. Мне сделать этого не пришлось, ибо я видел, как вы исчерпали все, решительно все средства для самого удачного разрешения вопроса, но энергические усилия ваши были парализованы изменою или обманом, а этим путем самые великие полководцы проигрывали сражения.

«Задаваясь вопросом, какую роль играет Нечаев, я смело отвечу, что для народа русского — ровно никакой, но тем не менее правительство не может его оставить и должно в будущем, по крайней мере, знать шаг за шагом, где он и что делает.

«Ни на какую резкую выходку он теперь не решится; это я положительно могу заключить из разговора с Бакуниным; следовательно, путешествие нашего возлюбленного монарха к заграничным водам совершенно, в этом отношении, вне всякой опасности. Я готов положить за это свою голову. Бакунина убеждение, что покушение на жизнь одного государя может нанести только вред делу, а если необходимость укажет на истребление, то надобно истребить всех разом. Мнение же Бакунина есть мнение всех крайних конспираторов. Благоволите довести об этом до сведения графа Петра Андреевича, как о факте.

«Испытанные, таким образом, до дна способы поимки Нечаева доказали невозможность достигнуть этого таким путем. Надобно приняться за другой, более продолжительный, но зато, по-моему, и более верный. Конспиративный вопрос, во главе которого стоит Бакунин, тесно связан с бытием Нечаева. По моему мнению, теперь настает время, когда надобно иметь ближайшие сведения о действиях конспирации. Если найти эту возможность, то и Нечаев должен всплыть наружу. Что конспираторы не остановятся на неудавшейся попытке сделать начало при пособии Нечаева — о чем я говорил и писал еще в Петербурге — это доказывается памфлетами, возобновлением «Колокола», а главное, собственным признанием Бакунина и Огарева.

«Первый, прощаясь со мною, просил меня почаще приходить к нему на дачу [1]), чтобы подумать о том, как повалить столб

[1]) Сегодня Бакунин говорил, что вернется через месяц.

Самсона. Кроме того, сегодня Бакунин, в разговоре, просил меня быть осторожным и не терять права приезда в Россию, и что конспираторы разделяются на две части: 1) собственно заговорщиков — действия и 2) лиц, содействующих заговорщикам словом и делом. Способ, о котором я выше упомянул, заключается в связях с Бакуниным, Огаревым и Чернецким и в принадлежности ко 2-й категории лиц.

«Если бы часть этой трудной задачи пала на меня, то я взялся бы ее выполнить, но самая возможность и ответственность за удачное ее выполнение обязывает меня отнестись к ней со строгостью и уважением, а потому я обязываюсь изложить здесь честно и свято те условия, только при которых я могу перед лицом графа Петра Андреевича выполнить задачу».

Не станем перечислять все четырнадцать условий, предъявленных Романом. Отметим только, что одним из них является непременное разрешение издания за счет Отделения некоторых бумаг князя Долгорукова.

Пока Роман отдыхал в Рубе, в Петербурге обсуждался его новый проект. Мы не знаем в точности, какие из предъявленных им условий были приняты и какие отвергнуты. Сохранился только следующий черновик всеподданнейшего доклада, с пометкой 26 апреля (ст. ст.):

«Удачно совершонная покупка документов, оставшихся после покойного Петра Долгорукова, положила начало близким отношениям одного из наших агентов с несколькими из главных лиц русской эмиграции, как то: с Герценом, ныне умершим, и с Огаревым. Эти сношения могут современем принести большую пользу, и их следует поддерживать, тем более, что отправленный вновь заграницу для содействия к розысканию Нечаева тот же агент уже успел, через Тхоржевского и Огарева, познакомиться и сблизиться с Бакуниным и с редактором возобновленной газеты «Колокол» — Чернецким. Но, купив вышеупомянутые документы под предлогом желания их издать, наш агент возбудил бы подозрение столь мнительных выходцев, если бы он слишком долго медлил приступлением к печатанию хотя бы тех из бумаг Долгорукова, которых опубликование не представляет неудобств для правительства.

«По неимению во вверенном мне управлении свободных средств на расходы по изданию части бумаг Петра Долгорукова и на содержание означенного специального агента заграницею в течение года, имею счастие испрашивать согласия вашего императорского величества на истребование из главного казначейства на известное вашему величеству употребление пяти тысяч семисот рублей».

На подлинном, недатированном программном письме Романа есть пометка Филиппеуса от 7 мая 1870 г.: «ответ в смысле данных мне словесных инструкций послан с приложением векселя на 1.800 франков». Надо заметить, что во время обсуждения в Петербурге проекта Романа случилась история с арестом Семена Серебренникова. Инцидент этот, при всей беззастенчивости и русской жандармерии и швейцарской полиции, неприятно действовал на Шувалова - Филиппеуса и, конечно, был принят во внимание при разрешении вопроса о дальнейшей судьбе Романа. Для последнего это был плюс: в III Отделении разуверились в возможности настигнуть Нечаева путем филерского наблюдения.

Известие о последовавшем со стороны III Отделения согласии на издание бумаг Долгорукова и вообще о возобновлении прежней командировки Романа в Женеву последний получил на обратном пути из Рубе в середине мая 1870 г. Отправившись немедленно, радостный, в Женеву, Роман при содействии Мечникова и Чернецкого приступил к фактическому изданию второго тома «мемуаров». Он оказывался правым, когда писал, например, следующее: «будьте теперь совершенно спокойны, я в отношении Бакунина и Огарева так хорошо стою, что мне нужно пустить только в печать что-либо из долгоруковских бумаг, чтобы ни Огарев, ни Бакунин, ни кто-либо другой — впоследствии не имели никакого повода меня в чем-либо подозревать, и чтобы не сделаться предметом болтовни других. Этим же я успокою Тхоржевского и Чернецкого, которых не может не занимать вопрос, буду ли я печатать, или нет» [1]). Процедурой печатания бумаг Роман, действительно, втерся в доверие к Огареву и Бакунину. Но о том, как Роман использовал это доверие, и обо всех приключениях, сопутствовавших его по пути печатания, речь в следующих главах.

В дальнейшем «издатель» не встречал со стороны III Отделения никаких преград, а, наоборот, довольные его реальной дружбой с Бакуниным, Шувалов и Филиппеус всячески его поддерживали. Том печатался в продолжение всех последующих месяцев 1870 г. Роман убедил Шувалова отказаться от мысли выпускать материалы отдельными выпусками и настоял на выпуске целого тома.

29 декабря 1870 г. он писал из Женевы Филиппеусу: «Наконец, типография успела довести до конца мое издание и сдать его книгопродавцу Жоржу, по условию со мною и по обычаю, на комиссию, с уступкою 25%, хотя это стоило не малого труда, ибо Жорж находился в ссоре со всею русскою эмиграциею и прекратил с нею все дела. Другие же книгопродавцы незначительны

[1]) Донесение от 9 июня 1870 г. н. с.

и не берут — говорят, что русских и печатанных здесь о России изданий никто не спрашивает. Сам Жорж говорил мне, что даже мемуары Герцена [1]), взятые им тоже на комиссию, совершенно почти не продаются — доказательство, что жар к чтению русской пропаганды остыл. На мое же издание Жорж несколько более надеется, ибо публика надеется встретить в нем придворные секреты».

В тот же день он отправил два экземпляра книги в Петербург для П. А. Шувалова, при особом сопроводительном письме; 24 декабря (ст. ст.) шефу жандармов экземпляры были вручены с письмом Романа:

«Ваше сиятельство, милостивый государь граф Петр Андреевич:

«Приемлю на себя смелость представить вашему сиятельству изданные мною мемуары Долгорукова. Я почитал бы себя счастливым, если бы издательский труд мой, выходящий из ряда обыкновенного труда, был удостоен хотя небольшого внимания вашего сиятельства.

«Если бы я имел право смотреть на это издание, как на обыкновенное литературное явление, то, конечно, был бы счастлив дозволением посвятить его вашему сиятельству (!). Я утешаюсь мыслью, что лишение этого дозволения я искупаю дорогою ценою, ценою — интересов моей родины (!), которые близки моему сердцу и всегда связаны с святым обожанием моего возлюбленного монарха. Обожание это есть принцип моего служения.

«Несмотря на самое искреннее желание мое, я не берусь судить, насколько я исполнил свою задачу и поставил ее вне всякого гнева вашего сиятельства, — знаю только, что задача была нелегкая, и что я трудился много и искренне. Сознание это ведет меня к сладкой надежде, что ваше сиятельство, прочтя с присущею вам всегда снисходительною справедливостью отправленный вместе с сим труд мой, удостоите, быть может, издателя какою-либо милостью, чем удвоите, утроите, граф, мои силы в беспрекословном исполнении всегда и везде малейшего желания вашего сиятельства.

«Я почитаю себя счастливым уже потому, что могу воспользоваться сим единственным для меня случаем, чтобы выразить вашему сиятельству чувства высокого моего почитания и неизменной преданности, с коими имею честь быть навсегда преданнейший и покорнейший слуга вашего сиятельства А. Роман. Женева».

---

[1]) «Сборник посмертных статей А. И. Герцена», изд. детей покойного, Женева, 1870 г.

Такова история издания второго тома «мемуаров» П. В. Долгорукова, появившегося в 1871 г. в Париже на французском языке под заглавием: «Mémoires de feu le prince Pierre Dolgoroukow, Tome II. Bâle et Génève. 1871» (стр. 121).

На содержании тома останавливаться не приходится. Ясно, что издание III Отделения свободно от каких-либо компрометирующих императорский дом материалов. Все его содержание посвящено времени царствования Екатерины II.

«Мемуары» князя П. В. Долгорукова не мемуары в обычном смысле слова, а материалы из архива Долгорукова, любовно и старательно собиравшиеся их собственником. Выше указывалось, что III Отделение было, главным образом, как это нам представляется, заинтересовано в получении автобиографических записок князя, о которых последний упоминал в письме к гр. Киселеву. Получило ли III Отделение эти записки — неизвестно. Первый том «мемуаров» появился при жизни Долгорукова в 1867 г. в Женеве. («Mémoires du prince Pierre Dolgoroukow», Tome Premier, стр. 522.) Содержание этого тома — сказания или, точнее, записки князя Долгорукова по истории России, преимущественно придворных и близких ко двору дворянских сфер XVIII века. В основу их автором положен архивный материал. В этом отношении второй том заметно разнится от первого. Во втором томе опубликованы записки других лиц и документы в виде сырого материала. Понятно, что при выборе документов из доставшейся ему части Долгоруковского архива III Отделение руководствовалось определенными принципами . . . Не в интересах этого учреждения и не его целью было обогащать историческую литературу новыми материалами, а сама техническая сторона издания исчерпывала все его задания, сводившиеся к одному — иметь повод ближе сойтись с женевской эмигрантской колонией, ради Нечаева.

ГЛАВА VIII.

«Издатель Постников» и Н. П. Огарев.

«Огарева и Бакунина я считаю покончившими свою карьеру», — выразился как-то Роман в одном из своих самых первых донесений, когда, после известного февральского своего доклада, отправился в Женеву искать Нечаева [1]). Немного позже [2]) он писал: «что же касается до Бакунина и Огарева, то я пришел, думаю, не к безошибочному заключению, что при теперешнем наэлектризованном состоянии первый ничего не

[1]) Донесение от 27 марта 1870 г. н. с.
[2]) Тоже от 7 апреля 1870 г. н. с.

скажет [1]), а, напротив, будет рад придраться к нескромному вопросу, чтобы еще более марать и нападать на правительство. Огарев же едва ли хорошо знает о пребывании Нечаева, да и можно ли надеяться на человека запившего и забывающегося». Он был прав в обоих случаях. Бакунин располагает нужными сведениями, но осторожности ради не поделится ими с Романом. Так и случилось. Когда коснемся взаимных отношений Бакунина и Романа, мы увидим, что ни единого конкретного слова относительно Нечаева он не мог добиться у первого. Не менее правильна была и его точка зрения на Огарева. Тот, действительно, «едва ли хорошо знал о пребывании Нечаева», так как сам не был с Нечаевым в таких отношениях, как Бакунин. Не вызывает особенных возражений и то, что Огарев — человек, «покончивший свою карьеру». Да, Огарев тогда был почти весь в прошлом. Немногие последующие годы его жизни только подтверждают это.

Роман, как мы знаем, был знаком с Огаревым с лета 1869 г., когда вел переговоры с Тхоржевским и Герценом об архиве князя Долгорукова. Устроившись снова в Женеве, он в обществе Тхоржевского, Чернецкого и Мечникова не мог не встретиться с Огаревым. И, естественно, раз «издатель Постников» не вызывал никаких подозрений, а, наоборот, был в меру предупредителен к тем, кому «искренно сочувствует», то был принят в семью эмигрантов, как свой человек.

До знакомства Романа с Бакуниным приятельское отношение Огарева к Роману не влекло за собою ничего особенного. Разговоры велись не очень интимные, но давали только Роману возможность информировать о настроениях, мнениях, несогласиях в кругу женевской эмиграции. Филиппеус и Шувалов внимательно перечитывали его донесения, но никаких практических выводов делать отсюда не могли. Донесения за этот период в части, касающейся Огарева, не лишены интереса. Они сообщают кое-какие мелкие факты, наглядно выясняют характер внешне беспритязательной дружбы Романа и Огарева и, наконец, показывают, как «издатель Постников» совершенно осторожно и, надо отдать ему справедливость, умело добрался до самого главного — до Бакунина. Остановимся на некоторых из этих донесений, заслуживающих наибольшего внимания.

По прибытии в Женеву, он побывал у Огарева в первый раз 26 марта 1870 г. (н. с.). «Я вчера был уже у Огарева [2]), по его собственному желанию, переданному мне Тхоржевским. Я побыл у него недолго, ибо он все еще болен. Он принял меня очень

---

[1]) Речь идет о том, чтобы осторожно попытаться спросить у Бакунина о местонахождении Нечаева. *Р. К.*

[2]) Донесение от 27 марта 1870 г. н. с.

хорошо, несмотря на мое опасение [1]) . . . Разговор мой с Огаревым был ничего не значащий, касавшийся предпринятого издания. . . . Мне показалось, что Огарев разлагается быстро не только физически, но и умственно и морально, что подтвердил мне Тхоржевский. На него смерть Герцена сильно подействовала, и теперь подействует еще хуже, хотя и не решенный окончательно, переезд Тхоржевского, который был почти его нянькою».

При этом свидании, «у Огарева я застал m-me Герцен, которая вспомнила меня, просила навестить ее и обещала подарить портрет мужа, снятый с него, когда он умер . . . M-me Герцен напечатает здесь оставленные мужем записки-мемуары. Опять новая социальная пропаганда,—и я убежден, что будет сильнее и лучше (т.-е. хуже для нас) памфлетов Бакунина и Огарева». По поводу подаренного ему Натальей Алексеевной Герцен портрета покойного своего мужа (если только верить Роману), он впоследствии жаловался Филиппеусу: «по моему мнению, Ант. Ник. (Никифораки) поступил неосторожно, отдав ему (другому агенту, А. Бутковскому) портрет, подаренный мне m-me Герцен [2]).

Памфлеты Бакунина и Огарева, о которых Роман упоминает — брошюры: М. Бакунина — «К офицерам русской армии» (Женева, 1870 г., стр. 39) и Н. Огарева — «В память людям 14 декабря 1825 г.» (стр. 22). Относительно второй из названных брошюр Роман в том же письме, со слов Тхоржевского, сообщает: «ему (Тхоржевскому) очень досадно, что Николай Платонович (Огарев) дал себя опутать Бакунину до того, что принимает участие в его памфлетах до такой степени, что подписал свою фамилию под брошюрою Бакунина «В память людям 14 декабря». M-me Герцен очень недовольна за это на Огарева, а еще более на Бакунина, и советует первому разойтись с ним. Он наполовину обещает, но, конечно, это напрасно, ибо на другой день забывает».

Очередная встреча между Огаревым и Романом произошла 31 марта 1870 г. (н. с.) [3]). «Вчера, согласно приглашению Огарева, я был у него часа полтора. Он был один. Глаз и боль нерва в голове, как он говорит, лишают снова его возможности выходить. В том положении, в котором он находится теперь, я начинаю терять надежду узнать от него что-либо о Нечаеве. Он решительно полупомешанный, и только тогда в нем ничего нельзя заметить, когда молчит. Кроме того, он находится в каком-то желчном, раздраженном настроении. Всех и все ругает. M-me Герцен, Тхоржевского (ниже увидите, за что) и даже Чернецкого,—

---

[1]) Об причинах опасения см. в предыдущей главе (стр. 60—61).

[2]) Донесение от 3 июня 1870 г. н. с. — А. Бутковский соперничал с Романом на поприще поисков Нечаева. Это был один из самых беспардонных агентов и пьяница.

[3]) Донесение от 1 апреля н. с.

за то, что «Колокол» не выйдет завтра; вечером же при свидании у Чернецкого объяснилось, что номер именно не может выйти потому, что Огарев не прислал обещанной статьи, не говоря уже о том, что деньги за печать и бумагу не отданы. Огарев сначала просил у m-me Герцен, а когда эта отказала, то потом у Тхоржевского, взаймы 1.500 фр. Этот последний тоже не дал, потому что знал, что деньги попадут в карман Бакунина. Тогда Огарев на обоих рассердился, недели две почти не говорил с Тхоржевским, но потом забыл, а теперь, когда вспомнил, то снова бранит...

«Разговор коснулся даже прокламаций, и он твердо уверен, что они привились, и что теперь надобно только подготовить войско и Польшу. Мысли его по поводу этого так сбивчивы, так разноречивы, что нет решительно возможности сделать какое-либо заключение. Распространителя прокламаций — Нечаева — он даже не упоминал, как будто тот при этом не играл ровно никакой роли; а потому и я на этот раз еще удержался от нескромного любопытства.

«Если я ничего положительного не мог узнать еще о Нечаеве, то я думаю, что проник намерение этих революционеров *действовать теперь на войско, при пособии помещиков, управляющих имениями, заводчиков тех деревень, где расположены войска* (курсив Романа).

«Огарев раз несколько, выходя из задумчивости, спрашивал меня о современном состоянии войска. При моих рассказах, он часто вставал с дивана и карандашом делал какие-то заметки, вероятно, чтобы не забыть. Когда же я ему начал говорить о гвардии, то он мне сказал: «нет, оставьте эту холопскую гниль, нам нужна армия, войско».

Через несколько дней Огарев является к Роману с ответным визитом. Подробный отчет о визите находим в его письме к А. Н. Никифораки от 4 апреля 1870 г. (н. с.):

«Вчера вечером, часов около 8, когда Тхоржевский был у меня, к немалому удивлению моему, приехал ко мне Огарев, с подвязанным глазом и с трудом передвигая ногами. Он сказал, что, почувствовав себя гораздо лучше, он выехал немного подышать воздухом и заехал ко мне на стакан чаю.

«Разговаривали о Герцене, «Колоколе», о русской литературе вообще, и о журналистике в особенности, о редакторе «Военного Сборника» Менькове, о женевских журналах и т. д., Огарев интересовался особенно военным органом; даже изъявил намерение его выписать. Менькова же называет «немецким Дунаем». Суждения Огарева были вчера менее отрывисты, но в то же время он часто повторял одно и то же, так что по всему видно, что голова его вовсе не свежа. Главное, на чем я позволю себе

остановить ваше внимание, это то, что пребывание ваше здесь ему известно. Он называет вас гвардейским полковником Никифоровым, приехавшим арестовать Нечаева. Вышло это по поводу продолжения передовых статей в «Journal de Génève», лежавшем у меня на столе. Огарев рассказал, что когда в этой газете было напечатано письмо Нечаева, то г. Гирс [1] поехал к Камперио [2] и просил его воспретить печатание подобных писем; но сей последний отказался исполнить это требование посланника. Далее, Гирс стал искать Нечаева, но видно пришлось не под силу, и ему в помощь приехал какой-то гвардейский полковник Никифоров. При этом он меня спросил, что когда я был еще в Петербурге, то не встречал ли я или слыхал ли я что-либо об этом Никифорове. Разумеется, я отвечал, что нет. В течение разговора Огарев высказался, что: 1) все, что женевская полиция бы сделала, это то, что выслали бы Нечаева из своего кантона, что не мешало бы ему проживать, если нужно, в другом кантоне, но самое смешное это то, что у них уверенность, что Нечаев должен быть в Швейцарии, и 2) что Гирс здешним администраторам до того надоел, что они не знают, как избавиться от его докучливости.

«Раз поведенный разговор на эту тему дал мне возможность обратиться к нему с весьма натуральным, к случаю, вопросом сперва, что за личность Нечаев, а потом, — где он обретается? На первый вопрос Огарев, улыбаясь, отвечал, что Нечаев — самая обыкновенная личность, умевшая заставить молчать доносчика, как и всякий сумел бы из чувства самосохранения. Второй вопрос мой, быть может, это так мне только показалось, Огарев как будто хотел обойти молчанием, но, тем не менее, отвечал, что он и сам этого определить не может, но, во всяком случае, Нечаев вне опасности попасть в руки Гирсов или Никифоровых. В 9 часов Огарев уехал».

11 апреля (н. с.) при посредстве Огарева Роман знакомится с Бакуниным. Он знал, что тот находится в Женеве. Сохранилась его записка к Никифораки от 4 апреля (н. с.), такого содержания:

«Если судьбе не угодно было до сих пор увенчать положительным успехом все мои усилия, все мои тревоги, то по крайней мере думаю, что пригодился вам в деле правды. Вас сильно вводят в заблуждение.

«Сегодня в 6 часов, возвращаясь с Тхоржевским по Route de Carouge, мы встретили Бакунина с Бонаком, направлявшихся,

[1]) Ник. Павл. Гирс — чрезвычайный посланник при Швейцарском федеральном правительстве.

[2]) Камперио — директор местного департамента юстиции и полиции в Швейцарии.

вероятно, к Огареву. Хотя я очень хорошо знаю Бакунина в лицо, но мне могут сказать, что я ошибся, но такая ошибка была бы уже равносильна неумению отличить день от ночи, но на мое счастие Тхоржевский с ними раскланялся и сказал мне, кто эти господа. А между тем вам сообщили сегодня из Лугано, что Бакунин там».

Обстоятельства, при которых Роман познакомился с Бакуниным, изложены им в следующем рапорте к Никифораки, представленном последнему 12 апреля (н. с.):

«Имею честь доложить вашему высокоблагородию, что вчера я познакомился у Огарева с Бакуниным и для разъяснения представленных женевскою полициею обстоятельств относительно пребывания Нечаева на одной с Бакуниным квартире я отправился сегодня утром к сему последнему «засвидетельствовать свое почтение». Он не был предупрежден о моем приходе — мало того, даже двери его комнаты были растворены. Не смею отвергать показания местной полиции, но вот сущая правда того, что я видел.

«Бакунин живет Route Carouge, в доме № 17, где занимает одну маленькую комнату в пансионе Дюпор (полиция, кажется, назвала иначе). Комната Бакунина не имеет никакой связи с прочими комнатами пансиона. Я просидел у него целый час, и в течение этого времени к нему никто не приходил. Уезжает он, как говорит, не завтра, а в воскресенье, возвратится через 10 дней и поселится в одной из дач около Route Carouge. О Нечаеве и помину не было; а между тем я не могу отказаться от мысли, что мог бы снискать со временем и его доверие.

«В 3-м номере «Колокола» будет помещена статья, говорящая отчасти хорошо о братьях Милютиных. Бакунин просит меня написать возражение на эту статью, озаглавив ее «Письмо путешествующего русского офицера из Лейпцига», при чем он сам начертал мне план возражения (какое плутовство!!!) [1]).

«Заверял меня положительно, что «кружки» в русской армии уже завязались, что кровопролития они и сами не хотят, а если печатают об этом, то надеются устрашить монархию и подвинуть ее на первый шаг уступки, —что во всяком случае дело не легкое и не близкое, ибо приходится вербовать людей поодиночке.

«Еще, по-моему, одно немаловажное обстоятельство: когда Огарев дал мне адрес Бакунина, то я у него несколько раз спросил нарочно, не помешаю ли я Михаилу Александровичу? На что Огарев отвечал, что «ни сколько». Следовательно, если бы он

---

[1]) Ни в 3-м номере «Колокола» и ни в последующих такой статьи нет. *Р. К.*

опасался, что я могу там встретить Нечаева, то он имел удобный предлог отсоветовать мне итти к Бакунину.

«Я этим не удовольствовался, но пошел в типографию Чернецкого, но и там ничего не видел.

«Обедаем сегодня с Бакуниным и Огаревым в 5 часов.

«Извините, что пишу дурно, но я совершенно болен. Дай бог силы работать дальше.

«В 10 час. вечера буду у вас. А. Р.».

Знакомство с Бакуниным, как мы уже говорили, оказало решающее влияние на всю последующую деятельность Романа.

Будучи в Рубе, он 2 мая 1870 г. (н. с.) получил небольшое письмо от Огарева, датированное 28 апреля (н. с.), и № 4 «Колокола» [1]. По приезде своем в начале августа 1870 г. в Петербург, он представил письмо, как оправдательный документ, в подлиннике, с которого мы его и приводим:

«28 апрѣля.

«Разумѣется, присылайте статьи поскорѣе; только адресуйте не мнѣ, а въ Редакцію (Прс. Левенъ, 40). — 4-й № сегодня же вамъ вышлю. — Мишель [2]) уѣхалъ и извѣстій от него до сихъ поръ нѣтъ — так что это даже меня тревожитъ.

«Крѣпко жму вамъ руку

«Преданный вамъ Ага».

Когда 2-го мая (н. с.) он сообщал копию этого письма Филиппеусу, то снабдил его таким примечанием: «Из этого можете заключить, что я праздным не оставался и во время болезни. На случай, если бы последовало приказание действовать далее (это было до получения известия об исходе петербургских совещаний. *Р. К.*), я не буду у эмиграции в подозрении».

Роман, надо признаться, нисколько не преувеличивал того, что было в действительности.

Когда он, спустя месяц, вернулся из Рубе, пред ним стояла уже новая задача — сблизиться с Бакуниным, как лицом, в свою очередь, наиболее близким к Нечаеву. (В то время, май — июнь 1870 г., повторяем, Бакунин еще не разрывал сношений с Нечаевым; это произошло только в июле.)

Едва только Роман, осведомленный уже о характере предстоящей ему работы, добрался до Женевы, он тотчас же побывал у «преданного» ему Огарева:

---

[1]) Донесение из Рубе от 2 мая 1870 г. н. с., в котором письмо приведено в копии.

[2]) Бакунин. *Р. К.*

«Был сегодня [1]) у Огарева. Отношения его ко мне нисколько не изменились. Рассказывал он мне о подлости женевской полиции, наводнившей его квартиру для арестования Серебренникова, принятого за Нечаева, и ругает очень швейцарское правительство и говорит, что после этого нет другого средства, как переехать жить в Лондон.

«Показывал мне копию письма, написанного им по сему поводу к здешнему президенту Камперио. Это есть резкий протест против женевской полиции, которая основала свои действия на показании шпиона, какого-то немца, игравшего будто бы с Нечаевым на биллиарде. Письмо это заканчивается словами: «Que faut-il faire dans notre position?». Получив это письмо, Камперио приходил к Огареву, успокаивал его, прося не придавать важности происшедшей ошибке, но Огарев не хочет отстать и, конечно под влиянием Бакунина, затевает процесс и просил меня очень настойчиво пожертвовать что-либо на ведение процесса, — я ему не мог отказать и подписал 50 фр., хотя уговаривал его взвесить хорошо, будет ли от сего польза, и можем ли мы что-либо этим выиграть? По-моему, — сказал я, — лучше бы собрать сумму для поддержания теперь безопасности Нечаева.

«Не беспокойтесь, Константин Федорович [Филиппеус], я узнал, в какой момент сказать эту фразу . . .

«Я питаю надежду, что 50 фр. для меня значительный расход, но для правительства — такая незначительная сумма, что вы, быть может, будете так добры ее мне возвратить, хотя я не позволю себе на этом настаивать» . . .

Нуждаясь в Бакунине, Роман учащает свои встречи с Огаревым, а «клад» Тхоржевский тем временем уходит на задний план.

28 мая н. с. Роман опять посетил Огарева и вручил ему 50 фр. на ведение процесса Серебренникова [2]). Огарев познакомил его с Серебренниковым, «молодым, лет 24-х, блондином, нисколько не напоминающим Нечаева. Он повторил мне, — пишет Роман [3]), — всю историю своего арестования и содержания в тюрьме, добавив, что хотя он вовсе не имел на то желания, но теперь поневоле должен сделаться эмигрантом» [4]).

В течение всего июня месяца Роман то и дело докладывает о своих разговорах с Огаревым, подчеркивает устанавливающуюся между ними тесную дружбу, в результате которой в начале

[1]) Донесение от 27 мая 1870 г. н. с.

[2]) Не о поступлении ли этих правительственных 50 фр., полученных от «№ 157», объявлено в № 5 «Народного Дела» за 1870 г.?

[3]) Донесение от 28 мая 1870 г. н. с.

[4]) Воспоминания С. Серебренникова о его аресте напечатаны в №№ 4—5 «Народного Дела» (Женева, 1870 г.).

июля Огарев обратился к Роману с просьбой ссудить ему 200 фр. «Человеку, находящемуся в подобной мне роли, ему отказать нельзя было, и я дал ему просимую сумму», — поясняет Роман [1]).

В дальнейшем дружба Огарева и «издателя Постникова» тесно переплетается с именем Бакунина.

ГЛАВА IX.

«Издатель Постников» и М. А. Бакунин.

До апреля месяца 1870 г., т.-е. до знакомства с Бакуниным, Роман не имел оснований более подробно «освещать» деятельность М. А. Наоборот, обстоятельства вынуждали его отнекиваться от Бакунина, упоминать о нем, как о никчемном человеке, маловажном для его «дела» эмигранте. Надо отметить, что Роман сознательно избегал сообщений явно фантастических сведений. Не будучи лично знаком с Бакуниным, он, разумеется, никогда не выдавал себя за лицо, держащее Бакунина в своих руках. Мы имели уже случай привести отзыв Романа о Бакунине, относящийся к началу пребывания первого в Женеве. К тому времени относится еще одно замечание Романа: «Бакунину жить остается тоже недолго, — водяная у него сильно развилась и бросилась на мозг; он, говорят, сделался, как бешеный зверь, вследствие разлития, вдобавок ко всему, желчи и несостояния удовлетворить физической страсти» [2]).

Стоило только Роману с ним познакомиться, как все подобные отзывы пошли на смарку. Бакунин становится центром его внимания, он сразу становится главным объектом наблюдений «издателя», и на нем именно Роман продолжает строить все свои дальнейшие планы. «Конспиратор второй категории», как называл себя Роман со слов Бакунина, начинает изыскивать случаи и поводы для встречи с Бакуниным.

Только в июле, когда Бакунин снова приезжал в Женеву, Роману удалось с ним встретиться. И, благодаря добрым отношениям к нему Огарева, ему удается поближе познакомиться и побеседовать с Бакуниным.

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению похождений «издателя Постникова», остановимся вскользь на непонятном для нас поведении и Бакунина, и Огарева.

---

[1]) Письмо от 4 июля 1870 г. н. с. Н. П. Огарев жил тогда исключительно на средства семьи покойного Герцена. Вполне возможно, что он нуждался в деньгах. Во всяком случае, отсутствие в донесении Романа фантастического элемента, характеризующего писания большинства агентов, побуждает относиться к его сообщениям с большим, чем к другим, доверием.

[2]) Донесение от 27 марта 1870 г. н. с.

Дело в том, что в «Голосе» Краевского, в номере от 30 мая 1870 г., черным по белому на видном месте была напечатана следующая хроникерская заметка:

«Нам сообщают из вполне достоверного источника, что по смерти эмигранта князя П. Долгорукова бумаги его хранились у г. Тхоржевского, бывшего лондонского книгопродавца. Известно, что князь Долгоруков был собирателем всевозможных записок, автографов, и что архив его состоял из интереснейших документов для изучения истории нашего века. Каждая буква, каждое письмо было у него занумеровано в каталоге, и на каждом было помечено, когда, кем и при каких обстоятельствах было оно получено. Архив этот г. Тхоржевский продал какому-то русскому офицеру за 20.000 франков, но ни он сам, ни кто другой не могут объяснить, кто был этот офицер; между тем, нелишне было бы знать, в чьих именно руках находится этот замечательный архив».

До редакции «Голоса» дошли, видимо, какие-то неопределенные слухи, вызвавшие такую заметку. Иначе или яснее писать о таких слухах нельзя было, конечно, по цензурным обстоятельствам. Не может служить в данном случае отговоркой указание, что оба, Бакунин и Огарев, не читали «Голоса». Есть и в литературе много указаний на то, что в Женеве, в кругу Огарева-Тхоржевского, живо интересовались русской прессой. Во всяком случае, если не у Бакунина, то у Огарева было много близких знакомых, среди которых не могло не быть хоть одного читателя «Голоса». Роману номер газеты был послан в Женеву. «Заметка «Голоса» насчет продажи Тхоржевским бумаг, — писал он (19 июня 1870 г. н. с.),—делает здесь до сих пор мало шума. До сих пор все обходится для меня благополучно, не знаю, что будет дальше». Что было дальше—видно будет ниже. Для нас непонятно, почему заметка не вызвала никаких сомнений у Огарева. Доверие последнего, как и Бакунина, к Роману было прочное. Стоило бы только Огареву настоящим образом допросить «издателя», как тот невольно спутал бы все показания, разоблачая себя.

Он сбился бы, несомненно, на сообщениях биографического свойства. Как-то он в одном из своих донесений сообщал о разговоре своем с Огаревым по поводу редактора «Военного Сборника» Менькова (донесение это цитировалось нами), того самого Менькова, помощником которого Роман состоял в 1859 — 1860 г.г. «Издатель» мог втянуть Огарева в разговор о Менькове, но никогда, конечно, не выдавал бы себя за бывшего помощника редактора «Военного Сборника». Он вел себя очень осторожно. Однажды в Женеву приехал П. Боборыкин, с которым Роман когда-то случайно познакомился в России. Нечего говорить, что наш «издатель», хотя и убежденный в том, что Боборыкин, наверно, его не помнит, все же всячески избегал возможной с ним встречи. Ни о каких, следовательно, действительных фактах

из своей жизни он Огареву не мог рассказать. А на допросе, повторяем, он провалился бы. Заметка «Голоса» не произвела никакого действия,—Огарев продолжал слепо верить в честного «издателя Постникова». Роман неоднократно не без хвастовства рассказывал Филиппеусу об инцидентах, грозивших разоблачением агента. Несколько раз в течение их знакомства Огарев получал анонимные сообщения, что «Постников» — агент III отделения, но никогда не обращал на них должного внимания и во всех случаях прямо рассказывал об этом «Постникову», как об очередных сплетнях.

Неосторожным и слепым доверием Огарева Роман не преминул воспользоваться для «бакунинского» плана.

«Два дня, как Бакунин здесь, — писал он 4 июля 1870 г. (н. с.). Приехав сюда, тотчас зашел ко мне, но не застал меня, потом он еще два раза заходил и все меня не заставал, я пошел к нему и тоже напрасно, наконец сегодня вечером он пришел ко мне и застал дома. Не буду хвастать, но скажу, что я приобрел и его симпатию и доверие,—он очень обрадовался меня видеть, даже поцеловал — просто гадко. Болтали на первых порах за чаем, конечно, не о совсем важных делах, но кончил тем, что звал меня непременно приехать к нему в Локарно, где, как он выразился, он нечто в роде генерал-губернатора. Завтра в 10 час. утра я должен быть у него, чтобы познакомиться с Озеровым, совершенно преданным ему человеком. И это недурно. Вечером идем к Огареву на совет. Приехал сюда Бакунин дней на 10 из Локарно, где он проживал, как я вам доносил. Вообще надобно будет больше держаться Бакунина, — Огарев очень слабеет памятью и умом. Уведомьте меня, ехать ли к Бакунину в Локарно, и будут ли выданы на этот проезд деньги».

Следующее его донесение относится к 6 июля (н. с.):

«Сегодня утром, — сообщал «издатель», — Бакунин прислал ко мне отставного поручика Волынского уланского полка Озерова с запискою следующего содержания: «Посылаю вам моего друга Озерова, — он вас проведет ко мне. Буду ждать вас в $10^1/_2$ час. Ваш М. Бакунин» [1]).

«Познакомившись с Озеровым, мы отправились вместе к Бакунину, где застали Серебренникова и еще какого-то неиз-

[1]) С Озеровым, судя по предыдущему письму, Роман должен был бы познакомиться еще 5 июля, на квартире Бакунина. Почему знакомство состоялось не 5-го, а 6-го июля — неизвестно. Записку Бакунина Роман сообщил в копии в текущем донесении, а подлинник представил спустя пять недель, как «оправдательный документ», в бытность свою в Петербурге. Здесь цитируем ее по подлиннику.

вестного мне молодого человека. Бакунин, вручая Озерову какое-то письмо, сказал ему: «понимаешь, надобно вручить так, чтобы ничего не догадались, а ты там переночуешь». Затем, поговорив еще о каком-то револьвере, Озеров отправился. Когда я шутя заметил Бакунину, что он страшный человек, запасаясь револьвером, то он сказал: «стрелять не буду, а напугать не мешает». По уходе Серебренникова и неизвестного мне молодого человека Бакунин начал прежде всего с того, что снова взял с меня слово, что я к нему приеду в Локарно, и чтобы я во всяком случае перед отъездом зашел к Огареву и повидался с Озеровым, которые, вероятно, попросят доставить ему кое-что. Поговорить они с Огаревым хотели со мною насчет заготовления в России материалов для будущей пропаганды, так как издание «Колокола» теперь, за неимением материалов и средств, прекращается. А заготовить эти материалы я мог бы легко, если бы принял на себя оказать им услугу, отправившись в Россию и собирая эти материалы по их программе. Чтобы не попасть в ловушку, я начал отказываться, Бакунин настаивал, — я снова отказывался, наконец, под предлогом, что, во-первых, не знаю программы, и что, во-вторых, отправляясь так или иначе на все-таки рискованное дело, я должен заграницею устроить свои финансовые дела. Тогда Бакунин, пожав мне руку, сказал, что этого не требуется, конечно, сейчас, а что после свидания моего с ним в Локарно, и что он уверен, что я окажу эту услугу. При этом Бакунин просил меня не строго судить Огарева за его беспамятство, так как он решительно болен, лишнее выпивает и разрушается. То, о чем просил меня Бакунин, была именно та услуга, о которой Огарев хотел со мною поговорить по приезде Бакунина. Мысль принадлежит Бакунину, и он еще прежде писал об этом Огареву. Разговор мой по этому поводу с Огаревым я уже имел честь сообщить вам в одном из моих писем. Бакунин очень жаловался на свое стесненное материальное положение, которое не дозволяло ему жить здесь, и что Огарев более не способен к серьезной работе, а сам он, Бакунин, двигать пропаганду не может. Я ему заметил, что тогда и пропаганда лопнула. Он снова коснулся вопроса поездки в Россию и сказал, что постарается за это время подготовить к работе способных молодых людей, во главе их Жуковского, которого он успел уже отклонить от «Народного Дела». Далее, сбор на пропаганду идет слабо, цареубийство Бакунин решительно отвергает уже потому, «что от теперешнего царя народ более ничего не ожидает хорошего, следовательно, отчасти склонен к восстанию, а от нового государя народ станет надеяться на свое улучшение и поэтому не скоро склонится на сторону революции».

«Бакунин сильно верует в возможность народного восстания; оно ему нужно, так сказать, сейчас, ибо он нуждается в средствах; так точно, как Утин надеется на возможность возникновения в России интернационального общества, если правительство этому бы даже препятствовало. Это главная мысль, проведенная в 4-м номере «Народного Дела», остальное все касается рабочего движения на Западе и переведено из «L'Egalité» и разных женевских афиш. Таким образом, нетрудно проникнуть тайну, что Бакунин, а за ним и враг его Утин, в виду заграничных дел, забывают совершенно о русском, и благодаря им пропаганда падает, а они теряют авторитет. К тому же личная вражда их более всего занимает. Я подстрекнул Бакунина ругнуть Утина, в чем он дал слово, а это хорошо, ибо Утин ругнет его в свою очередь. Пусть дерутся».

Запомним два момента этого разговора: первое — Бакунин ссылается на свою материальную стесненность и второе — Бакунин предлагает «издателю Постникову» отправиться в Россию за материалами для какого-то предполагающегося журнала.

Бакунин тогда, действительно, испытывал острую нужду, так что мог в разговоре с «издателем» упомянуть о ней. Предложение же, чтобы «Постников» поехал в Россию, последовало — что и странно — в то, именно, время, когда Роману очень хотелось поехать в Петербург, и когда он начал предпринимать в этом направлении некоторые шаги. Еще за два дня до этого разговора, 4 июля (н. с.), он в «крайне важном» письме прямо требовал от Филиппеуса экстренного вызова его в Петербург для личного доклада о возмутительных, с точки зрения полицейской конспирации, поступках агента Роте, наблюдавшего, как и Роман, в Женеве за действиями местной эмиграции [1]). Нетрудно догадаться и об истинных причинах желания Романа поехать в Петербург. С мая месяца он не был на родине. С тех пор многое изменилось. Он теперь облечен особым доверием со стороны III отделения, на него возлагают много надежд. Почему не поговорить о повышении жалованья? Он был довольно корректен в тех случаях, когда шла речь о его заработках. Он никогда не требовал чрезмерного, редко вообще заговаривал о себе в смысле своих материальных нужд, опасаясь, что такой разговор оставит неблагоприятное впечатление у его благодетелей. Надо было, таким образом, поездку за деньгами маскировать, придав ей совсем другое значение. Тогда-то, как можно полагать, и разыгрались неприятности с Роте, и Бакунин посылал его за материалами.

Но в то же время у нас нет никаких оснований считать это сообщение исключительно плодом фантазии Романа. Из письма к нему Огарева, приведенного в предыдущей главе, мы знаем,

[1]) О Роте упоминалось выше (стр. 25).

что он для Огарева готовил какие-то статьи, т.-е. был связан с ним не только простым знакомством или косвенно по издательским делам, но находился с ним в известных чисто-литературных отношениях. Предполагая, что разрешения на поездку в Петербург он так или иначе добьется, Роман мог тем или иным способом намекнуть на то, что собирается в Россию. Понятно, что Огарев и Бакунин нашли очень удобным прибегнуть к его услуге и запастись через него материалами для журнала, намечавшегося тогда к изданию при их ближайшем участии.

Тут столько же доводов за Романа, сколько и против.

Перейдем, однако, к следующим его донесениям, касающимся непосредственно знакомства с Бакуниным и Огаревым. 10 июля (н. с.) он писал:

«Сегодня утром заходил ко мне Огарев и Бакунин и заявили, что прекращение «Колокола» ими окончательно решено, но взамен его будут издавать, под обоюдною своею редакциею, новый журнал под заглавием: «Община» или «Русская община» — словом, под одним из этих двух названий. Бакунин прочел мне набросанную им программу этой новой пропаганды. Направление ей дается социально-демократическое, но, тем не менее, с прибавкою революции, без мысли о которой Бакунин жить не может. В проектированной пропаганде он поставил задачею выяснить, как путем революции народ может стать в общинное положение. Государственных форм он не допускает, конечно, ровно никаких. Это будет 1-й отдел. 2-й отдел будет посвящен корреспонденциям и известиям из России, с критическим их разбором. 3-й отдел должен заключать в себе критический разбор статей, печатаемых в русских журналах и газетах. 4-й отдел — обличения. Выходит один раз в месяц. Окончив чтение этой, пока краткой, выписки, Бакунин и Огарев снова приставали, чтобы я им помог по 2-му отделу собиранием разных материалов и известий из России, съездив туда. Я отвечаю все еще нерешительно, ожидая, что, быть может, они выскажут при этом случае что-либо такое, что не худо бы знать. Мало того, они до того торопятся изданием, что просят меня поскорее съездить в Париж для устройства своих дел перед отъездом в Россию.

«Возникновение новой пропаганды, под нашим, так сказать, глазом, следовательно, при благоприятных для нас обстоятельствах, заставляет меня еще более прийти к убеждению, что временный мой вызов в Петербург становится делом крайней важности и необходимости, как для получения инструкции по такому важному делу, так равно и того, как действовать, чтобы разрушить эту пропаганду. Потерпев же это падение, пропаганда едва ли будет в состоянии подняться с пользою. Теперь же выходу ее я воспротивиться не могу. Материальные средства

у них есть на полгода, и если я откажусь от просимой миссии, то сведения они все-таки получат, и не в таком духе, как бы мы того желали, а главное, вместо еще большего сближения, я могу быть отдален. Я считаю мысль Бакунина каким-то особенным для нас счастием, дающим мне возможность вам изложить ясно и подробно положение этого дела. Ведь пропаганда есть единственное средство распространения в России зловредного направления. Не будет пропаганды, поведенной так, чтобы она как будто сама собою рушилась — тогда не будет и возможности волноваться. Я же надеюсь немало содействовать этому падению — именно писанием им хороших корреспонденций и устройством получения их. Если же эта пропаганда затянется надолго, то она может перейти от Бакунина и Огарева в руки молодежи, пока не опасной еще. Программу о том, чего эти господа от меня желают, именно, я еще не получил — он мне обещал на этих днях. Так или иначе, благоволите не отказать мне, во всяком случае, теперь же, пока письменно, в вашем милостивом совете».

Продолжение рассказа о его, как он выражается, «дипломатии и влиянии на ход здесь дела» следует в донесении от 14 июля (н. с.). Здесь он передает подробности совещания, происходившего в тот день между Бакуниным, Огаревым, Озеровым и Жуковским (с которым его познакомили) и при его участии.

Речь шла все о том же предполагавшемся журнале «Русская Община» или «Социалист» («название еще неопределенно»). Редакторами намечались: Огарев, Бакунин и Лавров («известный артиллерийский полковник, живущий ныне в Париже»), за чьими подписями журнал и должен будет выходить.

«Огарев будет писать статьи по развитию общинного вопроса, Бакунин — по социализму и рабочему движению, а Лавров — статьи, касающиеся земства, военного дела и атеизма. Ничего, по-моему, не может быть выгоднее для нас, как желание пропаганды действовать путем атеизма, — русский народ с омерзением отвернется от него, и тут-то бродягам-проповедникам придется зарезать себя своим же оружием. На этом оборвется пропаганда и, упав в этот раз, уже более не поднимется. На чем она обрушится, того еще никто сознавать не хочет, но Бакунин выразился по этому поводу: «заболеем на этот раз, то уже более не вылечимся». В виду этого предположено взяться за дело сперва, как передавал Бакунин — от имени Лаврова, весьма осторожно, т.-е. не трогать прямо бога, а скандализировать духовенство и возбудить против него общественное мнение. Предвидя, что на этом пропаганда должна оборваться, я ничего не возражал, но когда Бакунину, видимо, хотелось знать мои религиозные убеждения, то я, не либеральничая бестолково,

сказал, что все мои религиозные понятия сосредоточены в одном слове «совесть». Хотя это и не совсем согласно с убеждениями Бакунина, но, тем не менее, мой ответ ему понравился. При этом Огарев долго спорил с Бакуниным насчет того, что в русском народе слишком глубокие корни пустили понятия о неприкосновенности царя и бога, с чем лишь один Бакунин не хотел согласиться, но потом уступил, пожертвовав своим мнением крайней революции. Он пошел даже далее на уступки, сказав, что действовать тогда лишь следует, когда будет уверенность в общинном сплочении всех народных масс. Вообще в Бакунине я заметил большую уклончивость от прежних его крайних революционных тенденций. Он как будто устал; но ему нежданно, негаданно является в помощь другой бродяга — Лавров, еще полный энергии. Я его считаю важнее Бакунина и Огарева. Надобно и к нему влезть во что бы то ни стало, а случай к этому дают мне сами мои приятели, как ниже вы изволите усмотреть». Ниже читаем: «По уходе Озерова и Жуковского, Бакунин и Огарев просили принять на себя по временам объясняться лично с Лавровым по делам редакции, так как все они будут жить в разных местах: Огарев здесь, Бакунин в Локарно, Лавров в Париже. Сообразив, что Лавров меня совершенно не знает и никогда не знал, я дал слово, но с условием, очень легальным в их глазах и меня обеспечивающим от случайной встречи с тем, с кем бы я не желал встретиться, чтобы никто никогда не знал о нашем свидании. «Этого мы и сами желаем и даже при Жуковском не говорили», — сказал Бакунин. Затем он вынул из кармана пол-листа написанной карандашом бумаги и просил меня записать под диктовку перечень тех сведений, которые им, Бакунину и Огареву, желательно было получить из России.

«Окончив диктовку, Бакунин сказал, что это поверхностная программа того, зачем они просят меня теперь съездить в Россию. Поехать следует не только для того, чтобы привезти теперь запас материала, но чтобы устроить на будущее время корреспонденцию. Некоторые адреса в России мне будут даны. К этому Бакунин присоединил еще просьбу повидаться, конечно — секретно, и когда я уверюсь, что со стороны нет опасности, — в Тверской губернии с его братом и переговорить о его наследстве. Для того, чтобы брат мог мне доверять, я буду снабжен условленными словами, которые должен сказать брату. За брата он ручается. Когда я Бакунину представил, что такая поездка сопряжена с риском, то он безусловно этого не отвергал, но сказал, что все будет зависеть от моей сдержанности. Про знакомство мое с ними он уверен, что правительство ничего не знает, ибо мы виделись очень осторожно, наконец, Бакунин выразился: «многие из наших принимают вас за молодого Герцена». А чтобы еще менее рисковать, то он советовал мне не выпускать моего

издания из типографии до моего возвращения. Поставленный в положение самостоятельно действовать, а на самом деле не имея права и силы этой самостоятельности, вы легко поймете всю трудность моего положения. Тем не менее я обещал еще подумать, а думать надобно скоро, ибо возвращение мое предположено в октябре. Конечно, я бы остался в России самое короткое время, достаточное для получения инструкций, а остальное время провел бы где-либо заграницею. О предположенной поездке никто, кроме Бакунина и Огарева, ничего не знает.

«В виду сих важных обстоятельств, я дозволяю себе усерднейше вас просить что-либо решить скорее. Если в деле покупки бумаг Долгорукова требовался мой вызов для личного объяснения в Петербурге, то мне кажется, что настоящее дело в тысячу раз важнее, и я сознаюсь, что без этого объяснения я едва ли буду в состоянии вести его вперед так, как я его вел до сих пор. К тому же сама эмиграция дает к этому превосходный случай. Тут многое может выясниться. Я пока отговариваюсь, в числе прочего, неокончанием счетов с моим парижским банкиром».

Все, сообщенное здесь Романом, близко к истине. М. П. Сажин рассказывает, что, по приезде своем в мае 1870 г. в Женеву, при встречах и разговорах с М. А. Бакуниным, у него, между прочим, «родилась идея издавать заграницей нелегальный журнал, которому предполагалось придать серьезный характер. Предполагалось при посредстве этого журнала связаться с русским обществом и интеллигенцией. Так как у Лаврова могли быть связи с русскими литераторами и вообще прогрессивными деятелями, то было решено и его пригласить для сотрудничества. Бакунин горячо отозвался на мою идею и решил, что Лаврову надо отдать отдел философии. «Пускай он воюет с самим господом богом, — смеясь говорил Бакунин, — с этой задачей он прекрасно справится, а в другие отделы мы его не пустим». Бакунин написал Лаврову письмо с предложением принять участие в журнале. «Это письмо (говорит М. П. Сажин) я и повез к Лаврову в Париж . . . Познакомившись с письмом Бакунина, Лавров категорически отказался принять участие в предполагавшемся журнале. «Принять участие я ни в каком случае не могу, — говорил Петр Лаврович. Во-первых, я не сжег окончательно всех своих кораблей, и у меня еще есть надежда вернуться в Россию. Русское правительство рано или поздно убедится в моей невиновности и вернет меня на родину. Во-вторых, мои взгляды совершенно расходятся с Бакуниным. За ним уже установилась вполне определенная репутация, и сотрудничество вместе с ним может вызвать подозрение, что и я разделяю его взгляды. Впрочем — заключил Лавров, — я обо всем подробно напишу сам Михаилу Александровичу.» «Надо заметить, что идея журнала не

осуществилась практически», — заключает свой рассказ М. П. Сажин [1]).

М. П. Сажин, по его словам, приехал в Париж к Лаврову «в самый канун франко-прусской войны», т. е. в конце июля 1870 г., а переговоры с Романом относятся к первой половине того же месяца. Донесение агента, следовательно, может иметь реальные основания. Тут не только на лицо хронологическое совпадение рассказов Романа и Сажина, но и сходство в определении участия Лаврова в предполагавшемся журнале. Роман подчеркивает основную тему Лаврова — атеизм, что подтверждает и рассказ Сажина. К Лаврову Роман не поехал (так как отправился Сажин, о существовании которого агент не знал), а в дальнейших донесениях Роман обходит имя П. Л. совершенным молчанием. Впоследствии и он поставил крест над мыслью об издании намечавшегося журнала [2]).

Особого внимания заслуживает в том же донесении от 14 июля указание Романа, что «Бакунин присоединил еще просьбу повидаться, — конечно, секретно, и когда я уверюсь, что со стороны нет опасности, — в Тверской губернии с его братом и переговорить о его наследстве». Но об этом ниже.

Вскоре Бакунин покинул Женеву, а Роман, как и следовало ожидать, был вызван в Петербург. 28 июля (н. с.) он получил «милостивое письмо и вексель». «Хотелось бы сейчас отправиться, — писал он Филиппеусу 30 июля (н. с.), — да этого так неожиданно сделать нельзя, тем более, что сегодня Огарев получил от Бакунина, по поводу нашего вчера [3]) разговора» телеграмму, что тот что-то напишет. «Следовательно, надобно ждать несколько дней. К тому же у меня на руках 4-й лист корректуры моего издания, надобно выправить и дождаться метранпажа. Бакунин, уезжая отсюда в Локарно, снова просил меня исполнить миссию. Я отвечал все еще нерешительно, но вчера в удобную минуту я сказал Огареву, что я решился ехать. Я вчера у него обедал по случаю дня его рождения (59 лет) и разорился на 25 руб., купив ему пенковую трубочку, чем он доволен был до слез». Проходит короткое время, и Роман — в Петербурге.

То, что он привез с собою в Петербург и предъявил в III Отделение — ключ к уразумению всего предыдущего.

---

[1]) «Голос Минувшего», 1915 г., кн. X, стр. 124. О том, почему Лавров в то время держался такой линии поведения, убедительный ответ см. в ст. П. Витязева «П. Л. Лавров в 1870 — 1873 г.г.». («Материалы для биографии П. Лаврова», вып. I, изд. «Колос», 1921 г.)

[2]) Об этом «предполагаемом журнале», вероятно, и говорит Бакунин в письме к Огареву от 11 августа 1870 г. (См. «Письма Бакунина к Огареву и Герцену» под ред. Драгоманова. П., 1906 г., стр. 403.)

[3]) Содержание разговора остается неизвестным. Донесения Романа за время 15 — 29 июля 1870 г. отсутствуют.

«Вещественные доказательства», с которыми он приехал из Женевы, неопровержимо доказывают, что Роман почти совсем не преувеличивал в своих донесениях разыгранную им в эмигрантской среде роль. Он настолько «обработал» Огарева, что с полным правом мог считать себя своим человеком в революционной среде, не вызывая никакого недоумения. И заодно с этим он медленно втягивался в тесную дружбу к Бакунину.

29 июля 1870 г. (н. с.) М. Бакунин отправил Огареву из Локарно, куда он незадолго до этого прибыл из Женевы, такое письмо:

«Старый друг Ага. Телеграмма твоя, полученная мною вчера вечером, или ничего не значит, или значит вот что: один из твоих приятелей, человек верный, *П.* (курсив наш. *Р. К.*) или *Б.*, а может быть и третий, неизвестный мне, человек, едет в Россию и соглашается свезти мое письмо к братьям. Соглашается ли он только передать письмо лично или же переслать через верного знакомого ему человека — или соглашается не только доставить это письмо братьям, но стать даже деловым посредником между мною и моими братьями, — всего этого из твоей телеграммы не видно, и эта неизвестность чрезвычайно затруднила меня. Но на всякий случай, я решился рискнуть и послать тебе письмо к братьям, которое прошу тебя п р о ч и т а т ь в н и м а т е л ь н о (курсив Бакунина. *Р. К.*) вместе с О — вым [1]) и, прочитав его, сообразно тому, что ты знаешь о своем отъезжающем друге, решить, должен ли ты или нет поручить это письмо и это дело. Если он, по твоему убеждению, заслуживает полного доверия, если он человек действительно серьезный, пусть он сам прочтет мое письмо к братьям и пусть с полным знанием обстоятельств и дела решит сам, может ли он за него взяться или нет. Мой милый Ага, реши все это, когда будешь не в пьяном, а в трезвом виде, п о м н я, ч т о н е о б д у м а н н ы м р е ш е н и е м т ы м о ж е ш ь и с п о р т и т ь в с е и п о с т а в и т ь м е н я в б е з в ы х о д н о е п о л о ж е н и е (курсив Бакунина. *Р. К.*). Если у тебя будет малейшее сомнение насчет д о б р о й в о л и, серьезности и у м е н и я (курсив в обоих случаях Бакунина. *Р. К.*) твоего отъезжающего друга, ты лучше не отдавай ему моего письма. Ну, а если ты испытал его и веришь в него, отдай. Если ты по той или другой причине не отдашь моего письма к братьям, то прошу тебя послать мне это письмо немедленно назад, — я, вероятно, скоро сам найду средство переслать его братьям. Ну, а если ты найдешь удобным и полезным поручить твоему отъезжающему это письмо и это дело, то переговори с ним подробно и толково о том, и когда он думает увидеть братьев, и что он хочет им сказать и предло-

[1]) Вероятно, Озеровым.

жить для приведения дела к желаемому результату, а также и условься в некоторых невинных терминах, а также и в невинном косвенном адресе, посредством которого он мог бы известить тебя из России об ответе и о намерениях братьев и вообще о ходе дела. Лучший адрес Marie Reichel. Письмо с подписью А н н а К а л м ы к о в а. Авдотьею будут подписываться братья. А ты мне напиши имя отъезжающего друга и подробно все, в чем вы с ним условились. Твой М. Б. Адрес Marie Reichel: Bern, Mattenhof. Mattenheim. Frau Musikdirectorin Reichel» [1]).

Публикуя это письмо, М. П. Драгоманов сопроводил его таким кратким примечанием: «Сношения Бакунина с братьями не имели в себе ничего политического; дело шло о выделе М. А-чу суммы за часть его в наследстве по отцу. Но русский в положении Б-на должен и такие дела вести, как конспирацию».

Огарев обдумал все это «не в пьяном, а в трезвом виде, помня, что необдуманным решением» он мог поставить Бакунина в «безвыходное положение»; у него, видимо, не было «ни малейшего сомнения насчет доброй воли, серьезности и умения» отъезжающего друга и, испытав и веря в «издателя Постникова», он нашел удобным и полезным передать письмо и поручить дело «другу» и «приятелю», «человеку» верному — Роману.

Из Женевы в Прямухино через III Отделение — таков был путь совершенно доверительного письма Бакунина. Факт этот не мог поставить Бакунина в безвыходное положение, ибо не в интересах III Отделения было разоблачать Романа, которому это обстоятельство могло только способствовать и способствовало в дружбе с Бакуниным. Оно отправило своего «верного человека» в Прямухино. Сохранилась записочка Романа, датированная 6-18 августа 1870 г. (ст. ст.) и написанная им в «С. Лахта»:

«Чтобы попасть в Торжок, надобно ехать до Осташковской станции, а оттуда ветвью до Торжка. Из сего же города до села Прямухина 35 верст на вольнонаемных лошадях.

«Так как станция Осташково совершенно недалеко от Москвы, то не изволите ли дать туда какое-либо поручение?

«В субботу я являюсь к вам в 10 часов совершенно готовый с тем, чтобы ехать в 2 час. 30 мин. А. Р.».

Не подлежит никакому сомнению, что Роман отправился в Прямухино, откуда вернулся дней через десять. Во всяком случае, 16/28 августа мы его опять встречаем на обратном пути в Петербурге.

Само письмо Бакунина к своим братьям и сестре сохранилось в копии, снятой Романом же. Оно чрезвычайно ценно для

[1]) Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву с примечанием Драгоманова, Женева, 1896 г., стр. 295 — 296. Русское изд. Врублевского, стр. 398 — 399.

характеристики Бакунина той поры вообще и, в частности, его материального состояния, отношений к родным и т. д. Вот оно:

«Братья Николай, Павел, Александр, Алексей и сестра Татьяна Александровна.

«Оставив в стороне нашу старинную дружбу, которую вы убили, я обращаюсь теперь к вашей справедливости, чести и честности.

«Шестая часть имений, находящихся ныне в ваших руках, принадлежит мне — не такая или другая деревня, которую вы отделили мне произвольно, и которая, как видно из пятилетнего опыта, под вашим управлением ровно не приносит никакого дохода, но шестая часть совокупнойстоимостивсехимений, земель и лесов, составляющих общую собственность — *я настоятельно требую безотлагательной выдачи моей законной части.*

«Посудите сами: в продолжение последних пяти лет я получил от вас всего 200 р., да еще бриллиант, который был вынужден продать за 200 р. Значит, или совокупное хозяйство ваше из рук вон безалаберно плохо — или вы позабыли меня, а вероятнее всего и то и другое вместе. Вера моя в вашу братскую дружбу долго боролась против самых очевидных фактов и доходила просто до глупости. Вы, наконец, убили ее. Теснимый страшной нуждой, парализующей меня во всех отношениях, я вам написал множество писем и знаю, что все мои письма дошли до вас. Сначала вы отвечали на них мистическими рассуждениями и туманными вычислениями, из которых следовало, что $+1 = -1$, а в последние годы — глубоким систематическим молчанием. Молчание — средство, весьма удобное для того, чтобы отделаться от человека, живущего далеко и обессиленного известным политическим положением. Обыкновенно оно выражает оскорбление достоинства, но, сопряженное с удержанием чужого добра, оно выражает нечто другое.

«Я приписываю его, главным образом, вашим философским занятиям; метафизика убила в вас живое, простое чувство и смысл справедливости, смысл простого уравнения. Вы так поглощены созерцанием своего абсолюта, что вам некогда думать о *временных* нуждах и бедствиях человека, которого вы называли когда-то вашим другом и братом.

«В абсолют я не верую, а временная нужда совсем задавила меня. Вот почему я обращаюсь к вам в *последний раз* с требованием и с покорнейшею просьбою *о безотлагательной выдаче мне капитала, соответствующего стоимости моей доли.*

«Ваш главный аргумент — трудность, невозможность продажи, но по всем сведениям, собранным из России, все умеют и успевают продавать имения, только вы не успели. Разумеется, что, сидя, сложа руки, в Прямухине, вы не сделаете ничего, но

захотите действительно — и сделаете, может быть, с некоторою потерею, что же делать? Для вас будет потеря, а для меня выход из нужды, из минусов — я требую этой продажи, и вы, если хотите быть справедливы, не можете и не должны ее откладывать долее — постарайтесь, возьмитесь дельно за дело, может быть, и потери не будет. Продайте казанское имение, продайте скрылевский лес и выдайте мне мой капитал и Лопатино возьмите себе.

«Податель этого письма, человек верный и которого прошу принять как мое доверенное лицо, поможет вам и советом и может быть даже посредником с покупщиками имения. Если не он, то я вам скоро пришлю одного, а может быть двух других. Да и вы сами найдете покупщиков, если только захотите найти.

«А так как процесс продажи займет все-таки некоторое время, то я прошу вас о немедленной высылке мне 1.000 р. в счет ли процентов или даже в счет моего капитала, если последний приобрел в ваших руках странную способность не давать процентов.

«О средствах верного доставления мне моего капитала переговорите подробно с подателем этого письма. Что же касается до 1.000 р., то пришлите мне их по следующему адресу: Suisse — Bern — Matenhoff — Matenheim. Frau Musikdirectorin Marie Reichel с русским письмом от Авдотьи Калмыковой.

«Мария Касперовна Reichel мой друг и жена моего неизменного друга Адольфа Reichel — пишите ей всякий вздор, все, что вам взойдет в голову, только, если вы намерены исполнить мое требование, мою просьбу, т.-е. сначала выслать мне через нее 1.000 р. и потом через нее или через другого и весь мой капитал, включите в письме следующую фразу: в такое-то время я вам вышлю столько-то рублей, и вообще все ваши поручения скоро исполню, о чем и извещу вас в свое время. Если вы не захотите сделать ни того, ни другого, скажите ясно, прямо в письме и подпишите его — Авдотья Калмыкова.

«Я буду ждать вашего ответа два месяца — comme les ouvriers de Paris en 1848, qui avaient fait un crédit de deux mois de faim au gouvernement, и, как эти работники, если в продолжение двух месяцев не получу удовлетворительного ответа от вас, скрепя сердце и уступая напору страшной нужды, сделаю свою июльскую революцию.

«Последую совету одного своего хорошего приятеля, который вот уже более года пристает ко мне и предлагает мне продать всю мою долю одному иностранцу, заявляющему готовность выдать мне за нее сейчас же довольно значительную сумму, разумеется, вдвое менее той суммы, которую, по соображениям, я должен от вас получить, я должен только заключить с ним в Италии законный акт продажи всей моей части в нашем общем имении. Покупатель знает очень хорошо, что так как я поставлен вне закона, то этот акт не будет иметь законной силы в России, но

он вместе с тем уверен, что вы не захотите отказаться от исполнения священного долга, не захотите скандала, который бы имел результатом вмешательство русского правительства, — вмешательство, результатом которого была бы потеря моей доли для меня, но также и для вас.

«Вот крайняя мера, предложенная мне не на шутку моим итальянским другом еще год тому назад. Она так противна всей моей натуре, противна тому старому чувству пиетета, которое сохранилось во мне, несмотря на все, что вы сделали, чтобы убить его во мне, что я до сих пор отвергал и отвергаю с отвращением.

«Но, братья и сестра, нужда моя велика — положение день ото дня становится безвыходнее, и если в продолжение двух месяцев я не получу от вас ни денег, ни положительного ответа, я прибегну к этому решительному и последнему средству, которое доставит мне хоть половину того, что мне следует и даст мне возможность хоть сколько-нибудь устроить свое существование.

М. Бакунин».

Гордое и ультиматумное письмо Бакунина сопровождало особое умоляющее письмо его жены, которое приводим по той же копии:

«29 июля 1870 г.

«Братья, сестра. Поймите же, наконец, что вы делаете просто невозможным положение вашего брата, вашего друга. Денежная зависимость унижает, деморализует, парализует его во всех отношениях и лишает его всякой возможности жить и действовать.

«Вы, которые способны протянуть руку помощи даже совсем чужому вам человеку, зачем же вы забываете своего брата, вся жизнь которого посвящена не его собственным интересам, а служению свободе и правде, и который имеет полное, несомненное право на вашу симпатию и на ваше уважение? Я свидетельница того, как горячо, как неизменно он вам предан, в вас верит, вас любит.

«Последнее письмо твое, милая Татьяна, казалось так благородно, так искренно, что мне стало было совестно, что я могла усомниться в вас, но молчание и совершенное забвение, которое последовало за ним, доказало мне, что все сомнения мои были справедливы.

«Когда я приехала к вам из Сибири, вы горячо хотели, чтобы я ехала к Мишелю, — не для того же, чтобы обречь нас обоих вместе на голодную смерть.

«Братья, сестра, все это какие-то странные недоразумения, но, ради бога, положите им конец и вырвите нас из невозможного тяжелого положения.

Антонина».

По словам Романа,

«представляемые при сем письма Бакунина и жены его к братьям и сестре получены мною от Огарева при записке следующего содержания:

«1 августа. Мой старый друг не может коротко писать; кроме того, письмо его жены. Посылаю вам тотчас по получении. О получении известите меня немедленно. Больше писать не могу, ибо боюсь опоздать. Корректуру получил, исправлю сегодня. Обнимаю вас братски и жду известий.

«Адрес: город Торжок, село Прямухино, в 30 верстах от города.

«Письма прочтите и действуйте.

«Все мои вам кланяются».

Тот факт, что, по получении предостерегающего письма Бакунина от 20 июля, Огарев нашел возможным дать такое ответственное и чрезвычайно доверительное поручение «Постникову», неопровержимо доказывает, насколько близки и даже интимны были отношения Огарева к Роману. Они предусматривают известный предварительный и более или менее продолжительный процесс дружбы между обоими лицами. Не могут, следовательно, вызвать никаких сомнений сообщения Романа о взаимных дружелюбных отношениях его с Огаревым. Насколько точны сообщения Романа — вопрос другой, но что так или иначе Огарев с ним заговаривал на темы, близкие к конспиративным, бесспорно.

А Бакунин? Он, вне сомнения, был знаком с Романом до отъезда последнего в Россию. В письме к Огареву, упоминая о телеграмме, полученной от него, он прямо указывает на приятелей «П» или «Б». «П» — конечно. «Постников» - Роман. По смыслу письма мы в праве заключить, что Огарев в телеграмме не упоминал о лицах: если бы упомянул, то определенно назвал бы одно лицо и именно отъезжавшего — Бакунин сам догадывался о «П» — «Постникова». Догадываться же он мог только о человеке, так или иначе знакомом ему. Роман действительно встречался с Бакуниным в бытность его в Женеве. Вспомним, что еще 14 июля, т.-е. за две недели до отправки Бакуниным письма к братьям и сестре, он, Роман, сообщал уже в Петербург о просьбе Бакунина повидаться с его братьями.

28 июля Роман получил письмо из Петербурга, разрешившее ему приезд, и деньги («вексель»). Он тотчас же известил об отъезде Огарева, который в тот же день и отправил телеграмму Бакунину. Последний на следующий день написал свое письмо; 1 августа, едва только полученное Огаревым, оно было передано Роману.

«Добросовестно» исполнив поручение Огарева - Бакунина, получив в Прямухине 210 фр. или 70 руб. для передачи М. А —чу, Роман вскоре возвращается в Женеву, где сумму вручил Огареву под расписку: «Двѣсти десять франковъ сполна получилъ. Вашъ Ага. 9 сентября 1870» [1]).

ГЛАВА X.

Вокруг Лионского восстания.

«Третьего дня вечером я добрался до Женевы — писал Роман 10 сентября 1870 г. н. с., — страдая все время сильно от развившейся на ноге раны. Вчера же я виделся уже с Огаревым— он переменил квартиру и живет теперь Rue de Carouge, № 10. Подозрения в нем на меня я не заметил никакого, не знаю, что будет дальше; до сих пор хорошо, встретил он меня радостно, велел тотчас же послать за завтраком и вином и передал, что Бакунин обязал его просить меня по возвращении моем, чтобы я, если это не слишком стеснит меня, сейчас же сдержал бы свое обещание приехать к нему в Локарно, ибо он там, вероятно, при теперешних обстоятельствах останется недолго и уедет во Францию, куда, по мнению Огарева, теперь не худо бы переехать всей эмиграции и быть вместе. Бедный человек, как он торопится! Улажением дела с братьями Бакунина Огарев был очень доволен и сказал, что лучшего результата нельзя было достигнуть, и что Бакунин будет в восторге. Так как Огарев упрашивал меня ради пользы для дела съездить, если я решился, скорее к Бакунину, то думаю отправиться на-днях. Журнал «Община» не начал еще выходить: ждет, чтобы обстоятельства во Франции яснее определились. Сведения о России и ее настоящем положении, привезенные якобы мною, просил написать в виде отдельных статей, что я и сделаю, но, конечно, в духе, который, несмотря на либерализм, может быть лишь с выгодою для правительства. Медленное топление пропаганды — задача очень серьезная, если не в настоящем, то для будущего спокойствия, и я этому буду содействовать по мере моих слабых сил. По крайней мере я так смотрю на это дело и думаю, что не ошибаюсь, так точно, как убеждаюсь все более и более, что старые силы агитации русской, Огарев и Бакунин, решительно разрушаются, только резкие события, в роде теперешних [2]), дают им некоторое подспорье,

[1]) Приводится по подлиннику.

[2]) В конце июля 1870 г. разразилась знаменитая Франко-Прусская война. Под влиянием решительного наступления немцев, во Франции 4 сентября был низложен Наполеон III, и провозглашена республика. Но возмущение французов после этого не улеглось, а продолжало разрастаться в открытое гражданское восстание.

да и то только такое, которое лишь в их глазах имеет цену, но далеко от влияния на Россию.

«Он (Огарев) даже говорит, что Наполеон при помощи Пруссии снова может воссесть на трон Франции, и что русская эмиграция энергично должна против этого бороться и искать победы в Лионе именно теперь. Дело в том, что Лион, как оказывается, не хочет быть ни республиканским, ни монархическим, а желает стать в положение совершенно независимое, подобное вольным городам Германии. Он к республике французской не имеет ровно никакого доверия, тем более, что он же назначил командиром Лионского военного округа Паликса. Ожидают там больших беспорядков».

Лионские события, только обещавшие вылиться в серьезное восстание, спутали карты Романа. Но они же предоставили ему возможность оказать Бакунину не только личную услугу, но и прямо революционную. Когда Роман прибыл в Женеву, тот находился в Локарно. «Издатель», конечно, не преминул отправиться туда, благо повод к теплому свиданию с Бакуниным был прекрасный. Подробности встречи он сообщает в письме от 17 сентября н. с.

«13-го сентября в шесть часов утра я отправился через Люцерн в Локарно. В тот же день вечером я прибыл в Люцерн и намеревался тотчас же пересесть в дилижанс, чтобы ехать далее, но дилижансы ночью не ходят, и я должен был переночевать в Люцерне. Утром я отправился к дилижансам, как, к величайшему удовольствию моему, отойдя несколько шагов от гостиницы, я встретил Бакунина с двумя чемоданчиками в руках. Он бросился ко мне и поцеловал меня 3 раза (даже гадко) и узнав, что я ехал к нему, ругнул заочно беспамятного Огарева за то, что тот не предупредил его телеграммою о моем отъезде к нему. Я очень рад был избежать, сознаюсь откровенно, 8-часовой а иногда и более езды в дилижансе через St.-Gotard до Локарно, и я вместе уже с Бакуниным отправился обратно. Бакунин ехал в Берн, Неаполь, Женеву, а отсюда в Лион, вызванный тамошним интернациональным обществом, с которым он в тесной связи, и новою коммуною. До Берна мы ехали вместе, т.-е. не в одном классе (он во 2-м, а я в 1-м). В Берне мы простились, он поехал в Невшатель, а я прямо в Женеву, куда и вернулся к вечеру. На станциях, где поезда останавливались на некоторое время, мы выходили из вагонов и разговаривали. Он с большим интересом расспрашивал меня о братьях, беспрестанно благодарил и, пожимая руку, говорил: «спасибо, брат, никогда не забуду услуги» и, называя меня на ты, просил и его так же называть. Я радовался такому исходу дела, ибо сближение наше с этими господами есть главная наша задача, до которой русский агент, сколько мне помнится, не достигал. Недаром я ем и зарабатываю насущ-

ный хлеб у правительства, но не более. Да я ничего более не могу и просить,— прошу только дать мне возможность продолжать дело и иногда меня поддерживать не для меня самого, а для пользы же дела.

«Бакунин также очень интересовался настоящим положением России,— я ему рассказал, и он, заверяя меня, что это совершенно согласно с тем, что он слыхал из другого источника, просил меня не передавать этого далее в эмиграцию. Я догадался, что дело эмиграции хромает, да это, впрочем, не новость. В Берне Бакунин, как с ножом к горлу, пристал ко мне, чтобы я занял ему 250 фр., и что он, как честный человек, не может мне определить срока отдачи, но почти при первых же деньгах возвратит мне эту незначительную для меня сумму с огромным спасибо. Я отговаривался тем, что и без того уже много издержал на поездку в Россию, и указывал ему на переданные мною Огареву 210 фр., соответствующих 70 р., полученным от его брата. Он говорил, что эти деньги Огарев уже употребил на другое дело, и что эти 250 фр. нужно послать жене. Не было никакой возможности отвязаться, я обещал ему дать их через неделю, и обещание надобно сдержать. Из Невшателя Бакунин приехал в Женеву 15-го вечером, явился ко мне к чаю и просидел у меня до 2-х часов ночи, ораторствуя по старой привычке. В Лион он вызван как энергичный и опытный революционер и хороший оратор. Лионский Интернационал хочет образовать отдельную самостоятельную коммуну или общину для защиты республиканской Франции; рассчитывают, что примеру его последуют Марсель и Бордо. Общины эти, действуя самостоятельно, должны быть в то же время заодно в деле изгнания пруссаков и против воцарения во Франции какой бы то ни было династии. Органом Лионской общины будет газета «Le peuple français souverain». Бакунин намеревается внушить коммуне мысль, что все средства и жестокости дозволяются для истребления пруссаков. Там же образуется особый легион, куда принимают всех, преимущественно иностранцев. Бакунин говорит, что, если надобно будет, то он и сам станет в его ряды, — и хорошо бы сделал: авось бы убили. На мой вопрос о пользе, какую он надеется принести русскому делу, Бакунин сказал, что вдруг в России революции поднять нельзя, но толчок можно теперь дать сильный, ибо если удержится Лионская община, то удержится и республиканская Франция, которая неизбежно должна заразить Италию, славянскую Австрию, откуда один шаг в Россию. Доказательства эти очень общи и слабы, я ему возражал, и вследствие этого Бакунин сказал, что пригласит меня в Лион посмотреть на дело ближе. Из всего сего я усмотрел одно очень ясно: это то, что Бакунину нужна конспирация, какая бы то ни было. Прошедшее его это доказывает: он участвовал в конспирациях всех стран,

почти мало заботясь о том, приносила ли эта конспирация ему какую-либо пользу в деле России или нет. Он все еще не отстает от мысли о возможности создать социальную республиканскую Европу и рабочее государство России. Я изучил так хорошо Бакунина, что знаю, что агитация ему нужна как воздух для жизни, что ставит его все более и более в самое смешное положение, например, все жители Локля знают Бакунина, и их потешает очень как фигура его, так и речи,— они потешаются им, но не более. Одно, чего у него отнять нельзя, это дар слова и способность действовать им на толпу в данный момент. В этих видах лионцы его, конечно, пригласили, как члена интернационального их общества.

«Прощаясь, он снова просил меня о 250 фр., и чтобы я их передал Огареву для отправления жене. Конечно, я повторил ему мое обещание, припомнив ему однако ж, что я Огареву уже дал 200 фр., еще не возвращенных, а потому сам буду немного стеснен. Отдавая, таким образом, на риск последние деньги, — а извернуться нельзя было, — я остаюсь сам почти ни с чем, а дам я их никак не в видах личной , а, конечно, правительственной пользы. В доказательство я постараюсь их переслать Огареву так, чтобы иметь предлог получить от него квитанцию, подобно представляемой у сего на 210 фр., и вам ее также представлю. Я этого очень желаю, ибо собратья мои по ремеслу заграницею часто не заслуживали доверия, — а я не хочу подать и малейшего повода быть причисленным, хотя бы даже временно, к этой категории».

Затем Роман встретился с Бакуниным в Женеве, и разговор коснулся Нечаева:

«Вот что последовало из уст самого Бакунина при отъезде его отсюда в Лион, когда он с Огаревым вчера у меня завтракал. Мы разговаривали о цели поездки Бакунина в Лион, он горячо развил свои революционные идеи и надежды, я холодно ему оппонировал с точки зрения, что я не вижу в этом осязательной пользы для русского дела свободы (оно так и есть). Бакунину это было как будто досадно, что он меня убедить не может, он горячился, ораторствовал словно с кафедры, обратился к прошедшему и сознался, что Нечаев во многом уронил дело. Я, не противореча ему прямо, заметил, однако ж, что услуги подобных людей следует избегать. Бакунин возражал, что людей, одаренных энергиею, прямо избегать нельзя. Я усомнился в энергии Нечаева. Тогда Бакунин сказал мне следующую фразу, которую я передаю буквально: «он молодец все-таки, сорви голова, таких нам теперь-то и нужно; когда приедешь в Лион, я тебя познакомлю, и ты убедишься, что я прав». Разумеется, я никакого вопроса не вставлял,— он был бы лишний и нелогичен, ибо из слов Бакунина само собою явствовало, что или Нечаев уже в Лионе, или скоро туда приедет. Сегодня же этот вопрос совершенно выяс-

нился, когда Огарев, передавая мне присланный Бакуниным представляемый у сего адрес его в Лионе, между прочим, в разговоре проговорился, что Нечаев уже в Лионе, под протекциею членов тамошнего интернационала (Palix — один из членов), но что он, Огарев, сильно беспокоится, чтобы Нечаев сгоряча не наделал новых глупостей и не втянул бы Бакунина. Впрочем, Бакунин заверял его, что Нечаев поступил в Лионский легион волонтеров, куда отправилось также много поляков и куда отправляется также Озеров. Бакунин поехал по американскому паспорту. До сих пор дела мои здесь идут превосходно. Прошу вас к изложенному здесь сведению отнестись как к самой святой истине. Я горжусь, что на мою долю досталось оно. По получении вызова от Бакунина, я должен ехать немедленно в Лион».

По словам Джемса Гильома [1]), Бакунин, хотя и чувствовал себя не совсем здоровым и неспособным на роль руководителя в борьбе, решил, тем не менее, уехать во Францию. В своем письме от 6 сентября к своему другу Адольфу Фохту Бакунин писал: «мои друзья, лионские социалисты-революционеры, зовут меня в Лион. Я решил переправить туда свои старые кости и сыграть там, возможно, свою последнюю роль». 11 сентября Бакунин приехал в Невшатель, где печаталась в это время его брошюра «Письмо к французу». 12 сентября Бакунин был уже в Женеве, откуда в сопровождении своего друга Озерова и одного молодого поляка, Ланкевича, отправился в Лион, куда приехал 15 сентября [2]). Макс Неттлау пишет, что «во второй трети сентября он выехал из Локарно в Лион через Берн, Невшатель и Женеву» [3]).

Совпадая в самом существенном с данными Романа, замечания эти убеждают в том, что «издатель» встретился с Бакуниным по дороге в Берн и виделся с ним через два дня в Женеве. Правда, Гильом полагает, что Бакунин приехал в Лион 15 сентября, сходясь в этой дате с самим Бакуниным [4]), а по словам Романа — последний разговаривал с ним в Женеве еще 16 сентября. Но, заметим, донесение Романа от 17 сентября охватывает промежуток времени с 11 до 16 сентября, так что он вполне мог, когда писал его, ошибиться в деталях. Как бы то ни было, это разноречие не может умалить значение всего донесения. Тем более, что в только что цитировавшемся письме Бакунина к Огареву,

---

[1]) «Интернационал. Воспоминания и материалы 1864 — 1878 г.г.» т. I — II, изд. «Голоса Труда», 1922 г., стр. 177.

[2]) Там же, стр. 182.

[3]) «Жизнь и деятельность М. Бакунина», «Голос Труда», 1920 г., стр. 59. Ср. ст. Ю. М. Стеклова «Последние годы жизни М. Бакунина», «Голос Минувшего», 1914 г., кн. V, стр. 37.

[4]) 19 сентября он писал Огареву: «извини, что пропустил 5 дней, не дав о себе вести» («Письма к Герцену и Огареву», женевское издание, стр. 304 — 305).

опубликованном Драгомановым, мы находим другое прямое подтверждение слов Романа. «С деньгами, — пишет 19 сентября Бакунин, — которые ты получишь от нашего храброго кавалерийского полковника, если ты ещё не распорядился ими, — поступи следующим образом: 100 фр. отошли Гавирати. Gavirati — Farmacista. 50 фр. удержи у себя для наших деловых расходов, а 100 фр. пришли сюда на адрес Паликса, только не m-me Palix, а м-r Palix (для денег) с приложением письма к Паликсу с просьбою передать деньги m-me Antonie».

Речь определенно идет о 250 фр., которые Огарев имеет получить, даже мог уже получить («если ты еще не распорядился») от «храброго кавалерийского полковника», т.-е. от «Постникова» - Романа, который предупредил III Отделение о предстоящем расходе в донесении от 17 сентября.

В том же письме Бакунин просит Огарева: «нашего хорошего кавалерийского полковника облобызай и передай ему прилагаемую записку в ответ на его письмо».

К сожалению, в нашем распоряжении нет всех донесений Романа за этот интересный период его сношений с Бакуниным. Те донесения, которыми мы располагаем, писаны с большими перерывами. В хронологическом порядке следуют донесения от 11 сентября, 17 сентября и 22 сентября. А Роман, судя по многому, писал в эти дни, несомненно, чаще. Нам поэтому неизвестно содержание писем Бакунина и Романа, которыми, судя по словам первого, они обменялись [1]).

Очередное донесение Романа относится к 22 сентября. Он начинает «с письма Бакунина, полученного сегодня Огаревым из Лиона, и которое сей последний, придя ко мне, дал мне прочесть. Начальные слова письма я, — продолжает Роман, — запомнил буквально и их подчеркиваю,— содержание же вообще письма я, конечно, не мог удержать буквально в памяти, а потому передаю его смысл. Вот оно:

«Община» свалилась ко мне, как снег на голову; Постников был прав, восставая против нашей солидарности с Нечаевым (курсив Романа. *Р. К.*). Затем следует, что Нечаев мерзавец, что Бакунин уже передал Лионскому интернационалу всю суть дела и напечатанное письмо Нечаева, который, раз побывав у Р. (вероятно Palix'a), более не показывается, что Р. рассердился за рекомендацию Нечаева, что он, Бакунин, видит только

---

[1]) 23 сентября Роман получил другое письмо от Бакунина из Лиона. — Представив при очередном донесении копию того письма в III Отделение, он попутно писал: «этот новый подлинник я оставляю у себя пока до вашего востребования». Отсюда можно заключить, что до того письма — первого, которым мы располагаем, — Роман действительно получил от Бакунина другое письмо.

теперь в Нечаеве дурака и подлеца, что Нечаев замарал совершенно и его и себя, дозволив себе печатную клевету и ложь, что Л. (конечно, Лавров) дал ему 50 р., и т. д. Что касается до моей персоны, то Бакунин предлагает мне вступить в члены Лионского интернационала, но с тем, чтобы я, приехав в Лион, сам прежде присмотрелся к обществу. Вот верная передача тех наиболее интересных мест, которые я мог запомнить из длинного письма Бакунина (он коротко писать не может,— это вы изволите знать)».

При том же донесении он представил подлинную расписку Огарева от 21 сентября в передаче ему 250 фр. [1]).

Дальше он доказывает, что Нечаев якобы находился в Лионе, и «хотя дошло до меня известие, совершенно меня убившее,— известие о смерти в течение нескольких дней двух моих детей и об ухудшении здоровья жены», — тем не менее, раз обстоятельства того требуют, он готов отправиться в Лион. «Я могу проехать,—заявляет Роман,—консул французский здесь засвидетельствует мой паспорт (подложный, конечно), а в Лионе я попаду под кров Бакунина».

В Лионе события развертывались с молниеносной быстротой. Дело шло к восстанию. «Обстоятельства снова так быстро меняются и следуют одно за другим, что я едва успеваю писать», — такими словами начинает Роман свое письмо, отправленное 23 сентября. Первым долгом он сообщает в копии полученное им в тот день письмо от Бакунина такого содержания («этот новый подлинник я оставляю у себя пока, до вашего востребования», — замечает он попутно):

«22 сентября 1870. Лион.

Добрый друг и храбрый полковник.

Посылаю тебе нашего товарища и друга [2]) с этим письмом. Прошу тебя верить ему как мне, он человек испытанный, крепкий и верный. Сам старик Огарев приведет его к тебе. Пусть Огарев прочтет тебе письмо, которое я написал ему, чтобы мне не повторять того же самого два раза. Умри, задуши старого пана Тхоржевского, но достань нам на революционные приготовления 500 р.; или умрем, или отдадим очень скоро. Податель письма

---

[1]) Вот она: «Много благодаренъ тебѣ. Деньги получилъ. Твой Огаревъ». Расписка набросана на подлинной записке Постникова к Огареву, при которой деньги были отосланы: «Посылаю тебе, мой дорогой, обещанные Мишелю 250 фр. для отсылки его жене. Не поленись написать пару строк, дабы я был уверен, что деньги дошли до твоих рук. Возвращаю при сем же и ерунду Н. Твой Н. Постников. 21 сентября 1870 г.» «Ерунда Н.» — видимо — «Община» Нечаева.

[2]) Некто Ланкевич. Прим. Романа. Ланкевич участвовал с Бакуниным в Лионском восстании. *Р. К.*

расскажет подробное состояние дела, а тебя позовем, когда поставим дело в порядке и восторжествуем.

Обнимаю тебя М. Бакунин».

Затем следует отчет о разговоре его с Огаревым, Ланкевичем и Тхоржевским.

«Огарев пришел ко мне, но без посланца, не зная, как он выразился, будет ли мне это приятно, а потому видеться с ним я буду только сегодня вечером. Уж не Нечаев ли? Прежде чем говорить о письме Бакунина к Огареву, я обязываюсь сказать, что на письмо ко мне Бакунина я объяснил Огареву, что я охотнее дал бы свои 500 р., если бы у меня были свободные деньги, чем быть посредником этой просьбы у Тхоржевского, перед которым я не желал бы стать в обязательные отношения, но, чтобы показать М. А. мою полную готовность, я исполню его желание и к просьбе его, Огарева, присоединяю сегодня вечером и мое ходатайство.

«Затем я принялся читать письмо Бакунина к Огареву — и вот что в нем заключается:

«1) Передать посланному Ланкевичу написанную Бакуниным и напечатанную в Невшателе брошюру о настоящей французской республике в числе 300 экземпляров для привоза в Лион, а остальные 500 экземпляров отправить в разные города Италии.

«Адреса, хотя и приложены, но писаны по-итальянски, а потому их запомнить я не мог, помню только, что отсылка назначена в города — Турин, Милан, Неаполь, Флоренцию и Ливорно.

«Оказалось, что брошюра сюда еще не прислана (должен был получить ее здесь некто Линдегер), а потому Огарев послал в Невшатель телеграмму о ее высылке сюда.

«2) Что если я дал уже ему, Огареву, обещанные 250 фр., то сказать мне сердечное спасибо, прося, чтобы я к просьбе Огарева присоединил свое красноречие для убеждения Тхоржевского, чтобы из сих 250 фр. 150 отправить жене Бакунина, а остальные 100 выслать ему (они все уже отправлены жене).

«Неприятная комиссия, а делать нечего; неприятно — тем более, что я желал бы, чтобы Тхоржевский отказал, ибо я вижу, что революционное дело останавливается за недостатком фондов.

«3) Что много, много через неделю они в Лионе или восторжествуют, или умрут. Давай бог последнее.

«4) Что, восторжествовав, тотчас прежде всего приступлено будет к русскому революционному делу.

«5) При письме посылается от Комитета Salut public de la France Огареву доверенность с приложением печати на сбор фондов для поддержания социальной европейской революции. Доверенность подписана президентом Blanc. С этою доверенностью Огарев пошел по французам. Я обещал после подписаться, — опять франков 10 расхода.

«Эту часть письма я написал, пользуясь свободою, чтобы сдать письмо, после свидания, еще сегодня вечером на почту. Остальную часть пишу теперь, после свидания с Ланкевичем, Тхоржевским и Огаревым. Прежде всего я должен сказать, что Ланкевич не Нечаев, а потом то, что Тхоржевский отказал за неимением денег. И слава богу. Ланкевич рассказал, что главная пока их цель — низвергнуть весь Лионский муниципалитет и завладеть оружием; затем, провозгласив новое правительство, итти уже на помощь Парижу. Главное участие принимают работники, но удача крайне парализована недостатком средств.

«Вообще же видно, что вся эта новая процедура Бакунина ведена неразумно, очертя голову, и, конечно, кончится падением, а пожалуй и арестом самого Бакунина, Озерова, который на-днях к нему отправляется.

«Сегодня же с 6-часовым поездом отправился обратно в Лион Ланкевич, без брошюр, ибо об них даже ответа еще не получено из Невшателя».

Опять-таки такое письмо Бакунина к Огареву, о котором сообщает Роман, неизвестно. Но, как нам кажется, Бакунин действительно такое письмо послал. 26-го Роман отправляет тревожную записку:

«Беспорядки в Лионе, в которых Бакунин принимает участие, начались. Массы рабочих на его стороне. Он возбуждает их все более и более своими речами. Хотят поставить Лион в положение коммуны, не зависящей от временного правительства, заседающего в Париже и Туре. А между тем вся пресса вооружается против этих беспорядков, а префект Роны нашелся вынужденным выпустить особую прокламацию, в которой взывает к порядку. Можно наперед предсказать Бакунину полный неуспех, если еще не хуже. Засим пришлю отчет о состоянии русской эмиграции в эту минуту. Эскадрон лионских волонтеров формируется. Принимают всех, без разбора национальностей. Боссак вернулся в Женеву, не желая подчиниться какому-то французскому полковнику».

26 сентября Огарев получил письмо Бакунина от 25 сентября, следующего содержания:

«Старый друг. Немедленно пошлю тебе нашу прокламацию, зовущую народ на низвержение всех оставшихся и мешающих властей. Сегодня ночью арестуем всех главных врагов, завтра последний бой и, надеемся, торжество.

Отправь Гейнриха к Линдегеру. Вероятно, Guillaume прислал брошюру [1]. Если не прислал, пусть попросит Линдегера,

[1] Речь идет о брошюре Бакунина «Письмо к французу», печатавшейся в Невшателе в 1870 г. Как раз по поводу этой брошюры Бакунин, по пути в Лион, остановился в Невшателе.

чтобы он принес — и т о т ч а с же, как только получит. И как только ты ее получишь, пусть наш друг, х р а б р ы й п о л к о в н и к (курсив наш. *Р. К.*), т о т ч а с ж е (курсив Бакунина. *Р. К.*), не теряя ни одной минуты, везет ее в Лион прямо к Palix, Cours Vittou 41, вход с rue Massena, 20, au premier. Брошюра необходима, мы все ждем ее. Твой М. Б.» [1]).

А на следующий день, — как Роман писал 1 октября, — «поздно вечером 27 сентября, когда я сидел еще у Огарева, то получена была от Бакунина телеграмма, в которой он (Antonie) просил меня (сестру Julie) приехать немедленно в Лион и привезти с собою виды Швейцарии (означало брошюры Бакунина, здесь едва только полученные) и что, по приезде в Лион, я буду встречен на железной дороге братом (значило Озеровым). Захватив с собою вместе с посылаемой вместе с сим в особом пакете брошюры и разместив их по карманам двух пальто, сюртука и панталон, я на другой день в 7 час. утра выехал в Лион, не дождавшись вашего на то разрешения, ибо не считал себя в праве упустить случая видеть или узнать что-либо о Нечаеве, исполняя, таким образом, желание его сиятельства (графа Шувалова). К тому же провоз запрещенных брошюр есть все-таки, хотя и небольшой, а все-таки риск, к которому Бакунин и К° не могли иначе отнестись, как к оказанной им услуге, а подобные услуги сближают нас все более и более с пропагандистами и связывает их со мною их же интересом, без чего дело и успех наш всегда будет только наполовину. В 1 час. и 5 мин. пополудни того же 28-го числа я приехал в Лион».

30 сентября он радостный возвращается в Женеву и тотчас же пишет в Петербург.

«Я только что вернулся из Лиона, куда ездил по вызову Бакунина, и спешу вам донести, что я почти участвовал в составленной им революции, но ушел цел и невредим, и никто меня, вероятно, не заподозрит, что я привозил революционные брошюры Бакунина. Спешу, чтобы не пропустить почты. Через полчаса уходит. Подробности завтра, а теперь скажу лишь, что лионские беспорядки не удались, Бакунин арестован [2]), о прочих еще не знаю. Ехать же было надобно, чтобы еще более вкрасться в доверие. Хотя немного рискованно, но было очень интересно видеть на практике процедуру революции. Ради бога пришлите денег».

В Лионе Роман, к своему огорчению, Бакунина не застал. В восставший город он прибыл в полдень 28 сентября, когда

---

[1]) «Письма Бакунина к Герцену и Огареву». Женевск. изд., стр. 305—306.

[2]) Бакунин действительно был арестован, но в тот же день, 28 сентября, освобожден. Ср. ст. С т е к л о в а — «Голос Минувшего» 1914 г., кн. II, стр. 38.

Бакунин был уже арестован. К вечеру последний был освобожден, но, конспиративно переночевав в Лионе, он на следующий день уехал в Марсель [1]. Вечером того же дня, 29 сентября, после полуторадневных бесплодных поисков Бакунина и Нечаева, Роман покинул Лион.

В Женеве он нетерпеливо поджидал известий о Бакунине, чутко поэтому прислушиваясь к рассказам Огарева. Через несколько дней Роман доносит, между прочим, из Женевы следующее [2]:

«Огарев получил от Бакунина письмо из Марселя от 3 октября, что 1 числа он, Бакунин, был арестован, но в тот же день освобожден, с тем, чтобы оставил немедленно Лион [3]. Бакунин отправился в Марсель и там ожидает нового восстания в Лионе, надеясь окончательно решить вопрос, и полагает, что без кровопролития не обойдется. Бакунин приглашает Романа прибыть в Лион и адрес оставить у Паликса. Роман решается отправиться, там он надеется встретить Ланкевича и прислушаться к толкам о Бакунине. Повторение катастрофы 28 числа, как полагает Бакунин, вероятно, состоится скоро, и с окончательным результатом бунтовщикам долго ждать нельзя. Главный недостаток у них в оружии, денег тоже нет совсем. Несколько агитаторов отправились в St. Etienne, чтобы привезти оттуда в Лион работников на помощь».

В Лион Роман ездил, главным образом, за Нечаевым, который, по мнению «храброго полковника», должен был там находиться. III Отделение, как можно полагать, требовало от него вторичной поездки в восставший город, чтобы там искать Нечаева, а не Бакунина. Роман отговаривался: «до получения какого-либо обстоятельного известия о Бакунине, я не мог позволить себе выехать в Лион [4]. Но сегодня от него получено из Марселя письмо, помеченное 6 октября, в котором он пишет, что дела в Марселе идут не так хорошо, как он надеялся, на всяком шагу дело свободы встречает препятствия, так, 4 числа он был снова арестован на улице из-за подозрения в нем прусского шпиона и только благодаря вмешательству Эскироса (префект) он был освобожден. Эскирос считался самым надежным республиканцем, а между тем он тотчас после лионских происшествий издал циркуляр, по которому ни одна типография не имеет права печатать не только прокламации, но даже и простой афиши без

---

[1] Донесение Романа о виденном и слышанном в Лионе см. приложение I.

[2] Донесение в подлиннике не сохранилось. Цитируется соответственная справка, составленная в III Отделении.

[3] Сообщение, конечно, неправильное, — об аресте Бакунина мы уже говорили.

[4] Донесение от 9 октября 1870 г.

его, Эскироса, дозволения, что прямо даже противоречит декрету временного правительства, освободившего типогрхфии и прессу от всякой опеки. Бакунин в революционныт планах своих далеко забегает вперед; надежды его опираются даже на ту революцию, которая, по его мнению, неизбежна во Франции после взятия Парижа и заключения постыдного мира с Пруссиею. Бакунин как будто и сам не доверяет успеху повторения беспорядков в Лионе, но назад итти, говорит, поздно. Об ожидаемом приезде Гарибальди в Марсель (приехал 7 числа, это вы уже, вероятно, знаете) говорит с сарказмом: «они как будто не в ладу», — что подтвердил и Огарев.

«В виду всего этого, Бакунин говорит, что на-днях выедет в Лион и поселится не в самом городе, но в окрестностях, где Ланкевич ему приготовит комнату. Поэтому, во что бы то ни стало, и я в понедельник еду в Лион.

«Преисполненный постоянной иллюзии Огарев, и тот даже сомневается в успехе дела и, покачивая головою, говорит: «пропадет Мишель без пользы».

Свой долг исполнить пришлось. Роман, имея теперь сведения о Бакунине, второй раз уезжает в Лион. 18 октября он сообщает из Женевы:

«Из Лиона нельзя было писать — опасно, да и обстоятельства быстро менялись. Я только что возвратился оттуда. Был там арестован, выпущен, и снова префект угрожал арестом, если не оставлю Лиона в 24 часа. Вина не моя. В префекта фанатик красный стрелял 14 числа — не попал. Преступника не поймали. Нечаев был в Лионе, виделся с Ланкевичем, но Бакунина не видел. Уехал обратно в Лондон. При донесении изложу все подробности о нем, полученные от Ланкевича. Бакунин скрывается около Марселя. Мандат издан об его арестовании. В Лион не может еще приехать, но от него все станется.

«Префект почти угрозами хотел меня заставить сознаться в солидарности с Бакуниным.

«По прибытии сюда застал от Бакунина письма из Марселя. Доказывают отчаяние. Сообщу также при рапорте,— постараюсь написать и окончить завтра.

«Я нравственно совершенно убит: много терпел оскорблений, при арестовании народ бросал мне в лицо окурки сигар.

«Настроение умов в Лионе самое дикое. Правительство слабо. Революция будет, непременно будет. Сегодня не в состоянии больше писать,— я совершенно убит и расстроен, несмотря на то, что отношения мои к эмиграции после ареста еще должны быть лучше. Девять лет службы, и никто не оскорблял . . .

А тут пришлось терпеть оскорбление от подлецов и мерзавцев-французов» [1]).

Письма Бакунина, которые агент застал в Женеве, приободрили его. Мелькнула опять надежда через Бакунина разыскать Нечаева. Надежда, однако, запоздала. К тому времени разрыв Бакунина с Нечаевым стал совершившимся фактом.

Вот оба письма Бакунина к Роману, которые последний застал по возвращении своем из Лиона:

Первое:

«10 октября 1870 г.

«Пишет мне Оз. [2]), что вы все усумнились в практичности нашего дела. Поверили реакционерным журналам и политическим сплетням. Если это правда, то всем вам стыдно. Дело наше дело верное — и мы одержим победу несомненную. Одна неудача ничего не значит, меня не испугало бы и десять неудач. Дело приходит к развязке, и мы должны соединить все силы, все средства для того, чтобы окончательно победить. Повторяю еще раз, я отдал себя всего этому движению — иду на пан или пропал.

«Помогите же и вы, добрый друг и храбрый мой полковник.

«Дело общее — дайте нам сколько можете, но непременно дайте.

Твой М. Бакунин».

Второе:

«15 октября 1870. Марсель.

«А теперь обращаюсь к вам, добрый друг и храбрый полковник. Все, что вы говорите насчет обязанности русского человека служить исключительно русскому делу, мне кажется несправедливым. Солидарность революционного дела не есть пустая фраза, а истина живая, вытекающая из непреложного факта, но именно, что теперь нет и быть не может отдельных и уединенных национальных революций. К тому же, любезный друг, я давно принадлежу интернациональному делу, и мне было бы стыдно, если бы не принял участия в движении, от исхода которого зависит участь целой Европы, а следовательно, и России. К тому же возвращаться назад не люблю, — пошел — значит иди вперед на пан или пропал. Прибавлю, однако, что я согласен скорее пропасть, чем быть таким паном, как пан Тхоржевский.

---

[1]) Подробный отчет Романа об этой его поездке в Лион см. в приложении I.

[2]) Озерова я не видел. О моем отъезде в Лион Бакунин не был уведомлен. Просил Ог(арева) не писать. Прим. Романа.

«Письмо к братьям прилагаю и прошу вас, друзья, переслать его, но с соблюдением всевозможной осторожности.

Твой М. Б.».

«Прилагаю здесь письмо Бакунина к братьям, — добавляет Роман, — я взялся его доставить, якобы при посредстве одного известного мне в Петербурге банкира, и написал даже коротенькое письмо, которое показал сегодня же Огареву. Прошу вас (III Отделение) отправить представляемое письмо по почте».

Просьба Бакунина была и в данном случае в точности исполнена. Представляя отчет Романа и подлинное письмо Бакунина Шувалову, Филиппеус в сопроводительной записке иронизировал: «Не воображает старый революционер, вероятно, что III Отделение доводит любезность в отношении к нему так далеко, что даже наклеивает марки на его письма к братьям». Письмо было отправлено по назначению.

Лионское восстание потерпело крушение. Все вожди его или поспешили покинуть город, или частью были арестованы. Ни один серьезный революционер, кажется, в последующие недели расправы не собирается туда, а III Отделение еще все продолжает искать там Нечаева; и Роману в очередных своих донесениях невольно приходится возвращаться к Лиону.

ГЛАВА XI.

Последние старания «издателя».

Лионское восстание завершает самый бурный и занимательный период успешной деятельности бесконечно преданного делу агента. После, насколько можно судить по имеющимся матералам, наступает закат его чрезвычайно ответственной сыскной деятельности.

«Храброму кавалерийскому полковнику» постепенно вырисовывается обратный путь на родину, где его, как ему должно было казаться, поджидали и большие награды, и столь долгожданная, улыбавшаяся ему карьера.

После восстания Бакунин скрылся на некоторое время из-под его наблюдения. И теперь, после того как Роман несколько месяцев жил и работал дружно и в согласии с III Отделением, между ними снова, как в апреле, возникают разногласия. Он продолжает сосредоточивать свое внимание на Бакунине, а III Отделение упорно добивается указаний относительно Нечаева. Оно предлагает ему отправиться в третий раз в Лион — пристанище, якобы, таинственного Нечаева. Роман же понимает, что ехат туда теперь бесцельно. Он в донесении от 29 октября

старается доказать бесполезность новой поездки в Лион. Его идея состоит в том, чтобы «ехать в Марсель к Бакунину и его уже не покидать до тех пор, пока спокойствие не восстановится, или пока вы не изволите приказать оставить его; а быть при нем значит знать всякую минуту обо всем, что будет делаться в кругу революции, которая после занятия немецкими войсками Лиона обратится с полною силою против пруссаков, открыв свое седалище на юге, т.-е. в Марселе, Бордо и Тулоне. То, что я вам имел честь доносить месяц тому назад, сбывается: пример Лиона заразил Марсель и Бордо, оба города пытались уже провозгласить себя независимыми коммунами, о чем говорил мне и хозяину гостиницы приехавший из Марселя тамошний купец, как равно и о том, что в Лиможе он слыхал об образовании какого-то общества, которое будет иметь целью убийство не только Наполеона и короля прусского, но постепенно истребление всех коронованных особ. Среди русских революционеров я об этом еще ничего не слыхал, а потому и не знаю, насколько можно дать веры этому слуху. В одном, быть может, вы изволите со мною согласиться: что если революция разыграется во Франции серьезная (а она непременно разыграется), то она неизбежно выработает фанатические личности и крайнюю демагогию. Самое деятельное в ней участие примет, конечно, Бакунин, если уцелеет до тех пор».

Круто поворачивая на Бакунина, Роман оговаривается, что не ручается за то, что Бакунин в Марселе. Это только его мнение, но найти его нужно и должно.

«От Бакунина нет писем и известий» и 1 ноября, но «не успел я еще сдать это письмо на почту, как зашел ко мне пользующий меня доктор (Стелла, наш бывший офицер генерального штаба Савицкий) и говорил мне, что вчера m-me Герцен ему передала, что Бакунина все-таки арестовали в Марселе. Если бы это оправдалось, то, я думаю, в Марселе, где меня никто не знает, я бы под благовидным предлогом мог бы с ним повидаться».

Пока до III Отделения дошел новый проект Романа, он, продолжая томиться отсутствием сведений от Бакунина, 8 ноября получает неожиданно от него письмо из Локарно:

«Сегодня [1]) я получил от него письмо из Локарно от 5 ноября. Вот его копия:

«5 ноября 1870. Локарно.

Верный мой друг и храбрый полковник, спасибо за дружбу и письмо. В Марселе революционное движение только распаливалось, а еще не разыгралось, вследствие чего реакционерное Турское правительство не потеряло еще в нем своей официаль-

[1]) Донесение от 8 ноября 1870 г.

ной силы. Пользуясь этою силою, оно выслало и Марсель полицейского нарочного агента с двумя аколитами, именно чтобы отыскать и арестовать меня,— я два раза менял квартиру для избежания неприятной встречи. А денег, по старому обычаю, у меня не было. Худо, брат, прятаться, когда нет денег в кармане. Опасно и бесполезно; вследствие чего, посоветовавшись с тамошними друзьями и заняв через их посредство 100 р., я решился удалиться на время, сделав решительно все, что я мог сделать в Марселе при таких обстоятельствах для пользы дела и согласившись с ними крепко в том, что лишь только начнется настоящая революция, они мне дадут знать, и я опять очутюсь между ними. А теперь пользуюсь промежутком для обработки брошюры, которой придаю некоторую важность. Вот тебе, мой милый друг, и полное объяснение. А затем — обнимаю тебя и прошу писать. Спасибо за пересылку письма в Россию.

Твой М. Бакунин».

«Скажи Огареву, чтобы он написал сейчас же Гильому адрес Чернецкого, дабы Гильом мог отсылать ему прямо поправленную им корректуру.

Смотри, не забудь».

«Вместе со мною получили письма: Огарев, Озеров и Жуковский. При письме к Огареву (в сущности, того же содержания, что и мое, только с подробным описанием путешествия Бакунина из Марселя в Локарно через Ниццу) приложена рукопись брошюры, о которой говорится в письме ко мне, с поручением напечатать ее тотчас у Чернецкого, отсылая корректуры для исправления языка к Гильому в Невшатель. Я ее не успел прочитать, но по первому листу могу судить, что она будет говорить о лионских беспорядках, об участии в них Бакунина и о необходимости поголовного восстания во Франции. Написана брошюра снова в форме письма, с пометкою «le 29 Septembre 1870. Lyon» [1]).

Вывод Романа — простой: учредить «фундаментальное за ним (Бакуниным) наблюдение». Предложение Романа, однако, не было одобрено, и он был вызван в Петербург (а может быть, поехал по своей воле, так как до него дошли сведения о смертельной болезни его жены). В течение нескольких дней он лично объяснялся с начальством, и в результате переговоров генерал Ник. Вл. Мезенцев «изволил мне выразить, что специальное мне назначение есть отыскание Нечаева». Похоронив жену, Роман возвращается в Женеву. По приезде туда, приблизительно числа 12 декабря, он застал уже записку,—вероятно, от Филиппеуса,— о том, что Нечаев будто бы находится в Женеве. Сведениям

---

[1]) Среди опубликованных Драгомановым писем Бакунина к Огареву пробел от 16 октября до 19 ноября.

таким он пока не доверяет, обещая в скором времени выяснить это.

«Пока, — добавляет он [1]), — я видел только в течение не более получаса Огарева, Озерова, Тхоржевского и Чернецкого. Первого я застал в самом плачевном состоянии здоровья,— с ним был новый припадок эпилепсии, до того сильный, что он не встает с постели уже 2 недели . . . Бакунин находится в Локарно. Я ему написал письмо, и легко быть может, что я сам к нему поеду, когда увижу, что здесь делать нечего, будет по вопросу о Нечаеве».

В промежуток от 14 до 20 декабря «ничто почти не изменилось в положении дел», и «от Бакунина письма еще нет». Оно пришло через два дня. 22 декабря он сообщает в копии следующее к нему письмо Бакунина, пересланное через Озерова:

«18 декабря 1870.

«Ну, здравствуй, храбрый полковник. Поздравляю с добрым приездом и сохранением здравия в путешественных передрягах. Поздравляю тебя особенно с тем, что посещение России не только не отбило у тебя и не убило в тебе охоты участвовать в добром деле, но, кажется, еще более усилило ее. Тем лучше. Чем сильнее будет в тебе эта охота, тем живее будет связь между нами. Потому что, ты знаешь, вне этого дела для меня нет ни интереса, ни жизни. Ты горюешь о том, что не знаешь, как и с какого конца приняться за дело. Э, брат,— лишь бы охота была серьезная, найдешь, наконец, и свою собственную дорогу, именно ту, к которой ты наиболее способен и наиболее будешь полезен, а в наших советах и помощи недостатка не будет, лишь только убедимся, что ты не надуваешь самого себя от нечего делать, как это делает $^{99}/_{100}$ в нашем блудном дворянском и имущем сословии. А в настоящее время русско-славянское дело прибрало много, наступает вновь пора для горячего, но, разумеется, также и разумного действования в России. Но письменно распространяться не стану. О таких вещах не пишется, но говорится с глазу на глаз или только в самом тесном кругу. А я, брат, работаю пуще прежнего не только по интернационально-революционному, но и по славяно-русскому революционному делу, это — мой хлеб насущный. Сижу в своем углу, в своей Украйне, как мы называем Локарно,— и вяжу втихомолку свою паутину. Хочешь посмотреть поближе на мою работу, — приезжай ко мне. Правда, теперь через горы ехать не трудно, а холодно. Да ты, без сомнения, запасся шубою и теплыми сапогами, можешь взять на дорогу водочки, ну и не замерзнешь и приедешь ко мне цел и невредим;

---

[1]) Донесение от 14 декабря 1870 г.

к тому же тебе, русскому храброму полковнику, к холоду не стать привыкать.

«Да что толковать об этом — ведь ты не поедешь: здесь не найдешь ни роскошного обеда, ни тонких вин. Письмо тебе передаст Озеров, так как мне твой адрес неизвестен. К тому же это даст тебе случай убедиться, что он отнюдь (неразборчиво). Сколько мне известно, он питает к тебе искреннюю симпатию. А то, что ты мне пишешь о моем старом друге Огареве, чрезвычайно огорчило меня: я глубоко люблю и уважаю этого старика, моего ровесника и последнего свидетеля нашей общей прошедшей юности. Умри он — и я останусь один, как последний могиканин умершего поколения. Ты, брат, смотри, как можно чаще навещай его. Ведь он тебя очень любит.

«Ну, брат, теперь поговорим о моих делах. Несмотря на все твои старания, от братьев я не получил еще ни копейки, вследствие чего дошел просто до невозможного положения. Как ни дешево жить в Локарно — по крайней мере вдвое против Женевы, — но я дошел до конца своего кредита, так что скоро откажут давать в долг весьма простой провиант, которым мы здесь существуем, и тогда — тогда я уж и не знаю, что делать. Мне теперь до зарезу нужны 500 фр. Знаешь ли что, хочешь дать мне доказательство верной и прямой дружбы? Дай их мне взаймы. А я дам тебе расписку на них и на 250 фр., взятых мною на поездку в Лион, на имя братьев, с требованием, чтобы они немедленно выплатили их тебе из моей части имения. Ты часто ездишь в Россию, тебе будет легко или непосредственно, или через друга — только, прошу тебя, через совершенно верного человека — вытребовать с этою распискою в руках всю сумму от братьев. А мне ты окажешь этим неоцененную услугу. Если не можешь вдруг выслать 500 фр., то вышли сначала 300, которые мне решительно теперь необходимы, — а потом остальные двести. Сделай это, друг, если можешь, — а я надеюсь, что можешь, а потому и верю, что сделаешь. Только, прошу тебя, об этом никому ни гугу, пожалуй, кроме Огарева и Озерова, и особливо ни слова твоему приятелю и товарищу по старческому разврату, пану Тхоржевскому. Он разболтает всем, злостно расположенный ко мне пан, — а мне уж надоело быть предметом чужого разговора.

«Итак, буду ждать твоего ответа, а до тех пор — обнимаю тебя и благословляю на добрые намерения, а еще более на дела.

Твой М. Бакунин».

«В виду восточно-славянского вопроса и намеков на горячее действование в России» и сохранения с ним сношений, Роман «решился: 1) послать ему 300 фр., отказав в 200, и 2) поехать к нему, но не сейчас, ибо мог бы выказать тем торопливость;

я соединю эту поездку в Локарно с поездкою в Марсель, если получу на то ваше согласие. В такой обстановке дела прошу вас видеть полное желание мое исчерпать до дна все средства к открытию Нечаева и к узнанию, какие нелепые намерения возымела снова конспирация на Россию. Во всяком случае дело должно быть не без пользы. Что Бакунин просит денег, то этому я нисколько не удивляюсь, он всю свою жизнь был таков с Герценом, — не стало Герцена — явился я. А отношения сохранить необходимо».

III Отделение не нашло для себя нужным «сохранить отношения», и к началу следующего, 1871, года определенно намечается конец деятельности Романа. 5 января он сообщает, что «третьего дня пришел ко мне Огарев с коротким письмом от Бакунина [1]), в котором сей последний благодарит меня за присланные ему при посредстве Огарева 300 фр. и обещает писать пространнее. Действительно, сегодня утром я получил довольно длинное письмо, первая половина которого посвящена исключительно желчным нападкам на Тхоржевского, не лишенным, впрочем, правды, но не имеющим никакого политического смысла и интереса, а потому я их опускаю».

Копия.

«27/15 декабря 1870 г. Локарно.

«Перехожу теперь к другому пункту. Ты пишешь мне, что не просил ни помощи, ни совета, так что я оказываюсь человеком, навязывающим тебе и то и другое. На это я скажу тебе одно: мы все, желающие делать дело, нуждаемся и в помощи, и в совете, потому что ни один, будь он хотя семи пядей во лбу, своими изолированными силами ничего доброго сделать не может. Твое дело решить, с кем ты хочешь делать. Если хочешь с нами, милости просим, но в таком случае, мой милый друг, нам необходимо поближе познакомиться не только лично, но и политично. Ты знаешь, чего мы хотим, наша программа тебе более или менее известна, — но чего именно ты хочешь в политике, я до сих пор этого еще не знаю. Знаю, что ты искренно и глубоко недоволен настоящим порядком в России, но не знаю, каким другим порядком ты считаешь желательным и возможным его заменить, и какие пути тебе кажутся самыми разумными и верными. Веришь ли ты монархической конституции и веришь ли в возможность ее осуществления путем мирной правительственной уступки, вследствие финансовых затруднений, или путем народной агитации? Хочешь ли Всероссийской республики или, как мы, распадения империи и возобновления России посредством вольной федерации областей? Наконец, как относишься ты

[1]) Копию письма он не сообщил в III Отделение.

к социальному вопросу? Вот вопросы, на которые прошу тебя ответить, и тогда нам будет легко определить, должны ли мы, и до какой степени, работать вместе. До сих пор я убежден в одном, — что ты имеешь много личной искренней и доброй симпатии к Огареву и ко мне, и глубоко ценю эту симпатию, но, насколько она распространяется на наши политические и социалистические стремления, то мало знаю. Вот почему, мой друг, я желал видеться с тобою, для того, чтобы обстоятельным, дружески-откровенным разговором определить и выяснить все это до конца. Письменным путем сделать это гораздо труднее, и совершенно ошибочно ты рассуждаешь, говоря, что если ты доверяешь кому на словах, то доверяешься ему и в письме, — чем больше я живу и вникаю в самую глубь дела, тем более я убеждаюсь, что об обстоятельствах дела и о людях, занимающихся им, следует писать к самым близким и тесно связанным людям только посредством шифра, такого, которого бы, кроме их, никто бы прочесть не мог. И несмотря на эту осторожность, я требую от всех друзей, чтобы они немедленно жгли письма по прочтении, да и сам делаю то же, — столько людей в России и заграницею погибло без пользы только вследствие письменных неосторожностей . . .

«А ты, храбрый полковник, не сердись и люби попрежнему твоего старого воркуна и друга.

М. Б.».

В том же донесении Роман ставит крест на Нечаеве. Вот что он пишет о нем: «Где же он? Это вопрос, который положительно решить теперь не могу». А дальше:

«Что же касается до Нечаева, то положение, которое приняло дело после разрыва его с Бакуниным и Огаревым, требует уже теперь способностей специального сыщика, которыми, сам сознаюсь, я не владею в достаточной степени, да к тому же приложение мною этих способностей вне сферы Бакунина и Огарева могло бы теперь, в случае неудачных поисков, не только временно, но и навсегда испортить дело, за исключением одной поездки в Марсель, куда я проеду, а на обратном пути в Локарно. Во всяком случае могу вас заверить, что я здесь оставлю дело в таком положении, что отъезд ничего не испортит. Я обещал вам при первом моем отправлении заграницу тотчас написать откровенно, когда пребывание мое здесь сделается бесполезным и ненужным. Исполняю теперь мое обещание».

Решительно признав свое бессилие в дальнейших поисках Нечаева, Роман, естественно, вынужден был покинуть Женеву. За время, проведенное им заграницей после отправления предыдущего решающего письма его, он написал еще несколько писем

Филиппеусу, из которых в нашем распоряжении только три: от 7 января, 30 января и 10 февраля.

В первом из них Роман сообщает в копии записку «самого невинного содержания», полученную им от Огарева:

«5 января.

«Ну, полковник, мы ежедневно все к тебе собирались, и я все откладывал, потому что нога устает скользя. Теперь, кажется, становится лучше. Можно завтра часу в 4-м к тебе притти с Мери? Если да, то ничего не отвечай, а если нет, то напиши строчку, когда лучше. Дела, кажется, идут попрежнему, по крайней мере во всем новом мне даже ничего нового не видится. Жму тебе руку.

Преданный Огарев».

Свидание состоялось. О разговоре Роман сообщает мало:

«Объяснились в разговоре нашем и последние слова записки Огарева — им же самим: дела эмиграции в самом дурном положении, кредита и доверия политического нет, приезжающие русские бегают от эмиграции, связей в России нет никаких, людей и средств для пропаганды нет, — словом, дело пропало. А между тем, надобно сознаться также, — продолжал Огарев, горячась и стуча костылем, — что мы всю свою жизнь работали и терпели без пользы — напрасно. Когда я заметил ему, что Бакунин, однако ж, не отчаивается, то Огарев сердито отвечал, что «ты очень хорошо знаешь, чем кончилась несчастная Лионская революция, чем кончилось задуманное им распадение Австрийской империи, — так у него, несчастного, кончается все. Вот он и теперь надеется, что можно будет поднять в России народ местностями, когда она будет вовлечена в войну, лишь бы Польша снова восстала. А между тем он не думает о том, что у нас нет ни людей, ни средств. Он хочет сделаться разумным Пугачевым, как говорит».

«Все это я передаю вам, насколько я мог запомнить, почти буквально.

«Когда у нас речь зашла, по поводу последних слов записки Огарева, об упадке политического кредита эмиграции, то коснулись, конечно, свежего виновника этого упадка, Нечаева, и на этот раз мне пришлось совершенно кстати спросить о теперешнем его пребывании. Ответа Огарева я ждал, точно приговора жизни или смерти. И вот что он категорически ответил: «теперь сам чорт, не только мы, не знает, где он, что, впрочем, немудрено, ибо мы знали тогда только его местопребывание, когда он был в Женеве, — только раз, и то совершенно случайно, я знал, что он в Локле. Писал он мне из Парижа, был в Лионе и Марселе, но никто из нас не знал точного адреса, даже еще до разрыва» . . .

Второе донесение написано после возвращения из Марселя. Нечаева он там, конечно, не застал. «Поиски мои за Нечаевым были напрасны. Я испытал все средства». По дороге, 11/23 января, он имел свидание в Берне с Бакуниным, о котором передает следующее:

«В состоянии его здоровья я застал большую перемену,— он очень осунулся и жаловался на опухоль и боль в ногах. Он подал мне руку и, долго не выпуская ее, благодарил меня за то, что я не забыл его, старика больного. Я пригласил его к себе обедать, он пошел, тяжело переступая и дыша. За обедом почти ничего не ел и не пил, а после обеда лег у меня же отдохнуть и проспал до чая. За чаем мы разговорились. Он просил меня усердно быть осторожным в России и возвратиться «к ним», устроив дела мои по опеке; к этому он добавил, что я оказал бы «им» неоценимую услугу, если бы побывал в Приволжском крае и убедился в действительном настроении умов всех классов народа. Я отвечал, что если возвращусь, то не думаю поселиться в Женеве, иезуитское настроение которой мне надоело, а насчет поездки «я посмотрю».

«Мы много, много говорили о возможности и невозможности переворота в России без участия правительства. В вопросе невозможности Бакунин часто соглашался со мною, но бесконтрольную монархическую власть решительно отвергал, хотя и не очень крепко стоял за «вольную федерацию областей». Теперь, однако ж, — говорил он,—ненадобно упускать хорошего случая, и что выражение его в письме ко мне «пора горячего и разумного действования в России» значит: 1) Действовать на Волге и Урале посредством пропаганды, в то время когда правительство будет занято войною, которая, по мнению Бакунина, неизбежна. 2) Пропагандировать среди австрийских славян даже в пользу русского правительства, в видах распадения Австрийской империи (старая задушевная мысль Бакунина). Потом уже, когда русское правительство, по обширности своих владений, не в состоянии будет управиться со всеми славянами, — тогда поднять их же против правительства и направить их действия к достижению свободы. 3) Пример падения Французской и Австрийской империй, поднятие славян, — все это, по мнению Бакунина, должно окончательно решить революцию, подготовленную на Урале и Волге, и повести к падению Российской империи.

«Все это Бакунин старался говорить вразумительно. Но на вопрос мой,—где люди, где средства?—отвечал, что от этих двух недостатков страдает все дело; впрочем, Бакунин надеялся, что обстоятельства должны выработать и то и другое.

«Мы расстались за полночь, при чем Бакунин выпросил еще у меня 60 фр. и просил непременно обещать ему побывать у его

братьев и побудить их отвечать на его последнее письмо, посланное им теперь из Берна по почте. Я обещал.

«Прощаясь со мною 24 числа, старый конспиратор плакал как ребенок».

Наконец, в последнем своем донесении Роман упоминает о деньгах, ожидаемых им на обратную поездку в Россию. «В русской эмиграции, попрежнему, тихо и спокойно. Огарев хворает все чаще и чаще», — заверяет он Филиппеуса.

«Мемуары» князя Долгорукова он издал, Бакунина и Огарева «обработал», конечно, не без реальной пользы для III Отделения, Нечаева не поймал. Стало определенно известно, что между Бакуниным и Нечаевым легла пропасть, и, следовательно, «фундаментально наблюдать» за первым из-за второго бессмысленно.

Все это сказывается на ближайшей судьбе «издателя». Он покидает Женеву и возвращается истрепанный и с расстроенным здоровьем на родину.

Вместо начала наступил конец его карьере. Вскоре, в январе 1872 г., Роман числится уже в списках умерших. Судьба улыбнулась ему. Ему не пришлось пережить дни терзающей зависти, когда с помощью другого предателя — эмигранта Адольфа Стемпковского — Нечаев был пойман и выдан России.

«Издатель Постников» в Лионе во время восстания.

(Два донесения.)

Роман дважды был в Лионе. В первый раз он туда направлялся 27 сентября (н. с.) вечером и прибыл в полдень 28 числа, оставаясь там до вечера следующего дня, 29 сентября. Выехал он по приглашению Бакунина, чтобы отвезти ему печатавшуюся в Невшателе брошюру «Письмо к французу» (см. стр. 101—105). Первое его донесение, написанное в Женеве по возвращении из Лиона, приведено выше (стр. 10[illegible]). «Подробности завтра», — писал он в том письме, помеченном 30 сентября. 1 октября он писал следующее, что было в свое время доложено Александру II:

«В полдень 28 числа я приехал в Лион и, к крайнему моему изумлению, не застал на станции Озерова, так что в первый момент я пришел в недоумение, что делать; но на этом я не хотел останавливаться и сел в омнибус «Hôtel Célestin». По дороге я уже начал догадываться о причине отсутствия Озерова и о том, что творится в городе: везде раздавался барабанный бой, garde mobile, garde nationale и толпы блузников, кто вооруженный, а кто и нет, бежали с разных сторон. Я спросил у кондуктора о причине, — он покачал головой и ответил, что, вероятно, работники возмутились. Омнибус не мог далее следовать, толпа преграждала везде, а потому я пошел за толпою пешком, с намерением отправиться на квартиру к Паликсу (где жил Бакунин) и избавиться от брошюры, что я и сделал. Замечательно, что толпа блузников двигалась без крика, даже в большем порядке, нежели garde nationale, которая то пела, то кричала «vive la république». Паликса я не застал, была дома лишь его жена. Я сказал ей слово «Antonie», и она просила меня зайти. Первым движением моим было избавиться от брошюры. Плачущая, трепещущая, она передала мне, что муж ее, Бакунин, Озеров и Ланкевич теперь, вероятно, с народом на площади перед Hôtel de Ville, которым решено сегодня овладеть, и что она ничего еще не знает. Понять было нетрудно, что революция разразилась. Не желая более оставаться с перепуганной женщиной, я, однако ж,

не забыл главной своей цели и спросил ее, не знает ли она моего компатриота Нечаева, на что она мне ответила, что недели две тому назад к мужу приходил какой-то молодой русский из Лондона, говоривший худо по-французски, но имени его она не знает, и с тех пор он более не приходил. По описанию нет никакого сомнения, что это был Нечаев.

«Выйдя от Паликса, я сам не знал еще, на что решиться, но, попав в новую толпу и влекомый любопытством видеть на самом деле вблизи революцию, я пошел за нею и очутился, таким образом, на площади перед Hôtel de Ville, на балконе которого я тотчас узнал Бакунина и еще каких-то двух неизвестных мне лиц. Как после я узнал, это были депутаты рабочих: Клюзере, провозглашенный генералом, и Сень, — последователь Барбеса. Оказалось, что эти господа и еще несколько лиц явились в Hôtel de Ville под предлогом переговоров с членами муниципалитета. Непропущенные часовыми в залу, они бросились на них, обезоружили и, выломав замок, вошли в залу и затем явились на балкон и объявили толпе (тысяч шесть), что муниципалитет, префект и мэр арестованы и что народное правление провозглашено. Оказалось также, что толпу эту привел и возбудил Бакунин, и без него ничего бы не сделалось. Толпа держала себя довольно тихо, но вот явилась рота национальной гвардии, встреченная свистом, и вошла во двор. Здесь произошла небольшая драка, но выстрелов не было. После появления этой роты на дворе, на балконе является Сень и объявляет народу, что Клюзере арестован, приглашая народ итти на его освобождение. Народ ринулся к воротам, но при появлении его рота взвела курки ружей, и толпа остановилась. Сделай рота один лишь выстрел, и уличный беспорядок принял бы характер кровопролития, но рота разумно от этого удержалась.

«Отодвинутая назад толпа при помощи лишь взведения курков, видимо, струсила, многие разошлись. Некому было более уговаривать, она потеряла энергию; ружья хотя у некоторых и были, но не было зарядов. Garde mobile была в это время просто immobile, — стояла спокойно, куря трубки и шутя.

«Одновременно с этим двери балкона заперлись и, как впоследствии оказалось, вследствие арестования Бакунина, Ришара, Сень и проч., за исключением Клюзере, который успел уйти чрез задние ворота и не запер их, что дало возможность войти во двор Hôtel de Ville двум батальонам национальной гвардии и вывести из подвалов попрятавшихся туда членов муниципалитета, префекта и мэра. Префект в сопровождении национальной гвардии вышел на площадь в самую середину народа и, не стесняясь, объявил, что он получил от временного правительства приказание по телеграфу употребить для восстановления общественного спокойствия самые энергические меры военного вре-

мени, но что он из этого не сделает никакого употребления, ибо народ, вероятно, разойдется. Толпа, уверенная, что Клюзере не арестован, начала расходиться, с криком однако ж: Vive la république! A bas les bourgeois!

«Часов в 9 вечера спокойствие было восстановлено, и уличной революции как будто не бывало. Кафе были закрыты. По дороге мне попадались только толпы возвращавшегося народа и патрули. Я отправился в гостиницу, где у меня даже не спросили имени и кто я.

«Я остался 29 числа в Лионе, решившись узнать еще более подробностей о катастрофе, об участии Бакунина, а главное, имея в виду желание графа Петра Андреевича Шувалова, — не упустить случая разведать что-либо обстоятельно о Нечаеве от самого Бакунина. Утром 29 числа все было тихо, магазины все заперты, как будто снова чего-то ждали, но прокламация префекта, появившаяся около 12 час., успокоила всех, и магазины открылись. Я возвратился в гостиницу, где обедал за табль-д'отом, а потом пошел тут же рядом на площади против театра Célestin в Café Célestin. По слышанным мною здесь и в гостинице рассказам, оказывается: 1) Всю вину беспорядков складывают на Бакунина, — он увлек рабочих с укреплений Лиона обманом, обещав им увеличение платы и уменьшение рабочих часов, как равно и часть той суммы, которая, в случае успеха, взята будет у богатой буржуазии. 2) Цель революционеров была, завладев Hôtel de Ville, захватить всех членов муниципалитета, префекта, мэра, городские печати и оружие, которое раздать народу и одной роте franc-tireurs, тоже обманутой. При помощи городских печатей издать мандаты для завладения городскими суммами и для ареста командира военных сил Мазюра. Говорили, что печати были уже в руках революционеров и кто-то (по всем вероятиям, Бакунин) подносил Клюзере подписать мандат на выдачу городских сумм, но тот побоялся и отказал подписать. 3) В решительный момент никто из французов не решился вести толпу, — повел ее Бакунин. 4) Бакунин ночью 28 числа якобы ушел из-под ареста, но здесь его нет, как равно и Озерова, и нет о них никакого известия. 5) Освобожденный Клюзере снова арестован. Вообще общественное мнение, особенно буржуазии, сильно возбуждено против возмутителей. Ожидают таких же беспорядков в Марселе и Тулоне.

«В 9 часов вечера я зашел к Паликсу. Жена была в слезах, сказала, что муж ее и Бакунин арестованы, ибо до сих пор не приходили» [1]).

---

[1]) Бакунин был арестован и к вечеру освобожден революционным народом. Переночевав в Лионе, он на следующий день уехал в Марсель. См. стр. 105.

Во второй раз Роман отправился в Лион 10 октября по требованию, надо думать, III Отделения, настаивавшего на том, что в Лионе будто бы скрывается Нечаев. В эту поездку агент оставался в Лионе целую неделю. Подробное описание своих лионских переживаний он прислал из Женевы. Донесение он начал писать 19 октября, но «Огарев мне помешал; отправляю его сегодня, 20 числа». Ни Озеров, ни Бакунин, ни Ланкевич, насколько нам известно, не оставили описаний лионских дней; тем более любопытно донесение Романа. Вот оно:

«Вчера, возвратившись из Лиона, я застал здесь вашу телеграмму, которая, как вы изволите усмотреть, получена здесь 10 числа в 10 час. 20 мин. утра, — день, в который я в 7 час. утра выехал в Лион. Из депеши вашей я с удовольствием усмотрел, что снова предугадал ваше желание. Из Лиона я не решался вам писать, — было бы рискованно, ибо теперь более, чем когда-либо, следят за письмами, адресованными вне Франции. Нельзя себе достаточно ясно представить того беспорядка, того своеволия и бесправия, той анархии, которые происходят теперь во Франции вообще, а в Лионе в особенности, напуганном приближением пруссаков.

«10 числа, как я имел честь вам донести, я выехал в 7 час. утра в Лион, куда благополучно приехал того же числа в 4 часа пополудни. В префектуру итти за Carte de circulation было уж поздно. Я решился остаться дома и в 6 час. вечера пошел к table d'hôte, где застал несколько человек национальной гвардии, которые тотчас же спросили у сомельера, кто я, и остались, как видно, крайне недовольными неведением спрошенного. Главный предмет разговора этих господ был арест генерала Мазюра. Замечательно, что префект арестовал генерала в то время, когда получен был декрет временного правительства о назначении Мазюра начальником дивизии, расположенной в Нанте, и о немедленном его туда отправлении; но префект держал его под арестом до 13 числа и тогда только выпустил по настоянию Гамбеты, не извинившись даже перед ним. Мазюра — тот самый генерал, который на требование народом оружия отвечал, что у него есть оружие не для раздачи им, а для того, чтобы стрелять в них.

«Утром 11 числа я отправился в Conseil municipal за carte de circulation. Тот страшный беспорядок, который там существует, невозможно себе представить: это нечто в роде тюрьмы, но с отпущенными на свободу арестантами. Все там кричат одним разом. Вход к префекту охраняется двумя сидящими и курящими сигары часовыми. Доложить обо мне префекту взялся какой-то негр. Меня тотчас же впустили к нему. Шалемель принял меня очень вежливо (я был одет по-буржуазному, в перчатках), принял от меня паспорт и в отношении моей личности спросил только, долго ли я намерен остаться в Лионе и где я оста-

новился. Получив мои ответы, он позвонил и приказал тому же вбежавшему негру позвать какого-то citoyen, за которым я и последовал, раскланявшись с префектом. При выходе часовые меня остановили, но бывший снова тут же негр сделал им жест рукою, и меня пропустили. Видно, негр играет немаловажную роль. Смешно!

«Citoyen - чиновник, выдав мне carte de circulation, за подписью префекта, на 10 дней, оставил у себя мой паспорт. На carte я, в свою очередь, назван был citoyen russe. Из префектуры я отправился, с осторожностью, на квартиру к Palix, где застал снова жену сего последнего и больного Ланкевича. Сам Palix был в St.-Etienne.

«Прежде точного и последовательного изложения хода дел, я обязываюсь изложить то, что в это и последующие мои с Ланкевичем свидания я узнал от него о Нечаеве. 11 числа у нас не было об этом разговора, но происходил он 12 числа. Всеми нашими действиями часто руководит случай. 12 числа я пришел навестить Ланкевича. Он был один, я высказал ему большое сочувствие, он, видимо, мне верил, я дал ему 20 фр. на лечение, он еще более расчувствовался и, по свойственному полякам характеру, стал болтлив. Перейдя от Бакунина к русскому делу, мы добрались до Нечаева. Помню очень хорошо, что первая моя фраза была в этом роде: «это такой для меня миф, о котором я слыхал так много противоположного, что не могу себе составить о нем ясного понятия». — Огонь мой попал хорошо в масло, и Ланкевич пересказал мне о Нечаеве не только то, что знал сам, но что слыхал о нем от Бакунина и Озерова. Вот его рассказ:

«В половине сентября явился к Паликсу весьма таинственно молодой человек и передал ему рекомендательное письмо от одного из членов лондонского интернационального общества, при чем он сослался на Бакунина и Огарева и говорил, что приехал так или иначе принять участие в революционном движении. Объясняется он довольно плохо по-французски и, узнав, что Ланкевич поляк и знает русский язык, он разговорился с ним и, не сказав своей настоящей фамилии, прежде всего спросил у него о Бакунине, на что Ланкевич ответил ему, что ждет его на-днях в Лион. На другой день он снова зашел и оставил запечатанный пакет на имя Бакунина. В первый же день он угощал Ланкевича обедом, при чем он заметил у него довольно много денег, что не согласовалось с его костюмом. После обеда он просил Ланкевича свести его на почту, где он спрашивал в poste restante письма, но на чье имя, того он не расслышал. Письма не было. Три дня он заходил за Ланкевичем и все его угощал, не говоря своего адреса. До приезда Бакунина ни Palix, ни Ланкевич не знали, что это Нечаев. Вообще говорил он много и высокопарно, как школьник, и относился в последний день с большим

недоверием к французской революции, говоря, что он отказывается теперь принять в ней какое-либо участие, убедившись на месте в ее несовременности и неуспехе. Приехал Бакунин и пришел в ярость по вскрытии пакета. Тут Ланкевич только узнал, что это был Нечаев. В пакете была «Община» и письмо к Бакунину, в котором он говорит, что участие его во французской революции убеждает его, Нечаева, еще более во всей непрактичности Бакунина, и что он, видя себя обманутым и уйдя раз от русской полиции, не желает попасть снова в руки французской, что легко могло бы с ним случиться, если бы он послушал Бакунина, а потому он оставляет Францию [1]) и предлагает писать ему, но не иначе, как с приложением денег, по адресу, обозначенному на газете. Впоследствии оказалось, что он был и у Альберта Ришара и интриговал против Бакунина. После трехдневного посещения своего Нечаев исчез. Бакунин написал ему ругательное письмо.

«Кроме этого, Ланкевич мне передал, что от Бакунина же он узнал, что от Нечаева могла быть польза лишь та, как от отчаянной головы, но что, в сущности, он оказался мерзавец. Когда Нечаев прибыл заграницу, то выдал себя за эмиссара сорганизованных в России революционных кружков и в доказательство представлял полученные им с разных концов России письма; так точно, как выдавал себя в России за заграничного эмиссара. А между тем письма эти, как оказалось впоследствии, были подложны; Нечаев в России воспользовался разными конвертами, а письма сочинял сам. Объявив Бакунину и Огареву, что лиц, составляющих кружки, он назвать не в праве, он заверил их, что ему нужно только пробраться в Россию, и восстание вспыхнет. Они ему поверили и дали последние деньги фонда, береженного Герценом; в этом случае Герцен был обманут или, лучше сказать, м-ль Герцен, имевшая деньги в руках. Заручившись, таким образом, нравственным и материальным капиталом, Нечаев отправился в Россию, откуда возвратился с полною неудачею, жалуясь на измену, вынудившую его убить одного студента. В сущности же измены никакой не предвиделось, но Нечаеву для своего очищения нужно было убийство. По характеру своему Нечаев до того облекал все в тайну, что от него часто Бакунин и Огарев ничего не могли добиться. Известно им было только то, что корреспонденцию свою он отправлял в Россию через Болгарию и Букарест, где у него был какой-то приятель, бывший московский студент.

---

[1]) В Café Нечаев в последний день был один, как Ланкевич узнал, и, расспросив хозяина подробно о пароходах, отходящих из Марселя в Англию, уехал из Café на железную дорогу с саком.

Прим. Романа.

«Вот те сведения, которые без прикрас передал мне Ланкевич, на основании им виденного и слышанного от Бакунина и Огарева.

«Теперь приступаю к изложению хода дел после вторичного приезда моего в Лион.

«В первый же день Ланкевич передал мне, что он со дня на день ждет Бакунина и не понимает причины его промедления, что правительство выпустило всех арестованных по делу 28 сентября с условием, чтобы они публично отказались от своего предприятия на будущее время, что они и сделали, выпустив прокламацию, но прокламация эта есть только обман, имевший целью прекращение возбужденного процесса. Так оно и сталось. 12 числа ночью было собрание тех же революционеров в salle de la rotonde, и решено 13 числа утром возобновить беспорядки. В 5 час. утра действительно громадная толпа рабочих направилась с фортификационных работ на Ронский мост, занятый однако ж уже национальною гвардиею. Здесь произошла сильная свалка, кончившаяся, однако, без огня. Человек 25 было арестовано, но, благодаря ловкости национальной гвардии, 20 человек ушло. Ночью с 13 на 14 число новые толпы штурмовали квартиру префекта, но были рассеяны национальной гвардиею. Утром 14 числа в 4 часа, когда все еще спало, префект желал втихомолку осмотреть город, и это намерение едва не стоило ему жизни: в коридоре неизвестный человек в него выстрелил, но не попал и успел скрыться. Тем бы дело и окончилось и едва ли бы скоро об нем что-либо обстоятельное узнали, если бы префект в тот же день не расхаживал везде в сопровождении двух гвардейцев. В ту же ночь, т.-е. с 14 на 15 число, начались аресты снова: забрали и больного Ланкевича, о чем я узнал утром 15 числа от m-me Palix, которую неотступно спрашивали адреса Бакунина и Бастелики (до этого последнего таки добрались и арестовали того же числа в Марселе). Она отговорилась незнанием, и ее отпустили: оказалось, что Бакунина ищут по декрету Гамбеты, но m-me Palix надеется, что Эскирос предупредит Бакунина.

«От Palix я отправился на смотр войск, произведенный префектом, вероятно, для рассеяния громко ходивших уже слухов о том, что он ранен. Храбрый префект не был верхом, а пешком, окруженный большим штабом. Нестройные эти полчища, одетые в мундиры, представляли собою верх беспорядка и деморализации. О дисциплине нет и речи, — многие были уже пьяны. Все, что они умеют, это кричать во все горло: «vive la république». С ними справиться пруссакам будет не трудно. Со смотра я пошел бродить по городу, размышляя о том, что делать. Я решил в уме моем ждать Бакунина или самых близких о нем сведений, уверенный, что о Нечаеве ничего более не узнаю.

Весь день 15-го прошел спокойно, я никуда более не выходил. 16-го утром ко мне явились офицер и солдат, объявив, что им приказано доставить меня к префекту. Я просил их показать мне мандат. Они объявили, что я не арестовываюсь, а только «приглашаюсь» к префекту. Если это простой лишь вызов, возразил я, то я обещаю сейчас же быть у префекта без сопровождения. На это логичное мое возражение «пригласители» грубо сказали, что если я сейчас же не пойду, то они меня поведут на веревке (corde). Надобно было уступить грубой силе. Я оделся и пошел. У выхода стояла уже толпа народу и встретила меня свистками. Меня вели пешком, несмотря на мою просьбу послать за экипажем, при чем я говорил, что гемороидальные страдания мои не дозволяют мне ходить пешком. Сопровождавшая меня толпа ругалась и бросала мне в лицо окурки сигар. Я просил офицера оградить меня от этих оскорблений, на что защитник liberté ответил мне: «voyons, ne faites pas des difficultés». Может быть в первый раз в жизни я проклинал свою судьбу. Так прибыл я к префекту, которому представил незаконное мое арестование без мандата. Он ответил мне то же, что и офицер. Видно, хорошее было согласие. Между тем он просил меня подождать. Через час я знал, что значило это подождать. Принесли мой чемодан, и начался обыск как в нем, так и при мне, и, ничего не найдя, начали допрашивать. Заставили писать по-русски и писаное куда-то уносили, вероятно для прочтения, спрашивали, знаю ли я немецкий язык, я отвечал отрицательно; был ли теперь при проезде своем заграницу в Берлине или Пруссии, — тоже отрицательно. На вопрос, зачем я приехал в Лион, я отвечал, что, проездом в Ниццу, жду своего земляка из Берлина. Ничего не добившись, меня посадили в темную каморку, где продержали до вечера, не дав ничего есть. Вечером, часов около 8, меня снова пригласили к префекту, который с сладкою улыбкою объявил мне, что я свободен, извиняясь за «беспокойство», которое было следствием ошибки. Вот как исполняется республиканский декрет никого не арестовывать без мандата. Привод человека под стражею, продержание его целый день в конуре называют «derangement». Я спросил у префекта, могу ли еще остаться в городе, — ответ был: «parfaitement». Но, видно, это дозволение была тонкая уловка с его стороны. Утром очень рано я был у Palix и хорошо сделал, — я ей сказал о моем аресте, а она мне передала, что ее вчера ночью, т.-е. 16 числа, снова повели в префектуру, где ее спрашивали обо мне. Она ответила, что фамилии моей незнает, но что тот русский, о котором, вероятно, ее спрашивают, приходил узнать адрес Бакунина. Я догадался, что дело худо, что надобно уезжать, и, придя в гостиницу, просил приготовить счет. Едва я успел собраться ехать, как за мной приехали на этот раз и повезли снова к префекту, который стал

угрозами меня уверять, что я принимал участие в ночном собрании 12-го числа и что я знаю, где Бакунин. Я отвечал, что я сам спрашивал его адрес у m-me Palix, и очень сожалею, что ничего не узнал, ибо имею к нему поручение от его родных из России. Не знаю, почему такой ответ успокоил префекта, но, тем не менее, он вручил мне паспорт, взял от меня carte и обязал меня в 24 часа оставить город. Вечером того же 17 числа я отправился на железную дорогу, но поезда в Швейцарию более не было. Переночевав в ближайшей гостинице, я рад был убраться 18 числа в Женеву.

«Вот что я вынес, вот какому риску я подвергался. Спокойную совесть мою в исполнении моего долга я искупил этою дорогою ценою, — ценою риска быть расстрелянным, ценою оскорблений, не могущих не оставить во мне самого глубокого впечатления. Ниоткуда никакого утешения, я чувствую себя долго неспособным ни к какой умственной работе».

Арест С. Г. Нечаева в 1872 г.

(Доклад майора Николича-Сербоградского.)

14 (2) августа 1872 г., после усиленной двухлетней погони, агентам III Отделения удалось, наконец, арестовать С. Г. Нечаева в Цюрихе. Адольф Стемпковский — польский эмигрант, один из немногих цюрихских знакомых Нечаева, — назначил последнему в тот день свидание в ресторане, расположенном на окраине города. Здесь, в ресторане, совместно со Стемпковским поджидали Нечаева и переодетые чины швейцарской полиции. Придя в ресторан, Нечаев был тотчас же арестован, скован наручниками и отправлен в местную тюрьму, а немного спустя выдан, как «уголовный» преступник, России.

Розысками Нечаева в Швейцарии перед арестом его, как и самым арестом, непосредственно руководил адъютант шефа жандармов майор Николич - Сербоградский, снабженный на то чрезвычайными полномочиями. В Швейцарию Николич-Сербоградский прибыл 31 июля (н. с.) 1872 г. и тотчас же принялся, согласно полученной им в Петербурге подробной инструкции, за выработку плана ареста Нечаева. В архиве III Отделения сохранился в высшей степени интересный и подробный рапорт Николича-Сербоградского, отправленный им из Интерлакена 7/19 августа 1872 г. шефу жандармов графу П. А. Шувалову, в котором он шаг за шагом описывает как все обстоятельства, предшествовавшие аресту Нечаева в Цюрихе, так и самый арест его.

До сих пор о событии 14 (2) августа 1872 г. мы знали, главным образом, из беглых воспоминаний анонимного очевидца, напечатанных в «Былом», и отчасти из воспоминаний З. Ралли[1]). Эти источники дают более или менее верное представление о картине ареста Нечаева, внешнее, так сказать, описание

---

[1]) См. ст. Д—ъ «Арест Нечаева в Цюрихе» и Земфира Ралли-Арборе «С. Г. Нечаев» (по личным воспоминаниям), помещенным в кн. VII «Былого» за 1906 г.

его, но зато совершенно обходят молчанием все обстоятельства, предшествовавшие этому исключительному событию, вызвавшему в свое время столь много шуму в Европе и России. Обоим авторам остались неизвестными закулисные перипетии этого дела.

Этот пробел восполняется рапортом Николича-Сербоградского, написанным не только очевидцем, но и участником ареста, и при том под свежим впечатлением происшедшего. Документу этому придавалось и в III Отделении серьезное значение. Как на «особенно полный и важный для истории дела (ареста Нечаева)» ссылался на рапорт Николича-Сербоградского Н. Н. Голицын в своей секретно изданной официальной «Истории социально-революционного движения в России» [1]).

Мы поэтому приводим этот рапорт здесь целиком, с сохранением стиля подлинника, характерного для автора-жандарма. Документ этот рисует последнюю стадию погони за Нечаевым, организованной III Отделением, и, следовательно, является как дополнением ко всему тому, что говорилось выше, так и непосредственным продолжением рассказа о безрезультатных подвигах отставного коллежского асессора К. Романа:

«Весьма секретно.

Господину шефу жандармов, его сиятельству графу Петру Андреевичу Шувалову.

Адъютанта майора Николича-Сербоградского.

Рапорт.

Согласно данному мне маршруту, я прибыл 31-го июля н. с. в г. Базель, где я думал встретить г. Зега [2]), которому я телеграфировал о дне моего приезда; но депеши моей он не получил и я должен был ожидать его в Базеле. — 2-го числа августа я послал ему письмо в Цюрих, прося его прибыть ко мне. В тот же день вечером, в 6½ часов, я получил следующую депешу:

«Базель. Из Цюриха. Гостиница «Schweitzer Hof». Nikolitz. Письмо только что получил. Завтра утром приезжаю. Телеграммы не получил. Мишель» [3]).

3-го числа, в 10 часов утра, он прибыл ко мне в Базель, где и оставался целый день; я передал ему условленный знак и подробную о последующих действиях инструкцию.

---

[1]) Изд. департамента полиции, 1887 г., стр. 41.
[3]) Зега — сотрудник швейцарской полиции.
[2]) Телеграмма в рапорте приведена на немецком языке. Мы приводим ее в нашем переводе. *Р. К.*

4-го числа он отправился обратно в Цюрих и 5-го утром послал по адресу «Madame Anna Steptkowski. Rennweg № 28» письмо следующего содержания:

«Только что вернулся из Вены от вашего брата. Желаю вас видеть» [1]).

Час спустя Стемпковский [2]) сам явился к нему в «Hôtel Bauer» и встретил его ходящего по коридору. Подошедши к нему, он спросил, не от него ли посланное письмо? Тогда Зега, сказавши, что действительно он писал, пригласил его в комнату. Стемпковский, увидевший условленный знак, убедился и объявил Зега, что Нечаев в Цюрихе и что он, Стемпковский, может доставить случай его видеть в тот же день в 4 часа в «Café Lindenhof», а вечером в 6 часов в «Café Boller»—обыкновенное сборище польских революционеров. Стемпковский описал наружность Нечаева и сказал, что за одним столом будет сидеть сам он, Турский, мужчина средних лет, носящий большие рыжие бакенбарды, и, наконец, Нечаев, моложе обоих двух, с маленькими усами и с только что проглядующей (sic!) в виде пуха бородою. Действуя с величайшею осторожностью и выказав при этом замечательную опытность, Зега успел вполне воспользоваться указаниями Стемпковского и познакомиться с наружностью Нечаева, увидевши его раз в 4 часа, а другой раз — вечером. После того Зега предложил Стемпковскому повести его в Базель с тем, чтобы его познакомить с личностью, с которою он мог бы говорить со всею откровенностью. Он согласился и, действительно, на другой день, 6-го числа, в 10 часов утра является ко мне в Базель Зега и объявляет, что Стемпковский ждет у дверей. Я с Зега сошел на улицу и тут же познакомился с Стемпковским. Зега оставил нас вдвоем и удалился. Мы пошли за город и разговор наш начался. Целый час слушал я Стемпковского, который начал мне рассказывать про революционные деяния Интернационального Общества, польской и русской эмиграции, о которых он имеет самые подробные сведения, так как он — член одного из главных кружков, в котором участвуют только три лица: Нечаев, Турский и он. Выслушав его, я наконец обратился к нему с вопросом о Нечаеве. Стемпковский сказал мне, что он его уже два раза показывал и готов еще раз показать завтра Зегу в 12 часов дня на мосту в Цюрихе. Наконец он предложил и мне его показать, если я того пожелаю. На это я ему ответил вопросом: Давно ли он знает Нечаева? На ответ, что он с ним знаком около 2-х месяцев, я ему возразил, что мне никакой надобности нет видеть Нечаева, потому что я-то его знаю уже четыре года.

---

[1]) Приводится в переводе с немецкого. *Р. К.*

[2]) Николич пишет то Стемпковский, то Стемтковский, то Стемптковский. Мы везде переправили на «Стемпковский». *Р. К.*

После этого я прямо обратился к Стемпковскому и попросил его откровенно выставить мне свое собственное положение. Он объяснил мне, что имеет искреннее желание возвратиться на родину, но что считает это невозможным, потому что он слишком скомпрометирован и, как бывший чиновник, не может надеяться на помилование. Сам же он беден и обременен семейством. Тогда я ему объявил прямо, что, если он честно исполнит данное им слово в деле Нечаева и будет неутомимо в нем содействовать, то в таком случае я уполномочен ему обещать амнистию. За то, что он приехал ко мне в Базель, я тут же дал ему триста франков. Вечером в пять часов Стемпковский возвратился в Цюрих; вслед за ним вечером я послал Зега, объявив ему конфиденциально, что на другой день утром я буду сам у него в Цюрихе.

7-го числа в 10 часов утра я приехал в Цюрих к Зега и прождал там у него до $1^1/_2$ часов. В 12-ть мы были на мосту и до 1-го часа ждали прохода Стемпковского и Нечаева, но никто не показался. Это обстоятельство послужило мне первым убеждением, что Стемпковский не обманывает и что действительно он указал на самого Нечаева, но, будучи уверенным, что я знаю его, он, из опасения выпустить из рук дело, не заручившись материальными обеспечениями, — не захотел его вновь показать. Я возвратился в гостиницу и собрался ехать в Берн; вдруг на улице, около дверей, проходит Стемпковский и, не останавливаясь, скороговоркой говорит мне: «Идите за мною». Я показал ему вид полного неудовольствия и поехал на железную дорогу. Там он мне опять встречается и всячески старается меня уверять, что он был с Нечаевым на мосту, но что я их не заметил. Я не принял никаких объяснений и строго ему внушил, чтобы он не прибегал ко лжи, но вновь явился бы ко мне в Базель по первому моему требованию. Он же для этого случая собственноручно написал редакцию депеши: «Стемпковскому. Rennweg 21. Для обсуждения вопроса о Stand Flasheur [1]) приезжайте сами сюда. Шнейдер».

Я поехал в Берн, но там князя Горчакова не застал. На другой день, т.-е. 8-го числа, я явился его светлости в Интерлакен и, выставив цели моей командировки, просил его дипломатического содействия. Князь спросил меня, не имею ли средство удостоверить швейцарскому правительству, что имеющее быть указанное лицо действительно будет Нечаев. Тут я предложил его светлости телеграфировать в Петербург и просить о присылке действительного статского советника Колушкина [2]), знавшего Нечаева по случаю арестования его и допросов о сходках в 1869 году во время студенческих беспорядков и по положению

---

[1]) Stand Flasheur—условный знак. *Р. К.*
[2]) Колышкина, сотрудника III Отделения. *Р. К.*

своему могущего официально дать швейцарскому правительству требуемое удостоверение. Князь исполнил мою просьбу, и на другой день, то есть 9-го числа, я с князем вернулся в Берн. Там князь успел согласить г. федерального президента Вельти на просимое от него содействие, так что условлено было, что президент напишет в Цюрих и предложит президенту кантональной полиции (Regierungs Rath Pfenninger) содействовать лицу, которое к нему обратиться под именем «Коневича».

Обеспечившись таким образом для будущих действий, я в тот же день возвратился в Базель и 10-го числа отправил к Стемпковскому им же составленную депешу. Он мне ответил, что не может быть, а просит меня в Цюрих. Я тотчас же написал к Зега о немедленной присылке Стемпковского, на что в ответ получил нижеследующее:

«Уже утром Павел был у меня. Не может сегодня приехать, так как вечером должен быть здесь по важному делу. Завтра в 10 часов утра выезжаю через Аугсбург домой. Мишель».

Зега действительно уехал, но до того успел убедить Стемпковского приехать ко мне. Действительно, 12-го числа утром он прибыл. Я с ним возобновил весь бывший разговор и спросил его решительно, желает ли он далее содействовать мне. Он подтвердил мне выражение своей преданности. Тогда я выставил ему на вид его семейные обязанности и сказал ему, что, в случае арестования Нечаева, он и семейство его будут обеспечены тем, что выдастся ему золотом 5000 рублей.

Во время разговора постучался ко мне баварский агент; я его не впустил, но успел просить его хорошо познакомиться с наружностью человека, который со мной пойдет. Провожая Стемпковского на станцию железной дороги, я, под предлогом узнать ближайший путь, дал случай агенту говорить с самим Стемпковским. Он отправился по Баденской линии, я же тотчас вместе с агентом — по Швейцарской и переночевал в Цюрихе.

На другое утро, в $9^1/_2$ часов, я отправился к президенту кантональной полиции, у которого вдруг, к моему удивлению, я застаю в кабинете Стемпковского. Президент попросил меня подождать, но когда он меня принял Стемповского, уже там не было. Он был выпущен из секретной двери. Я себя назвал Коневичем, тогда президент тотчас же сказал мне, что он уведомлен о причинах моего посещения. Я же счел нужным тогда сказать ему мою настоящую фамилию и показать мой паспорт, где обозначено мое звание адъютанта шефа жандармов. На вопрос мой, могу ли я рассчитывать на содействие кантональной полиции, президент изъявил мне свою готовность, но прибавил, что Нечаева в городе более нет, потому что, вследствие неосторожных поисков французских агентов, он две недели тому назад отсюда бежал. Я тогда еще раз решительно спросил президента,

желает ли он — да или нет — содействовать к арестованию сего убийцы. Президент согласился, я же обязался указать ему Нечаева. Мы условились, что он будет в тот же день у меня вместе с жандармским майором. После этого я возвратился домой, куда, по моему приглашению, прибыл ко мне Стемпковский. Я тут успел окончательно убедить и склонить к арестованию на другой же день. Стемпковский сказал мне, что завтра Нечаев будет в «Café Müller» am Seefeld в 1 ч. дня. Тут же прибыл ко мне президент с жандармским майором Netzli. Я успел выпустить Стемпковского, но полагаю, что президент заметил его. Убедившись снова в готовности президента содействовать мне, я попросил его сделать следующее распоряжение: командировать восемь переодетых жандармов и разместить их на местностях, которых я укажу.

При выходе из города продолжается улица, называемая «Seefeld»; в середине этой улицы, по левой стороне, находится в роде харчевни, называемой «Müllers Caffe Haus». Далее на горе есть фарфоровая фабрика, в которую Нечаев, из опасения преследований французских агентов, хотел поступить, чтобы укрыться и получить вид, ограждающий его от притязаний полиции. Имея в виду расположить на другой день жандармов, соображаясь с этой местностью, я попросил президента прислать ко мне в 12 часов майора Netzli, в распоряжении которого должны уже были быть восемь жандармов. Условившись во всем, президент и майор ушли.

В 11 часов ночи пришел ко мне Стемпковский. Я ему возобновил все обещания и спросил, можно ли, по его мнению, на другой день Нечаева арестовать. Он, хотя и признавал эту возможность, но, во избежание скандала, умолял не останавливать его в самой харчевне. Я согласился с ним и выразил мое намерение поставить только агентов на улицу, для того, чтобы более их познакомить с личностью Нечаева.

14-го августа, в 12 часов, прибыл ко мне майор Netzli. По сделанному заблаговременно распоряжению, пять жандармов должны были ждать в кофейной «Müller», а трое—по дороге, ведущей к тому месту, где жил Нечаев. Все они в лицо знали Стемпковского и должны были арестовать того, кто с ним будет ходить по улице или сидеть в кофейной. Наружность Нечаева была им описана. Если же их было бы несколько человек, то арестовать их вкупе. В $1^1/_4$ майор и я были на месте и расхаживали по побочной улице. Жандармы же расстановились по указанию.

До 2-х часов в кофейной уже сидел Стемпковский и пил кофе с двумя членами Интернационального общества Грейлихом и Реми.

В два часа входит сам Нечаев. Стемпковский оставляет стол, у которого он сидел, и уселся с Нечаевым, который потребовал

стакан пива. Стол был у дверей. Несколько минут спустя старший вахмейстер, сидящий напротив, встает, проходит к Нечаеву и просит его выйти на минуту, потому что имеет передать ему несколько слов. Как только Нечаев успел выйти из двери, остальные жандармы бросились за ним, а вахмейстер металлической цепью скрутил ему руку.

Нечаев начал кричать и звать себе на помощь Стемпковского. Тот вылетел из кофейной и хотел его защищать, надев на руку так называемый железный «coup de poing». Два сидящие там члены Интернационала стали его уговаривать не принимать защиты человека, недостойного сочувствия, а один из жандармов сказал ему: «Herr Stempkovski, seien sie ruhig» («Г-н Стемпковский, успокойтесь!»). Между тем Нечаева уводили.

В карманах его нашли шестиствольный отличный большой револьвер (все стволы заряжены), два старых бумажника, в коих записано много имен высших сановников Российской империи, два письма — одно на французском, другое на русском языке (ответ на сие последнее письмо просят Нечаева дать чрез посредство редакции «Биржевых Ведомостей»), пять экземпляров новой революционной программы на польском языке и четыре конверта с адресами на имя: 1) Herren Andreewitch, 2) Herren Stojanowitch, pour remettre à M-r Etienne, 3) Herren Ewassanin и 4) M-me Stern. Трое из имен сербские, все же конверты адресованы в Цюрих. Кроме того найдено несколько записок, между прочими одна на имя M-lle Herzen à Paris, и, наконец, старый кожаный кошелек, где было 1 фр. 40 сент., и старый же средней величины складной ножик. Жандармы увели Нечаева без сопротивления с его стороны на городскую гауптвахту.

Я туда же с майором отправился и нашел там уже президента полиции, который Нечаева еще не видал. Я попросил его, как предмет особой важности, позволение первым говорить с Нечаевым с тем, чтобы президент следил бы за выражением его лица.

Вошедши в комнату, я прямо обратился к Нечаеву со словами:

— «А! Здравствуйте, г-н Нечаев, наконец-то я имею случай с вами ближе познакомиться».

Он весь переменился в лице и страшно побледнел. — «Я вас не понимаю, милостивый государь», — ответил он мне по-русски. Президенту он объяснил по-французски, что немецкого языка он не знает и назвал себя «Stephan Grasdanow», 22-х лет от роду, родом же из Сербии. Получивши на то позволение президента, я прямо обратился к Нечаеву с вопросом по-сербски, но тот, смешавшись, ничего не мог отвечать и сказал только, что долго жил в России и забыл сербский язык. Я передал президенту, что допрашиваемый вовсе не говорит по-сербски. Обстоятельство это было внесено в протокол, и на вопрос Нечаева, за что он аре-

стован, президент объявил ему, что распоряжением Федерального Совета он арестован вследствие обвинения в убийстве. Я тогда же обратился к Нечаеву и напомнил ему, что должен отвечать за погибель Иванова. Нечаев, услышав это, опять заметно смутился. Его тогда же увели, а я объявил президенту, что считаю себя в совестливом праве подписать протокол, так как лицо Нечаева мне известно по фотографии, я знаю сестру, имеющую большое с ним сходство, что арестованный наверное не серб и что, наконец, явятся личности, его знающие и могущие все это подтвердить.

Тем и покончился предварительный на гауптвахте допрос Нечаева. Я с майором Netzli возвратился домой, искренне поблагодарил его за энергическое содействие и выдал восьми жандармам, так ловко приведшим в исполнение арестование, награды, по 100 франков каждому.

Я не считаю себя в праве говорить о его светлости князе Горчакове, так много способствовавшем успеху дела своим неутомимым содействием на дипломатическом поприще и своим горячим сочувствием к достижению цели. Считаю только долгом своим говорить о майоре Netzli и о г. Зега. Сей последний начал дело, провел около месяца в самой опасной среде революционных агитаторов и, несмотря на ежедневную угрожающую ему опасность, довел свое дело до конца. Майор Netzli с тех пор, как я с ним познакомился, исполнял все мои распоряжения, как самый усердный подчиненный, и его примерной и бескорыстной деятельности можно приписать в значительной степени успешный результат.

Привезенное письмо господина товарища шефа жандармов к его светлости князю Горчакову действительным статским советником Всеволожским и личные дополнительные объяснения сего последнего с князем послужили к окончательному разъяснению дальнейших действий и к необходимому в подобном случае единству в предпринимаемых мерах.

Майор Николич-Сербоградский.

Интерлакен.
7/19 августа 1872 года».

Протесты русских эмигрантов против ареста С. Г. Нечаева.

Арест С. Г. Нечаева на территории Швейцарии, — страны, гордившейся, якобы, своим гостеприимством, — и предстоявшая выдача его России вызвали справедливое возмущение и негодование среди эмигрантов всех оттенков и направлений, и не только русских, но и среди членов местных швейцарских социалистических и анархических организаций. По этому поводу заграницей была поднята шумная агитация. Республиканскому федеральному правительству Швейцарии разными организациями и отдельными известными политическими и общественными деятелями Европы было послано несколько резких протестов против провокационного поведения швейцарских властей. Все эти протесты и агитация, как известно, не привели к цели. С. Г. Нечаев не только не был освобожден, но самая передача его в руки российских жандармов была бесповоротно предрешена заблаговременно. Тайная и всесильная тогда дипломатия победила, и протесты революционеров остались гласом вопиющего в пустыне. Попытка освободить Нечаева по пути из тюрьмы на Цюрихский вокзал, предпринятая группой революционеров, равным образом не увенчалась успехом. С. Г. Нечаев вопреки всему был выдан России.

Этот факт — арест С. Г. Нечаева агентами русского правительства в «свободной» Швейцарии — остался клеймом, несмытым «демократией» этой страны. Он прекрасно характеризует политику швейцарского правительства, поведение которого и в наши дни вызывает негодование и презрение. Убийство тов. В. В. Воровского, лицемерное оправдание его убийцы и т. д., все это—звенья одной цепи, факты одной цельной и стройной системы власти, ясно и ярко обнаружившейся еще полвека тому назад в деле ареста и выдачи Нечаева.

Среди протестов, предъявленных тогда швейцарскому правительству, на первом месте стоят два воззвания русских эмигрантов. Документы эти до сих пор в России не были опубликованы, почему и приводим их здесь целиком.

Первое из воззваний опубликовано на немецком языке в Цюрихе 16 августа 1872 г. в виде листовки. Второе — в виде брошюры на французском языке — несколькими днями позже. На титульном листе брошюры следующее заглавие: «Netschajeff est-il un criminel politique ou non?» (Напечатано в Женеве, Imprimerie coopérative, Rue du Conseil Général, 8). Оба воззвания приводятся в нашем переводе.

По сведениям Н. Н. Голицына («История социально-революционного движения в России», 1887 г., изд. департамента полиции, стр. 42), основанным на донесениях секретной агентуры III Отделения, воззвания эти будто бы написаны М. А. Бакуниным. Будь даже его сведения неверны, документы от того интереса своего не теряют. Они отчетливо рисуют отношение эмигрантов, подписавших воззвания, к аресту Нечаева и к самому Нечаеву и попутно разоблачают действия швейцарского правительства.

I.

«В среду 14 августа в Неймюнстере был задержан цюрихской полицией молодой человек. Этот человек известен был здесь под именем серба Стефана Гражданова. Но полиция, повидимому, считает его известным политическим эмигрантом Нечаевым, обвиняющимся в соучастии в политическом заговоре и убийстве и подвергающимся в течение трех лет преследованиям русского правительства, которое требует его выдачи.

Мы не знаем господина Гражданова; так же мало мы знаем, Нечаев ли он или нет. Но если предположить, — в чем мы сильно сомневаемся, — что подтвердилось бы предположение, будто арестованный молодой человек никто иной, как Нечаев, мы во всяком случае чувствуем себя обязанными всеми силами протестовать против этой выдачи.

Господин Нечаев нам совершенно чужой, и мы не хотим иметь ничего общего с приписываемыми ему — с основанием или без основания — принципами; но, поскольку он подвергается преследованиям со стороны ненавистного нам русского правительства, он для нас свят; мы все чувствуем себя обязанными встать на защиту его прав политического эмигранта. Нам слишком хорошо известны шулерские приемы русского правительства. Оно постарается выставить Нечаева в глазах швейцарских властей обыкновенным убийцей; для этой цели оно не будет гнушаться никакими средствами: ложь, лжесвидетельство, — все будет пущено в ход, чтобы овладеть этой новой жертвой. Но мы просим разрешения доказать на основании официальных, самим правительством опубликованных актов нечаевского процесса, на основании напечатанного в русских газетах стенографического отчета обвинительной речи прокурора, —

что в самой России Нечаев преследовался русским правительством только как политический преступник.

Нет ни одного русского и, прибавим, ни одного иностранца, посвященного в условия русской действительности, который бы стал в этом сомневаться. Если бы совершилось неслыханное, если бы швейцарские власти выдали бы Нечаева русскому правительству, то со стороны швейцарской республики это было бы принесением народного политического вождя в жертву ненасытной мести русского кнута.

Мы взываем поэтому не только к правительству Цюриха, но также к общественному мнению Швейцарии и всей Европы. Мы не можем поверить, чтобы правительство свободного, республиканского народа, справедливо гордящегося своим великодушным гостеприимством, чтобы оно могло протянуть руку русскому деспотизму.

Владимир Гольштейн
Валериан Смирнов
Земфирий Ралли
Александр Эльсниц
Михаил Бакунин
Владимир Озеров

} Русские политические эмигранты.

Цюрих, 16 августа 1872 года».

II.

НЕЧАЕВ.

Политический ли он преступник или нет?

(Арестован в Цюрихе 14 августа 1872 года).

16-го августа мы выпустили воззвание, в котором выражали протест против ареста человека, которого, правильно или неправильно, принимают за Нечаева, русского политического агитатора. При этом нами руководило живейшее желание, чтобы во всей первоначальной чистоте и святости сохранено было то благородное право, которое Швейцария предоставляет эмигрантам, право убежища, которым все мы пользуемся.

Русское правительство преследует Нечаева, как преследует всякое деспотическое правительство человека, который, хотя бы безуспешно, сделал попытку к ниспровержению существующего строя. Всякий поймет, как страстно хочет русское правительство какою угодно ценою наложить руку на этого человека. Но Нечаев находится на территории гостеприимной Швейцарии; следовательно, Россия не может требовать его выдачи, поскольку он считается преступником политическим. Ей остается одно средство, чтобы добиться его выдачи, — обра-

тить его в обыкновенного преступника. В подобных случаях деспотизм не останавливается ни перед какими средствами: для достижения своей цели он не гнушается ни ложью, ни клеветой, ни самой низкой интригой. Но чем ниже приемы, к которым прибегает русское правительство, чем неистовее его стремление лишить эмигранта его права убежища, тем сильнее мы чувствуем, что наш долг разоблачить его бесчестные приемы.

Вот почему мы считаем необходимым в нескольких словах выяснить сущность и характер процесса Нечаева. Мы будем придерживаться тех стенографических отчетов, которые, пройдя через предварительную цензуру, были опубликованы правительством в русских газетах. Этого будет достаточно для того, чтобы убедить каждого в том, что преступление Нечаева чисто политическое.

Чтобы избежать всякого недоразумения, мы считаем своим долгом высказать с еще большей ясностью и точностью все то, что сказано было в нашем протесте от 16 августа. Мы далеки от того, чтобы сочувствовать идеям Нечаева, его принципам, особенно их применению на практике. Мы могли бы даже доказать, если бы это понадобилось, что он с давних пор считает нас своими политическими противниками. Но тем не менее, это не мешает нам, наоборот, заставляет нас засвидетельствовать и поручиться собственной честью, что все деяния Нечаева, начиная с организации тайного общества и кончая убийством некоего Иванова, должны рассматриваться, как преступления политические, а не уголовные. Вот отчего Нечаев не может быть выдан русскому правительству. Мы должны еще заметить, что между Россией и Швейцарией не существует никакого договора о выдаче.

Но прежде чем заняться более детально делом Нечаева, скажем несколько слов о стране, в которой он действовал. Всем известно, что ни один народ Европы не живет в таком угнетении, как русский народ. Ярмо деспотизма и насилия душит в самом зародыше всякое общественное движение; свобода личности не существует в этом царстве кнута; нужно ли говорить о положении русского народа? Всякий, кто хоть немного знаком с Россией, знает, что из 80 миллионов ее жителей 70 миллионов, несмотря на прославленное освобождение крестьян от крепостного права, изнывают под бременем непосильного труда, и для чего? Для того, чтобы оплатить огромные расходы, которые государство тратит на содержание чиновничества, призванного душить в народе всякое человеческое чувство и преследовать того, кто бы захотел пробудить в нем мысль о свободе. Что же касается самого народа, то он чувствует себя счастливым, когда у него есть кусок хлеба из плохой муки и из сушеной коры деревьев. Удивительно ли, что при существующем положении жалкая

судьба народа живо волнует учащуюся молодежь, которую еще не успело развратить влияние бюрократизма? Удивительно ли, что постыдная эксплоатация народных масс правительством так глубоко оскорбляет чувство справедливости, живущее в душе учащейся молодежи? Она встала на сторону народа, потому что видела его страдания и нашла их слишком тяжелыми. Не одними словами пыталась учащаяся молодежь выразить угнетенному народу свое сочувствие; нет, лучшая, самая, самая благородная часть молодежи не отступала ни перед какой жертвой, когда можно было хоть чем-нибудь помочь народу. Ни тюрьма, ни ссылка, ни даже смертная казнь не могли ослабить ее энергии, и как только правительству удавалось подавить одно движение, так вслед за ним возникало новое.

Было бы слишком долго рассказывать историю всех этих движений. Да и не в этом наша цель. Мы коснулись этого вопроса лишь для того, чтобы обрисовать среду, в которой действовал Нечаев. Установлено, что члены тайного сообщества, основанного им, принадлежали, по большей части, к учащейся молодежи. Это сообщество было основано в Москве в 1869 г. под названием Общества Народной Расправы.

Оно задавалось целью подготовить народное восстание. Нечаев, который превосходил всех других своей действительно изумительной энергией, пользовался наибольшим влиянием. Это был фанатик идеи, сложившийся под влиянием суровых условий русской действительности и безнадежного и горестного положения русского народа. Члены этого общества отдались душою и телом своей идее, они жили только ради освобождения народа; они заранее принесли себя в жертву.

Даже прокурор охарактеризовал их следующими словами: «Вот отчего, господа судьи, я считаю этот заговор опасным. Люди столь различных настроений и мыслей соединяются, чтобы образовать одно коллективное целое. И если они жертвуют всем для достижения своей цели, мы должны признать, что их заговор опасен для государства, несмотря на то, что их общество немногочисленно и не располагает значительными денежными средствами. Вот почему, господа, я пришел к глубокому убеждению, что тайное общество, о котором я говорил, действительно опасно не по числу своих членов и не по денежным средствам, какими оно располагает, но по своей внутренней организации, по одушевлению и по энергии, какими исполнены его члены» («С.-Петербургские Ведомости» 1871 г., № 188).

Вернемся теперь к Нечаеву, и повторим беспристрастно, без собственных добавлений, что о нем говорят на процессе.

Все подсудимые единодушно утверждают, что он на деле доказал исключительную энергию, что он неизменно проявлял

неутомимую деятельность, что он был фанатически предан своему делу.

Вот что говорит прокурор в своей речи: Я не стану давать здесь подробной характеристики Нечаева; это было бы излишним, поскольку он отсутствует[1]). Тем не менее я хочу сказать о нем столько, сколько надо для того, чтобы осветить общий характер всего дела. Нечаев — сын бедного ремесленника. Он родился в селе Иванове Шуйского уезда, Владимирской губернии; по словам Прыжова он научился чтению и письму только на шестнадцатом году, и, в общем, получил лишь очень скудное образование. Несмотря на это, Нечаев, родившись в селе и проведя там всю свою юность и первую молодость, приобрел опыт и качества, более всего нужные для осуществления его планов; он познакомился с жизнью и с духом народа, он научился понимать его нужды, и таким образом, как выражается Прыжов, он был и всегда будет сыном народа.

«Перейдя из села Иванова в Москву, Нечаев поступил в Московский университет, по окончании которого стал учительствовать в городском училище в Петербурге. В короткий промежуток времени он сумел завязать связи; он пополнил свое образование и в некоторых областях приобрел значительные познания, которые он всегда умел использовать. Все подсудимые характеризуют Нечаева, как человека огромной энергии. Все данные, находящиеся в настоящее время в наших руках, являются красноречивым подтверждением такой характеристики. Одни утверждают, что он уделял сну не более двух часов, другие говорят, что он душой и телом отдался своей идее. Таким образом из показаний всех подсудимых мы можем сделать тот вывод, что Нечаев был глубоко предан общему делу и тем идеям, которые он мечтал осуществить» («С.-Петербургские Ведомости», 1871 г., № 188).

А ведь эту характеристику Нечаева и его товарищей даем не мы, а прокурор.

С момента основания тайного общества, в число членов вошел человек, который, по словам участников Общества Народ-

[1]) Мы должны здесь заметить, что согласно русским законам никто не может быть осужден заочно; вот отчего Нечаев, которому удалось бежать заграницу, нигде не фигурирует в процессе. Примечание подлинника.

ной Расправы, непрерывно вредил общему делу и своим поведением внушал подозрение остальным членам сообщества. Подсудимый Успенский, которому было поручено собирать данные о деятельности каждого из участников, показывает, что с разных сторон он получал сведения о том, что этот человек, по имени Иванов, вступил в Общество исключительно с целью выдать его правительству («С.-Петербургские Ведомости», 1871, №№ 181, 183 и 209). Отсюда с необходимостью вытекала альтернатива, которую необходимо было разрешить и которая состояла в следующем: или избавиться от столь опасной личности, или обречь все дело, всю организацию, и всех членов на неизбежную гибель. Тогда пять членов общества, между которыми находился также и Нечаев, решили убить Иванова, чтобы спасти свое дело. Они выполнили это решение. Вскоре убийство Иванова и все тайное общество были обнаружены, в связи с чем последовали бесконечные обыски и бесчисленные аресты. Между тем Нечаеву при помощи друзей удалось бежать заграницу. Процесс начался; в официальных актах русского правительства он носил следующее название: «Судебное дело о заговоре, имеющем целью ниспровержение существующего строя».

Одно это название ясно показывает, с какой точки зрения правительство оценивало все это дело, — то-есть считало ли оно это дело политическим, или нет. К суду были привлечены в качестве участников заговора 84 подсудимых, 63 содержались под стражей. Они все были разбиты на различные категории, каждой из которых предъявлялось особое обвинение. К первой категории были отнесены 11 подсудимых. Все они обвинялись в заговоре против правительства, а четырем из них, сверх того, было предъявлено обвинение в убийстве Иванова (Успенский, Прыжов, Николаев и Кузнецов). Объединение этих четырех подсудимых с семью остальными, которые, кроме обвинения в заговоре, с ними ничего общего не имели, доказывает, что дело носило чисто политический характер, и что с этой точки зрения к нему подходило правительство.

Совершенно естественно, что русское правительство старалось обвинить лиц, убивших Иванова, как совершивших убийство из чисто личных целей. Оно старалось доказать, что Иванов сделался жертвой чисто личной мести; но как из заявлений подсудимых, так и из речей защитников выясняется как раз обратное.

Так подсудимый Успенский говорит: «Нечаев, так же, как и я, не питал никакой личной вражды к Иванову, к тому же Нечаев, весь ушедший в свою работу, никоим образом не мог интересоваться личностями, какими бы они ни были. Революционные принципы, которыми он был проникнут до глубины души,

исключали для него всякую мысль о личной мести, даже если бы она могла оказаться полезной обществу. Наконец, я убежден в том, что Нечаев был слишком человечен для того, чтобы приносить в жертву своему личному чувству чью бы то ни было жизнь» («С.-Петербургские Ведомости», 1871, № 194).

Защитник подсудимого Успенского, князь Урусов, говорит о нем следующими словами: «Вопрос о том, что надо было сделать, если один человек оказывался вредным для всего Общества, вопрос, поставленный чисто теоретически, согласно диалектике данной организации, мог быть решен только в том смысле, что человек этот должен быть удален во что бы то ни стало (Иванов). Для Общества открывался лишь один путь избавиться от Иванова — смерть; никакого другого выхода не было» («С.-Петербургские Ведомости», 1871 г., № 191).

Мы уже говорили, что Нечаеву удалось бежать. Страстное желание схватить Нечаева заставило агентов русского правительства прибегать к действиям, которые показались бы смешными и бессмысленными, если бы не были ясно видны их тайные и злобные мотивы. Так, например, в мае 1870 г. в Женеве был арестован молодой человек по имени Семен Серебренников. Несмотря на показания всех, лично знавших и его, и Нечаева, и утверждавших, что Серебренников совсем не похож на Нечаева, несмотря на свидетельство его близких друзей, он просидел 12 дней в тюрьме. Таким образом, совершенно невинный человек был в течение 12 дней лишен свободы и кроме того скомпрометирован, так как его переписка попала в руки русских агентов. Правда, что эта переписка с друзьями не содержала ничего такого, что могло бы скомпрометировать человека в свободной стране; но русское правительство на основании одного какого-нибудь слова, нелестного суждения о лице, занимающем ответственный государственный пост, готово подвергнуть жестоким преследованиям того, кто неосторожно высказал свое убеждение. Таким образом Серебренников лишен возможности вернуться к себе на родину, несмотря на то, что не совершил никакого преступления. Но это, конечно, не исключительный факт. Русские агенты позволяют себе на территории Швейцарской Республики еще большие безобразия. В Женеве проживал русский эмигрант по фамилии Утин. Русское правительство нашло нужным перехватить его бумаги; оно просто объявило его фальшивомонетчиком. У него был сделан обыск; как и следовало ожидать, у него не найдено было и намека на фальшивые ассигнации, но зато русские агенты узнали все, что им было нужно.

Мы сообщили достаточно фактов для того, чтобы всякий мог бы составить себе представление о характере процесса. При этом мы основывались не на наших собственных выводах;

а на официальных документах [1]). Это дает нам право спросить: кто решится теперь утверждать что преступление Нечаева не есть политическое преступление?

Мы взываем к справедливости, к совести и к здравому смыслу Швейцарской Республики. Страна, давшая убежище Дон Карлосу и Изабелле, пролившим потоки человеческой крови, эта страна не хочет и не может согласиться выдать Нечаева, который, каковы бы ни были его принципы и результаты его заговора, всегда был твердым и страстным борцом против одного из худших европейских правительств.

Мы убеждены, что страна, давшая жизнь Вильгельму Теллю, всегда, несмотря на все усилия деспотических правительств, предоставит убежище эмигранту.

Александр Эльсниц
Земфирий Ралли
Валериан Смирнов
Владимир Гольштейн
Лазарь Гольденберг
Михаил Бакунин
Владимир Озеров

} Русские политические эмигранты.

---

[1]) Эти документы, между ними обвинительный акт, будут нами переписаны и представлены швейцарскому правительству, которое сможет проверить по официальному тексту наш перевод. *Примечание подлинника.*

Помилование Адольфа Стемпковского.

(К истории ареста С. Г. Нечаева.)

Предательское поведение в деле ареста С. Г. Нечаева Адольфа Стемпковского,—члена, по свидетельству современника, «многих революционных и социалистических кружков, в том числе обеих цюрихских секций Интернационала (местной немецкой и славянской)», а, по уверению другого современника, даже секретаря интернациональной марксистской секции [1]), — возбудило в свою очередь толки. Предательская роль Стемпковского ясно определилась тотчас же по задержании Нечаева. Возмущение против него достигло таких пределов, что та самая группа, которая пыталась освободить Нечаева в дороге, решила убить его, но Стемпковский избег такой участи, во-время скрывшись.

Большая же часть лиц, заинтересованных в выяснении истинной роли Стемпковского (который проживал в Цюрихе, как польский эмигрант) и удаления его, как предателя, из своей среды, вступила на путь более умеренных действий. Был назначен товарищеский суд, который должен был предъявить ему публичное обвинение в предательстве, выслушать его объяснения, допросить свидетелей, в том числе очевидца ареста Нечаева — видного швейцарского социалиста Грейлиха, и, соответственно с достигнутыми объективным следствием результатами, вынести приговор. В состав суда входили по два человека от организаций, членом коих Стемпковский состоял.

Стемпковский, как и следовало ожидать, на суд не явился, а переехал в Берн.

Товарищеский суд, несмотря на неявку обвиняемого, приступил к заочному рассмотрению дела и после тщательного следствия вынес свой осуждающий приговор. Приговор этот, опубликованный в свое время в заграничной печати, до сих пор не пере-

---

[1]) «Былое», 1906 г., кн. VII, стр. 145 и 147.

печатан в России, почему и привожу его здесь в переводе из немецкой газеты «Täglicher Allgemeiner Anzeiger».

ПРИГОВОР СУДА ЧЕСТИ.

«По делу Адольфа Степмковского, живописца вывесок, проживающего здесь на улице Реннвег, № 21, обвиняемого в том, что он служил русскому правительству в качестве доносчика и шпиона в деле политического эмигранта Нечаева, нижеподписавшиеся, назначенные от различных Союзов и национальностей члены Суда чести, — после того, как они предварительно пригласили обвиняемого Стемпковского, сообщили ему все сведения об организации Суда и, в особенности, предоставили ему свободу отказаться от половины судей, привести защитника, свидетелей и всякие другие средства защиты, гарантируя ему также полную безопасность его личности, т.-е. совершенно свободный пропуск; после того, как в повестке было ясно указано, что, в случае отсутствия обвиняемого, Суд приступит к допросу свидетелей и вынесет свое постановление в отсутствии обвиняемого, который прибегнул к помощи полиции против Суда, — по выслушании десяти свидетелей со стороны обвинения и по прочтении различных письменных документов и после пятичасового совещания, единогласно вынесли следующий приговор:

Да, обвиняемый Адольф Стемпковский признается виновным в том, что действовал, как доносчик и шпион, в деле политического эмигранта Нечаева.

Этот приговор доводится настоящим до всеобщего сведения.
Цюрих, 1 сентября 1872 г.

Члены Суда: Яков Франц, Лазарь Гольденберг, Владимир Гольштейн, Павел П. Иованович, Павел Ст. Иованович, Бронислав Рихтер, Валерьян Смирнов, Петр Степиц, Эмиль Шимановский, Густав Теннер, Георгий-Вильгельм Залевский».

Что Стемпковский был польский эмигрант и участвовал в восстании 1863 г., было известно определенно. Знала об этом вся эмигрантская колония, и знало III отделение. Не раз его имя мелькало не только в служебной переписке, но даже в литературе [1]). Как над эмигрантом, именно, над ним и была назначен суд чести.

[1]) См., между прочим, «Всеподданнейший отчет генерал-полицийместера в Царстве Польском» за 1864 г. (Варшава, 1865 г., стр. 127 и 259) и М. П. Устинович, «Заговоры и покушения на жизнь наместника графа Берга» (Варшава, 1870 г., стр. 59).

Нашелся однако историк,—правда, официальный, но работавший над первоисточниками,—который возлелеял мечту реабилитировать Стемпковского и свести его роль к роли простого шпиона, каковое занятие, в глазах этого историка, надо думать, граничило с известным почетом. Только шпион, но не явный предатель. Я говорю о Н. Н. Голицыне, авторе X главы «Истории социально-революционного движения в России», написанной по распоряжению департамента полиции и секретно тем же департаментом напечатанной в количестве пятидесяти экземпляров в 1887 г. [1]). Вот что писал о Стемпковском Н. Н. Голицын в этой книге: «Стемпковский был чиновником варшавского магистрата, не участвовавшим ни в одном из злоумышлений польского восстания. Он эмигрировал, подобно множеству его соотечественников, но за несколько дней до поджога магистрата, что дало именно повод предположить какое-то участие его в этом деле . . . Стемпковский ни в чем не судился, никогда не был даже вызываем к суду из-за границы и жил спокойно эмигрантом в Швейцарии, презрительно относясь к деяниям и русских, и польских эмигрантов. Всех их он знал довольно близко. Впоследствии он не раз еще оказывал правительству полезные услуги» (стр. 41 «Истории»).

Свое снисходительное отношение к Стемпковскому Н. Н. Голицын основывает на определенных документах, на которые он тут же ссылается. Мне удалось отыскать эти документы. Все они относятся к «помилованию» Стемпковского и достаточно полно выясняют его п р е д а т е л ь с к у ю роль. На основании этих-то документов расскажу здесь о «помиловании» предателя. «Помилование» это интересно в некоторых отношениях: 1) оно показывает, как Н. Н. Голицын писал свою историю [2]), 2) выясняет облик самого Стемпковского, 3) наглядно характеризует отношение III отделения к подобным личностям и в подобных случаях и 4) дополняет общую картину погони за Нечаевым.

Перебравшись в Берн, Стемпковский, немедля, стал обращаться к русским дипломатическим представителям с требованием амнистировать его и выдать ему паспорт для возвращения на родину. В одном из первых донесений русского посланника в Берне князя М. А. Горчакова товарищу министра иностранных дел В. И. Вестману по поводу притязаний Стемпковского, Горчаков писал (8/20 сентября 1872 г.): «Стемпковский был сегодня утром в канцелярии, прося дать знать в Петербург, что ц е л ь ю е г о р а б о т ы и в с е х е г о с т р е м л е н и й было

[1]) Книга эта выше цитировалась. Она стала доступной исследователям лишь в 1917 г.

[2]) Впрочем, какова точность приводимых им фактов, показывает и тот факт, что Нечаев, по его утверждению, арестован в Женеве . . .

*

получение амнистии, что он будет ожидать еще две недели должный паспорт, но, если он такового не получит, то будет считать себя совершенно свободным от уз, связывающих его с III отделением, и будет искать какого-нибудь другого заработка».

За пять недель, прошедших со времени ареста Нечаева до момента, которым датировано цитированное письмо князя Горчакова, Стемпковский успел уже, судя по угрозе, выйти из терпения и изнервничаться. Нервность усугублялась трусостью: он боялся, очевидно, мести со стороны своих прежних товарищей. Александр II, который всегда был осведомлен о всех закулисных начинаниях своей канцелярии, когда ему доложили содержание приведенного письма князя Горчакова, выразил следующее: «желательно господина этого не выпускать из наших рук». Стемпковского стали удерживать.

Еще 17 августа (через три дня после ареста Нечаева) от начальника варшавского жандармского округа была телеграфно затребована справка о Стемпковском. Вот как аттестовали его:

«По сведениям, имеющимся во временной военно-следственной комиссии, Стемпковский, во время начавшихся в Царстве манифестаций, был одним из подстрекателей молодежи к беспорядкам. В 1861 г., по его распоряжению, была устроена так называемая «кошачья музыка» одному из русских генералов, проезжавших по варшавско-венской жел. дор., и он же распоряжался в Варшаве закрытием лавок, устройством на улицах баррикад и т. п. Впоследствии Адольф Стемпковский был офицером жандармов-кинжальщиков в Варшаве и потому прикосновенен ко многим убийствам, совершенным в Варшаве с 1862 по 1864 г.г., как подстрекатель и главный распорядитель тех злодеяний. Наконец, Стемпковский распоряжался поджогом ратуши в Варшаве. После побега заграницу Стемпковский, проживая в Цюрихе, предлагал некоторым из сановников свои услуги в качестве агента с тем, чтобы впоследствии получить прощение, но услуги его всего чаще не были принимаемы, в виду важности совершенных им преступлений . . . Стемпковский человек не без способностей, ловкий, продажный и потому мог бы с пользою быть употреблен, как агент по делу о польской эмиграции . . В случае возвращения в край, Стемпковский подлежал бы тяжкой ответственности по полевым уголовным законам» [1]).

Отзыв начальника варшавского жандармского округа рисует Стемпковского с одной стороны — его революционности. Другая сторона деятельности Стемпковского освещается, хотя и не полно, в докладе, составленном в III отделении 11 декабря 1872 г. для Александра II. Скачок с сентября на декабрь месяц

[1]) Дело архива III отделения, III экспедиция, № 141 за 1872 г.

1872 г. делается намеренно: в этот промежуток положение Стемпковского не изменилось, III отделение только удерживало его, как агента, обещанием скорой амнистии; но помилование, шедшее вразрез с категорическим отзывом варшавских жандармов, затягивалось. 11 декабря был составлен в III отделении всеподданнейший доклад, в коем «участь Стемпковского повергается на всемилостивейшее воззрение» Александра II:

«Три года тому назад III отделение собственной вашего императорского величества канцелярии приняло в число своих заграничных агентов проживавшего в Цюрихе польского выходца Адольфа Стемпковского, который до того, в течение пяти лет, был корреспондентом правительственной газеты «Варшавский Дневник» и в этом качестве оказывал немаловажные услуги разоблачением затей и проделок польской эмиграции и подрывом ее нравственного кредита в Польше [1]).

«Так как в то время, когда начались сношения Стемпковского с III отделением, в Швейцарии, под руководством Бакунина, Огарева и Нечаева, стало формироваться ядро русской революционной эмиграции, то ему было поручено сблизиться с русскими, прибывшими в Швейцарию на жительство, зорко наблюдать за теми, которые пристанут к названным коноводам, и в особенности не упускать из глаз Нечаева, неотступно следить за всеми его действиями и указать удобную минуту для задержания этого опасного преступника и агитатора. Стемпковский блистательным образом исполнил данное ему поручение, постоянно сообщал самые точные и подробные сведения о русских революционерах, приютившихся в Цюрихе или посещавших этот город, и, наконец, лично указал полиции Нечаева, задержанного 2 августа.

«Таковы восьмилетние заслуги Стемпковского, которыми он надеялся искупить свои прежние преступные действия, как участник в польском мятеже 1863—1864 г.г. Правда, действия эти нельзя не признать в высшей степени преступными, такими, что, не скройся Стемпковский заграницу, он по суду подлежал бы смертной казни. По сведениям, имеющимся во временной военно-следственной комиссии в Варшаве, Стемпковский, во время начавшихся в Царстве манифестаций, был одним из подстрекателей молодежи к беспорядкам. Впоследствии он был офицером жандармов-кинжальщиков в Варшаве и, наконец, распоряжался поджогом варшавской ратуши.

«Сам Стемпковский не отрицает своей виновности, хотя не признает ее в тех размерах, в каких на нее имеются указания в делах следственной комиссии, и в оправдание свое он приводит

[1]) По рекомендации именно редактора «Варшавского Дневника» Стемпковский и был приглашен на службу в качестве агента III отделения. *Р. К.*

то, что когда, в начале беспорядков, его хотели заставить принять в них участие, то он заявил об этом начальству, прося защитить его от угроз зачинщиков, но, не найдя у правительственных властей защиты, он из чувства самосохранения должен был исполнять приказания тайного революционного комитета.

«В настоящее время Стемпковский достиг среднего возраста, женат, имеет троих детей и собственным трудом создал себе состояние, обеспечивающее безбедное существование его с семейством.

«Он обращается к монаршему милосердию, просит предать забвению его прежние преступления, обещает за себя и за детей своих не уклоняться от долга верноподданного и продолжать оказывать правительству те услуги, которыми он в течение восьми лет старался, даже с опасностью для себя, искупить ошибки своей молодости. Участь Стемпковского повергается на всемилостивейшее воззрение вашего императорского величества».

От представления этого доклада Александру II шеф жандармов граф П. А. Шувалов воздержался. Среди высших чинов отделения обнаружились разногласия. Прикосновенные к агентуре воздавали должное заслугам Стемпковского в деле поимки Нечаева и полагали, что смертная казнь искупляется блистательным успехом агента. Другие же, в том числе, как это ни странно, сам П. А. Шувалов, держались иной точки зрения. Полное и реальное помилование такому человеку, повинному в тяжких политических преступлениях, по их мнению, не могло быть дано. Переговоры, поднятые по этому поводу в Петербурге, затянулись до начала февраля, когда (7 февраля) было решено «уведомить Стемпковского, что он будет помилован через год, если будет себя хорошо вести, но в Царство Польское нельзя будет вернуться раньше 2 — 3 лет после помилования».

Тем временем Стемпковского в Берне пытались убить. 4 (16) февраля 1873 г. князь Горчаков писал в Петербург:

«Вчера поляк Витольд Скржинский, кондитер, приехавший из Цюриха, сделал четыре револьверных выстрела в Стемпковского и его семью, в их квартире, но никого не ранил. Это месть комитета за Нечаева. Федеральные муниципальные власти города Берна в большом волнении; преступник скрылся. Начато строгое дознание. Из предосторожности, я немедленно разрешил Стемпковскому сдать в канцелярию его бумаги в запечатанном виде. Он умоляет графа Шувалова окончательно решить, будет ли ему дарована амнистия и паспорт для России. Его положение ненадежно. В виду того, что срок паспорта, выданного ему после ареста Нечаева федеральным швейцарским консулом, истекает через две недели, я прошу, по возможности, телеграфного ответа. Если Стемпковский получит просимые им милости, он оста-

нется в Швейцарии так долго, насколько позволит ему его положение [1]).

Покушение ускорило развязку. П. А. Шувалов срочно доложил о совершившемся Александру II и 13 февраля он уже писал князю Горчакову, что царь «всемилостивейше соизволил даровать ему полное прощение преступлений, совершенных им в качестве участника в мятеже 1863 г. Прощение это, будучи даровано Стемпковскому без ограничений, давало бы ему право ныне же возвратиться в пределы империи, но Стемпковский, вероятно, сам поймет причины, по которым я не могу не признать возвращение его в Россию в настоящее время весьма неудобным».

Стемпковский был помилован; вдобавок ему был пожалован подарок — бриллиантовый перстень стоимостью в 350 р.

После того этот предатель приезжал в Россию впервые, кажется, в начале 1876 г. Исполнилось желание его. Исполнилось желание и Александра II. Со Стемпковским не расстались: много лет он продолжал еще числиться заграничным шпионом III отделения, а потом и департамента полиции.

Его карьера закончилась, насколько мне известно, в 1883 г., когда признано было, что он «вполне бесполезен» и «даже вреден». По требованию известного деятеля департамента полиции Семякина, ревизовавшего заграничную агентуру накануне передачи ее в ведение П. Рачковского, Стемпковский был уволен от службы.

---

[1]) Надо полагать, что описываемое в этом письме покушение на Стемпковского не то, о котором рассказывает З. Ралли («Былое», 1906, кн. VII, стр. 146). Имело ли действительно место покушение Скржинского, утверждать нельзя; быть может, оно было инспирировано Стемпковским с целью ускорить помилование.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН.

СОДЕРЖАНИЕ.

